

Российская Академия наук
Институт славяноведения
Македонская Академия наук и искусств

Струкова К.Л.

**Общественно-
политическое
развитие
Македонии**

в 50-70-е гг. XIX века

Москва 2004

Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики
Македонская Академия наук и искусств

Струкова К.Л.

**Общественно-
политическое
развитие
Македонии
в 50-70-е гг. XIX века**

Москва 2004

Предлагаемый вниманию читателя труд Ксении Леонидовны Струковой, много лет проработавшей в Институте славяноведения РАН, посвящен проблемам социально-экономического развития Македонии второй половины XIX в. Эта книга имеет необычную историю. Монография Ксении Леонидовны, подготовленная в конце 60-х годов XX века, не была опубликована в то время по независящим от автора обстоятельствам. Публикация этой рукописи - не только дань памяти ушедшему от нас ученому, она является важным элементом процесса развития отечественной историографии славянских стран Балканского полуострова. Этот труд является первым монографическим исследованием в послевоенной нашей историографии по истории Македонии XIX века. Одной из центральных проблем данного труда является вопрос генезиса процесса национального возрождения славянского населения Македонии.

В настоящее время эта книга имеет важное историографическое значение. Читателям, научной общественности как в России, так и за рубежом предоставляется возможность ознакомиться с постановкой проблем и результатами исследования К.Л. Струковой. Это позволяет более полно и всесторонне представить картину развития отечественной историографии по данным вопросам

Ответственный редактор
кандидат исторических наук А.В. Карасев.

Рецензенты:

доктор исторических наук И.В. Чуркина.
кандидат исторических наук М.М. Фролова.

ISBN 5-7576-0163-9

© Институт славяноведения РАН
2004

Струкова Ксения Леонидовна 1922 – 1984 гг.

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателя труд Ксении Леонидовны Струковой, посвященный проблемам социально-экономического развития Македонии второй половины XIX в., имеет необычную историю. К сожалению, рукописи не всегда публикуются сразу после их написания. Но это всегда приятно, когда научный труд издается, ведь книги (и научные в том числе) пишутся для читателей. Монография Ксении Леонидовны не была опубликована по независящим от автора обстоятельствам. Сегодня она, естественно, кое в чем устарела.

Публикация этой рукописи - не только дань памяти ушедшему от нас ученому, она является важным элементом процесса развития отечественной историографии славянских стран Балканского полуострова. Этот труд является первым монографическим исследованием в послевоенной нашей историографии по истории Македонии XIX века.

Ксения Леонидовна Струкова родилась в 1922 г. в городе Чугуеве Харьковской области. Высшее образование она получила в Московском Государственном Университете в тяжелые военные годы. Вместе с университетом Ксения Леонидовна эвакуировалась в 1941 г. в Ашхабад, а затем в Свердловск. В 1943 г. вернулась в Москву и продолжила здесь свое обучение. Предметом своей специализации в университете Ксения Леонидовна избрала историю южных и западных славян. По завершении с отличием университета в 1945 г. она получила специальность "историк-славист (история южных славян)". Ксения Леонидовна закончила аспирантуру Института славяноведения АН СССР и в 1952 г. успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: "Воссоединение Южной и Северной Болгарии в 1885 г."

После защиты диссертации К.С. Струкова вместе с мужем - офицером отправилась на Курильские острова. Но судьба оказалась благосклонной к ее научным занятиям - вскоре Ксения Леонидовна возвращается в Москву и поступает в 1955 г. младшим научным сотрудником в Институт славяноведения АН СССР (так он назывался до 1968 г.) В стенах института она сохранила верность своему научному выбору, стала ученицей известного отечественного слависта, профессора С.А. Никитина. Школа профессора С.А. Никитина характеризовалась строго научной постановкой вопросов изучения всех аспектов одной из центральных проблем истории славянских народов Балканского полуострова - национального возрождения, борьбы за национальную независимость и государственность. Профессор Никитин ориентировал тогда молодую научную сотрудницу К.Л. Струкову на исследование проблем истории Македонии и Болгарии в XIX веке.

К.Л. Струкова в качестве автора участвовала в подготовке коллективного труда Института "История Болгарии". Принимала участие в подготовке публикации документов "Освобождение Болгарии от турецкого ига" (в 3-х томах), отличающейся высочайшим профессионализмом исполнения.

В 1971 г. Ксения Леонидовна стала старшим научным сотрудником Института. Это было заслуженное признание ее заслуг на научном поприще.

Следуя рекомендациям профессора С.А. Никитина, считавшего необходимым изучать историю Македонии, она опубликовала ряд работ по этой проблематике, Ксения Леонидовна является автором глав по истории Македонии в коллективном обобщающем труде Института "История Югославии" (в 2-х томах М., 1963 г.). К.С. Струкова опубликовала и ряд документов по истории Македонии XIX - начала XX вв. из отечественных архивов: "Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г."// Славянский архив 1963 г.; "Новые документы о положении в Ускюбском вилайете в 1903 г."// Славянское источниковедение, М., 1965 г. Она также написала несколько статей по проблемам македонского возрождения и национально-освободительного движения, роли македонской интеллигенции в этих процессах.

В последующий период своей научной деятельности К.Л.Струкова продолжала заниматься проблемами национального возрождения балканских народов в XIX в.

В 1981 г. К.Л.Струкова уволилась из Института и ушла на пенсию. В 1984 г. она скончалась.

Ныне работа Ксении Леонидовны Струковой сама уже стала историей. Она выражает взгляды автора во время работы над рукописью, а с той поры прошло уже немало лет. Использованная в работе литература тоже относится к тому времени. За прошедший с момента завершения работы К.Л. Струковой над данной рукописью период появилось много новых научных исследований, немало новых источников было опубликовано как в Республике Македония, так и за ее пределами, стали доступны исследователям прежде закрытые архивные фонды. Наука не стоит на месте, появляются новые точки зрения, новые концепции, уточняются прежние.

Публикация монографии К.Л. Струковой сегодня имеет прежде всего важное историографическое значение. Читателям, научной общественности как в России, так и за рубежом предоставляется возможность ознакомиться с постановкой проблем и результатами исследования К.Л. Струковой. Это позволяет более полно и всесторонне представить картину развития отечественной историографии по данным вопросам.

Именно поэтому при подготовке рукописи к печати полностью сохранена авторская редакция текста в том виде, в каком оказалась рукопись после завершения автором работы над ней. (Ксения Леонидовна продолжала работать над своим трудом после обсуждения рукописи в Институте славяноведения и балканистики РАН.) Публикация монографии безусловно является важным вкладом в отечественную историографию рассматриваемых проблем, до сих пор вызывающих острые дискуссии в мировой исторической науке.

В то же время хотелось бы заметить, что данный труд не является и не может являться исчерпывающим выражением взглядов современной российской историографии по вопросам социального и экономического развития Македонии во второй половине XIX в.

Рукопись подготовлена к публикации академиком МАНИ Данчо Зографским академиком МАНИ Блаже Ристовским, А.В. Карасевым и В.И. Косиком.

Хотелось бы выразить нашу искреннюю благодарность Македонской академии наук и искусств за финансовую поддержку данного совместного издания. Особая благодарность академику Македонской академии наук и искусств Блаже Ристовскому за личное участие и большую помощь в издании этой рукописи.

В в е д е н и е

Уже свыше ста лет вокруг Македонии ведутся горячие споры. Создание 2 августа 1944 года на базе Вардарской Македонии самостоятельной македонской республики в рамках югославской федерации не привело, к сожалению, к окончательному решению так называемого "македонского вопроса". Вместе с тем существование СР Македонии, энтузиазм молодой македонской нации, многостороннее развитие ее культуры, растущее признание во всем мире факта существования македонского народа заставляют обратиться к прошлому, чтобы понять истоки появления новой нации на Балканском полуострове, а также причину не утихающей до сих пор полемики по национальному вопросу между Македонией и Болгарией.

Эпоха 50-70-х годов XIX в. в целом - один из важных этапов новой истории. Для Западной Европы это было время окончательного утверждения капитализма, достижения основных целей буржуазного преобразования общества, завершения эпохи буржуазных революций, прогрессивности буржуазии как класса. Но в Восточной и отчасти в Центральной Европе в этот период буржуазные преобразования были в начальной стадии. В частности перед болгарским народом во весь рост стояли задачи буржуазно-демократической революции. Уничтожение феодально-абсолютистских институтов, национального угнетения, создание независимого национального государства было неотложным и жизненно необходимым требованием времени. После Крымской войны 1853-1856 годов болгарская буржуазия перешла к активной политической борьбе за признание болгарской народности в Турции, за создание независимой от Константинопольской патриархии национальной церкви. В вопросе о государственном устройстве буржуазно-либеральные круги удовлетворялись автономией Болгарии в рамках Османской империи. Революционно-демократическое крыло боролось за создание свободного болгарского государства путем всенародной революции.

Период 50-70-х годов XIX в. был еще временем совместного развития болгарских и македонских земель. Вместе с тем именно тогда в общем процессе стали ощущаться определенные различия, раздались единичные, но вполне отчетливые голоса о том, что македонцы и болгары отнюдь не равнозначные понятия. Именно в этот период, а не после Берлинского конгресса, как принято считать, прочно завязался узел противоречий вокруг Македонии, надолго превративший эту часть Юго-Восточной Европы в пороховой погреб на Балканах.

Восстановить объективную картину исторического развития Македонии в указанный период, выявить общее и частное по сравнению с Болгарией, показать нарастание на Балканах борьбы из-за македонской территории - таковы цели данной работы. Для их решения автор исследовал характер социально-экономического и общественно-политического развития Македонии в третьей четверти XIX в.

В своей работе автор опирался на положения марксизма-ленинизма о путях перехода от феодализма к капитализму, о характере эпохи восходящего развития буржуазного общества.

Буржуазной историографией оставлена огромная литература о Македонии, порожденная главным образом полемикой о национальной принадлежности македонских славян. Попутно с центральной проблемой - кто же македонские славяне: греки или болгары или, напротив, сербы, а может быть, новая самостоятельная народность, - затрагивались вопросы культурно-просветительного и церковного движения, условий борьбы против султанской Турции и греческой гегемонии. Значительно меньше уделялось внимания изучению социально-экономического развития, классовой структуры общества и т. п. аспектам. Большинство авторов стремилось прежде всего доказать неразрывность исторических судеб Македонии с Грецией, Болгарией или Сербией, что приводило к забвению местной специфики и своеобразия, к суммарности используемых данных. При всей описательности, идеалистической основе исторической концепции, недостаточности научного анализа, буржуазная историография накопила ценный фактический материал, представляющий большой интерес для исследователя.

Надо сказать, что во всей массе работ, посвященных Македонии, 50-70-м годам XIX в. в целом уделено гораздо меньше внимания, чем концу XIX - первым десятилетиям XX в. - времени зарождения и развития Внутренней македоно-одринской революционной организации (ВМОРО), накала националистических страстей и балканских войн. Данные о 50-70-х годах вкраплены в общие труды, монографии, посвященные отдельным вопросам, выдающимся общественным деятелям и т. д.

Из работ, содержащих общего порядка, этнографические данные, материалы об экономическом облике городов и сел Македонии, формах собственности, характере торговых связей и пр., в первую очередь заслуживают упоминания труды южнославянских ученых. Много сделали для изучения Македонии А. Шопов (Офейков)¹, В. Кынчев², Д. Мирчев³, А. Разбойников⁴, Й. Иванов⁵, Д. Яранов⁶, Ю. Юрданов⁷, Ив. Снегаров⁸, Т. Трайчев⁹. Не меньший интерес представляют труды Ст. Верковича¹⁰, С. Гопчевича¹¹, Хаджи-Василевича¹², Йов. Цвиича¹³, М. Комадинича¹⁴, В. С. Радовановича¹⁵, М. Гавриловича¹⁶, Б. Арзича¹⁷.

Из работ греческих ученых мы можем назвать только некоторые, изданные на европейских языках: Л. Николаидеса¹⁸, А. Стефанополи¹⁹, В. Колокоторниса²⁰.

Вопросам церковной борьбы, культурно-просветительного движения посвящены статьи и книги Е. Спространова²¹, Хр. Шолдева²², П. Завоева²³, А. Даскалова²⁴, Ив. Снегарова²⁵, Р. Радева²⁶.

Заслуживают внимания исследования о выдающихся просветителях и общественных деятелях Македонии - П. Зографском²⁷, братьях Милодиновых²⁸, Р. Жинзифове²⁹, Гр. Прличеве³⁰, заметки о македонских воеводах³¹.

Данные о различных сторонах исторического прошлого Македонии содержатся во многих работах, посвященных истории Болгарии³².

Что касается вопроса о национальной принадлежности славянского населения Македонии, то до 60-х годов XIX в. спор шел в основном по линии: кем являются македонские славяне - болгарами или греками³³. Затем с притязаниями на Македонию выступила Сербия. Стремясь упрочить свое влияние в македонских валайетах, сербские правительственные круги, помимо ведения националистической пропаганды, стали с середины 70-х годов XIX в. поощрять тенденции к местному сепаратизму, появившиеся среди определенных кругов интеллигенции и буржуазии Македонии в 60-е годы XIX в., способствуя разработке программных требований "македонистов"³⁴.

Вопрос об этнических и языковых особенностях македонских славян стал привлекать внимание общественной и научной мысли Западной Европы и Балкан. В 1890 г. австрийский журналист К. Хрон издал брошюру "Народность македонских славян"³⁵.

В начале 900-х годов с оригинальной теорией выступил Йован Цвиич³⁶. Он считал македонских славян самостоятельной этнической группой, утверждая, что имя "болгарин", которым македонские славяне почти всегда себя называли, не являлось национальным именем и этнически не обозначало болгарина. С точки зрения национальности македонские славяне представляли, по мнению Цвиича, колеблющуюся народную массу, не имеющую

определенного национального самосознания, а лишь вполне определенное славянское чувство (осознанное противопоставление туркам и грекам). Этнически македонцы были предрасположены стать сербами или болгарами³⁷.

Близок по взглядам к Цвиничу чешский ученый Л. Нидерле³⁸.

О праве на существование отдельной македонской нации и о необходимости создания македонского литературного языка твердо заявил в своей книге "О македонских делах" К. П. Мисирков³⁹. Однако, подавляющее большинство ученых продолжало относить македонских славян к болгарской этнической общности. Немногие считали их сербами, и лишь единицы признавали самобытность македонцев или рассматривали их как самостоятельную этническую категорию.

В русской дореволюционной историографии работ, посвященных истории Македонии интересующего нас периода, почти нет. В книге капитана Бендерова⁴⁰ основной материал и статистические данные относятся к концу XIX в. Отдельные сведения о Македонии встречаются в трудах, касающихся истории Болгарии⁴¹. Работы П. Драганова, бессарабского болгарина, содержат преимущественно данные этнографическо-филологического характера⁴². Интересно, что П. Драганов значительно раньше К. Мисиркова поставил вопрос о праве славянского населения Македонии на самостоятельное национальное развитие и формирование собственного литературного языка. Свою точку зрения Драганов твердо и последовательно защищал всю жизнь, горячо и страстно отстаивал в письмах к известному русскому слависту В. И. Ламанскому⁴³.

Большой вклад в изучение истории Македонии внесен современной историографией, особенно македонской. Македонские историки основное внимание обратили на разработку всего комплекса вопросов, связанных с национально-освободительным движением и проблемой формирования македонской нации. Справедливо считая экономический фактор одним из главных, македонские историки серьезно отнеслись к изучению генезиса капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. В этом плане важны работы Д. Зографского⁴⁴, Л. Соколова⁴⁵, Д. Поп-Георгиева⁴⁶, А. Матковского⁴⁷, И. Катарджиева⁴⁸, Д. Мильоской⁴⁹, Л. Лапе⁵⁰ и других. В целом, опуская некоторые нюансы, можно сказать, что македонские историки сходятся на том, что экономический подъем, охвативший Македонию с конца XVIII в., привел к заметному развитию производительных сил и появлению зачатков капиталистических элементов, а также положил начало формированию городской и сельской буржуазии. Все эти процессы, несмотря на тормозящее влияние турецкой феодально-бюрократической системы, усилились во второй половине XIX в. под влиянием внутренних и внешних факторов. Правда, следует отме-

тить, что слабость источниковедческой базы, недостаток конкретного фактического материала из-за скудости имеющихся статистических данных привели к известной схематичности названных работ, особенно в области конкретизации примеров капиталистического развития Македонии в 50-70-е годы XIX в. К недостаткам следует отнести также стремление преувеличить степень капиталистического развития Македонии, ее самостоятельности как экономической единицы в рамках Османской империи, затушевать в известной мере связи с болгарскими землями.

В отношении времени появления македонского народа и начала формирования македонской нации в молодой македонской республике некоторое время соблюдалась известная сдержанность. Мнение о существовании македонцев как особого племени и народа с древнейших времен разделялось далеко не всеми македонскими учеными, не встречало поддержки у большинства историков Югославии. В основном проводился тезис о том, что до середины XIX в. у македонского славянского населения не было ясного национального самосознания, а разделение шло в основном по религиозным признакам - христиане - мусульмане, - при наличии представления о славянской общности. Широко распространенное название "болгары" не имело, по мнению македонских авторов, национальной окраски, а обозначало родовую славянскую общность. Процесс созревания национального самосознания у македонских славян развивался, как они полагают, по пути перерастания представления о родовой общности в сознании видовой национальной особенности⁵¹. Первые признаки македонского национального обособления они относят к 60-м годам XIX в., а к 70-м годам того же столетия - появление у отдельных представителей интеллигенции представления о македонском отечестве, македонском народе⁵².

В отношении этногенеза македонского народа и его государственности твердая линия была намечена в 1964 г., когда в Скопье был проведен симпозиум по случаю 20-летия первого заседания АСНОМ⁵³. Материалы симпозиума были опубликованы в 1966 г. под названием "Развитие государственности македонского народа"⁵⁴. Историческому аспекту освободительного движения в Македонии и развитию македонского национального вопроса посвятили свои доклады Д. Зографски⁵⁵, Л. Доклестич⁵⁶, Г. Кушей⁵⁷, Б. Ристовски⁵⁸ и другие. Относительно времени появления македонского национального самосознания, условий тому сопутствующих, обстоятельств борьбы за автономию Македонии, трактовки взаимосвязей и взаимоотношений с соседними балканскими странами в XIX - начале XX в., в названных докладах не содержалось ничего принципиально нового. Иначе обстояло

дело относительно этногенеза и государственных традиций. Если в докладах Доклетича и Кушая было сказано вскользь об отличии царства Самуила и Охридской архиепископии от болгарских государственных и церковных институтов, то Б. Ристовски уделил этой проблеме много внимания, утверждая, что формирование македонского народа началось еще в глубоком средневековье, начиная с племенного союза Склавиния. В дискуссии, которая развернулась после всех докладов, против отмеченных выше положений выступил Н. Сотировски⁵⁹. Он сказал, что стремление македонской историографии вести этногенез македонского народа от средневековья, чаще всего от государства Самуила, кажется ему преувеличением, т. к. государство Самуила было явлением весьма кратковременным и не могло привести к формированию особого македонского народа, хотя македонские племена и обнаружили ряд особенностей, отличающих их от соседних болгарских и сербских племен. Сотировски считал, что ни в средневековье, ни в XVIII в. не было сформировавшегося македонского народа. По его мнению, великие века для македонцев - это XIX и XX столетия. Именно тогда произошло окончательное оформление македонского народа и македонской нации. Особенность Македонии заключалась в значительном совпадении этих двух процессов. Вопрос о времени этногенеза македонского народа и формировании македонской нации следовало бы оставить открытым. Х. Андонов-Полянски⁶⁰ не поддержал аргументов Сотировского, выразив, по-видимому, официальную точку зрения. Он заявил, что по гипотезе Сотировского в развитии македонского народа создается вакуум с VII по XIX в., исчезает непрерывность развития. Но формирование македонского народа шло тем же эволюционным путем, как и других народов. Поэтому истоки его развития надо искать в период феодализма.

В 1966 г. вышла в свет и книга магистра социологии Драгана Ташковского "Рождение македонской нации", в которой автор начинал историю македонского народа с VII в., а исходным моментом в складывании нации называл середину XIX столетия. Однако, несмотря на всю ортодоксальность концепции, работа особого успеха не имела в силу слишком очевидной научной легковесности, слабого использования источников⁶¹.

Официальная концепция окончательно была разработана авторским коллективом трехтомной "Истории македонского народа, вышедшей в Скопье в 1969 г.⁶² При этом была занята очень удобная позиция - никакой полемики, никакой усиленной аргументации⁶³. Существование македонского народа с древности, формирование в XIX в. македонской нации рассматривались как априорные истины, не требующие доказательств. Авторы разделов по XIX в. (т. II) - К. Битоский, Д. Зографский, И. Катарджиев, Л. Лапе, Х. Андонов-

Полянский - стремились показать, что в период зарождения и становления капиталистических отношений Македония, как и в предшествовавшие периоды, продолжала сохранять свою самобытность, развиваясь как отдельная страна, имеющая вполне определенную индивидуальность, отличающую ее от соседних земель, населенных родственными славянскими народами - сербским и болгарским. Такая трактовка предопределила значительное упрощение действительности картины исторического развития Македонии, а в ряде моментов и неизбежное ее искажение. На страницах названного издания Македония предстает слишком самостоятельной, уровень ее социально-экономического развития преувеличивается, характер межбалканских связей в известной мере фальсифицируется (контакты с Сербией, Воеводиной, Боснией и Герцеговиной подчеркиваются, с Болгарией - замалчиваются). Борьба с Константинопольской патриархией подается как борьба двух отдельных народов - македонского и болгарского, причем действия болгарских буржуазных кругов рисуются как сознательно враждебные македонскому народу. Степень зрелости и интенсивности становления македонского национально-самосознания всячески завышается. Борьба македонского населения против турецкого ига на протяжении всего XIX в. трактуется как сознательное стремление к созданию самостоятельного македонского государства, независимой Македонии.

Признавая ненаучность и тенденциозность исторической концепции македонской историографии, следует, однако, отметить известные ее успехи в выявлении новых интересных материалов и документов. Среди литературы, рассматривающей вопросы культурного и общественно-политического развития Македонии следует прежде всего отметить книгу Б. Конески⁶⁴, небольшую, но весьма насыщенную, хорошо аргументированную, вызвавшую большой интерес в научных кругах. Автор выявил и детально проанализировал учебники для начальных школ на македонских народных говорах, составленные и изданные в Македонии в 1857-1880 гг. (всего 16 шт.), отметил попытки создания грамматики "македонского наречия", убедительно показал спонтанный протест против внедрения в школы Македонии болгарского литературного языка. Б. Конески первый обратил внимание научной общественности на статью П. Р. Славейкова "Македонский вопрос", опубликованную в газете "Македония" в январе 1871 г.

Весьма добротна и монография К. Джамбазовского⁶⁵, написанная на основе тщательного изучения различных архивных фондов, прессы, мемуарной и другой литературы, показывающая характер и побудительные мотивы наравставшего в XIX в. интереса сербской буржуазии к Македонии.

Мало исследованным вопросам развития македонской литературы, школьного дела, церковной борьбы, деятельности церковно-школьных общин, антицарских выступлений, политики соседних балканских государств и пр. посвящены работы Хр. Поленаковича⁶⁶, Р. Кантарджиева⁶⁷, С. Димевского⁶⁸, Л. Лапе⁶⁹, Р. Поплазарова⁷⁰ и др.

Интересна книга о гербах Македонии⁷¹. И хотя она нуждается в определенных коррективах, однако мы впервые узнали о любопытном обстоятельстве: в средневековье Македония как историческая область имела свои гербы.

Позиция современной болгарской историографии в отношении Македонии претерпела за истекшие десятилетия существенную эволюцию. После установления народно-демократической власти болгарские историки-марксисты резко выступили против взглядов старой школы по македонскому вопросу, признавая историческую закономерность возникновения и развития македонской нации. В 1945 г. была издана, например, большая книга под названием: "Македония как географическое и экономическое целое"⁷². В статье Й. Митева "Формирование болгарской нации", опубликованной в 1948 г.⁷³, проводилось строгое разграничение - временное и территориальное - в формировании болгарской и македонской нации.

После 1948 г. вносятся некоторые поправки (в отношении Возрождения), однако Берлинский конгресс признается рубежом, положившим начало формированию македонской нации, отмечается самобытный характер македонского национально-освободительного движения в конце XIX - начале XX в., идея автономии Македонии рассматривается как стремление македонского народа к самостоятельной свободной жизни. Эти взгляды нашли отражение в 2-х томной "Истории Болгарии"⁷⁴, книгах Д. Кюсева⁷⁵, болгарского патриарха Кирилла⁷⁶ и других работах того периода.

С 1958 г. в болгарской историографии происходит определенная переориентация. Существование македонской нации отрицается не только в прошлом, но и в настоящем. На щит поднимается Сан-Стефанский договор, Илинденское восстание 1903 года объявляется достоянием 13-вековой болгарской истории. Прошлое Македонии рассматривается теперь как неотъемлемая часть прошлого Болгарии. С таких позиций написаны, например, работы В. Паскалевой⁷⁷, Т. Влахова⁷⁸, Хр. Христова⁷⁹, М. Арнаудова⁸⁰, сборник, изданный в связи с 90-летием Кресненско-Разложского восстания⁸¹ и другие труды.

Вместе с тем большинство авторов, исследуя конкретные исторические условия, обратило внимание на ряд интересных закономерностей. Так, Паскалева, собрав и обработав новый и интересный материал о деятельности фирмы братьев Робевых, наглядно показала, что основной базой деятельности Робевых была Македония, что связи с Болгарией не были доминирую-

щими, ибо представители фирмы активно действовали во всех балканских землях. Хр. Христов констатировал существенное отличие аграрных отношений в Македонии по сравнению с Болгарией. Т. Влахов отметил, что сеть болгарских революционных комитетов 70-х годов XIX в. не охватила Македонию. Д. Дойнов, один из авторов сборника о Кресненском восстании, пришел к выводу, что Разловецкое восстание 1876 г. в Восточной Македонии не имело организационной связи с Апрельским восстанием, что в национально-освободительном движении 50-70-х годов XIX в. на территории Македонии имелись свои специфические особенности.

М. Арнаудов, анализируя деятельность Ст. Верковича в Македонии, признал, что в 50-60-е годы XIX в. Македония с трудом приобщалась "к общеполитическим усилиям создания национальных училищ, литературы и духовенства". Отставание Македонии в развитии культурно-просветительного и церковного движения в 50-70-е годы XIX в. отметил затем в одной из своих последних работ и Хр. Христов⁸².

Стремясь доказать болгарский характер славянского населения Македонии с древнейших времен и до наших дней, болгарские научные институты с недавнего времени развили широкую издательскую деятельность. Издаются специальные брошюры⁸³, сборники документов⁸⁴, переиздаются работы болгарских буржуазных историков о Македонии, среди них такого националиста как Симеон Радев; выходит много работ о болгарском Возрождении, которые обязательно охватывают и Македонию⁸⁵.

Современная греческая историография, как это можно понять из реакции македонской печати, еще решительнее, чем довоенная, отрицает наличие в Македонии, особенно в Егейской, следов какой-либо славянской нации. В лучшем случае признается существование "славяногласных эллинов". Между прочим в Егейской Македонии в настоящее время мало осталось славянского населения - многие выселились или погибли (в период Балканских войн, I и II-й мировых войн), другие ассимилировались с греками.

В советской историографии работ, посвященных Македонии интересующего нас периода, немного. Из первых советских историков-славистов пристально интересовался Македонией - А. М. Селищев, начавший свою специализацию еще в канун первой мировой войны⁸⁶. Книги и статьи А. М. Селищева о Македонии и Албании - результат серьезного и вдумчивого исследования⁸⁷. Относя Македонию, вместе с Мизией и Фракией, к числу болгарских земель, Селищев в то же время обратил внимание на особенности быта, языка, культуры македонского славянского населения.

В 1951 г. вышла в свет статья Н. Левинтова о Кресненском восстании⁸⁸, представляющая удачный очерк первого периода восстания, раскрывающая побудительные мотивы движения, его антифеодалный характер, отношения в среде повстанцев. Кресненское восстание Левинтов рассматривал как движение болгарского населения Македонии.

Первую попытку в советской историографии дать общий очерк истории Македонии сделал профессор Казанского государственного университета А. С. Шофман, издавший в 1960-1961 годах курс своих лекций для студентов историко-филологического факультета⁸⁹. Работа начинается с истории античной Македонии, дает известное представление об основных событиях на территории Македонии в последующие века, хотя содержит много ошибок и неточностей. Опираясь термином "македонский народ" с древнейших времен, автор не раскрывает и ничем не обосновывает свою концепцию.

Более научно история Македонии кратко освещена на страницах "Истории Югославии", изданной Институтом славяноведения АН СССР⁹⁰. В данном издании прослеживаются особенности исторического развития Македонии, Берлинский конгресс, оценивается как причина, послужившая толчком к созданию предпосылок для формирования македонской нации.

При подготовке настоящей монографии были использованы сведения фактического порядка, содержащиеся в литературе исследуемого вопроса, в разнообразных архивных и печатных источниках. Из архивных хранилищ были изучены фонды Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР) – теперь Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (ОРБСЦ), Архива Академии наук СССР. (теперь Архив Российской Академии наук) Наибольший материал принесло обследование фондов АВПРИ (Посольства в Константинополе, Политархив, Канцелярия, Славянский стол, обзоры МИДа, всеподданнейшие доклады и т. д.); изученные документы - дипломатические донесения из Константинополя, Битоля, Салоник, Янины, Призрены, памятные записки политических деятелей, корреспонденция и пр. - дали ценные сведения о социально-экономическом и общественно-политическом положении в Македонии в рассматриваемый период, об участии македонского населения в национально-освободительной борьбе других балканских народов.

Много данных различного характера содержится в публикациях документов⁹¹

Интересны материалы об известных общественных деятелях, их переписка и т.п.⁹²

В настоящей работе использованы также автобиографические материалы⁹³, мемуарная литература, дневники⁹⁴, путевые записки южнославянских, русских и западноевропейских ученых и путешественников, посетивших Македонию во второй половине XIX в.⁹⁵

Богатые сведения дает периодическая печать того времени. Нами использованы: газета "Македония" за 1866-1872 гг., за отдельные годы газета "Цариградски вестник", "Дунавски лебед", "Право", "Српске новине", журнал "Български книжици", русские газеты "День" и др.

Примечания

- ¹ *Шошов (Офейков) А.* La Macédoine an point de vue ethnographique, historique et philologique. Philipropoli, 1887.
- ² *Кънчев В.* Битолско, Преспа, Охрид. // Сб. НУНК. Кн. 4. София, 1891; *его же.* Сегашното и недавношното минало на град Велес. Периодическо списание на българското книжовно дружество в Средец. Кн. 39. София, 1892; *его же.* Пътуване по долините на Струма, Месита и Брегалница. // Сб. НУНК. Кн. 11. София, 1894; *его же.* Град Скопле. Периодическо списание. Кн. 55-56. Средец, 1898; *его же.* Македония. Етнография и статистика. София, 1900.
- ³ *Мирчев Д.* Галичките овчари. Периодическо списание. Кн. 61. Средец, 1900; *его же.* Принос към изучаване бита на българите в Македония. Сб. НУНК. Кн. 22-23. София, 1906-1907.
- ⁴ *Разбойников А.* Чифличарството в Македония и Одринско. Солун, 1913.
- ⁵ *Иванов Й.* Северна Македония. София, 1906; *его же.* Българите в Македония. София, 1915.
- ⁶ *Jaranoff D.* La Macédoine economique. Sofia, 1931.
- ⁷ *Юрданов Ю.* История на българската търговия до освобождение. Кратък очерк. София, 1938.
- ⁸ *Снегаров Ив.* Град Охрид. // Македонски преглед. София, 1928. № 1.
- ⁹ *Трайчев Т.* Книга за мияшите. София, 1941.
- ¹⁰ *Верхозич Ст.* Народне песме македонских бугара. Београд, 1860; *его же.* Описание быта болгар, населяющих Македонию. М., 1868; *его же.* Топографическо-этнографический очерк Македонии. СПб., 1889.
- ¹¹ *Гончевич С.* Старая Сербия и Македония. Историко-этнографическое исследование. Петербург, 1889.
- ¹² *Хаџи-Васильевић Ј.* Прилеп и његова околица. Историко-географске излагање. Београд, 1902; *его же.* Скопска индустрија и трговица и скопски трговци у XIX веку. Београд, 1903; *его же.* Просветне и политичке прилике у јужним српским областима у XIX в. (До српско-турских ратова 1876-1878). Београд, 1928.

- ¹³ *Цвиич Ј.* Македонские славяне. Етнографические исследования. Петроград, 1906; *его же.* Основе за географију и геологију Македоније и старе Србије. Београд, 1911; *его же.* Балканско полуострво. Београд, 1931.
- ¹⁴ *Комадинич К.* Аграрно-правни односи Нове Србије. Београд, 1914.
- ¹⁵ *Радовановић В.С.* Тиквеш и Рајач. Српски етнографски сборник. Књ. 29. Београд, 1924.
- ¹⁶ *Гавриловић М.* Развитак банкарства и привреде Јужне Србије. Скопје, 1932.
- ¹⁷ *Arsitch B.* La vie economique de la Serbie du sud an XIX siècle. Paris, 1936.
- ¹⁸ *Nicolaides L.* Macedonun. Berlin, 1889.
- ¹⁹ *Stephanopoli A.* Le facteur grec dans le probleme orientale. Paris, 1920.
- ²⁰ *Colocotornis V.* La Macédoine et l'hellénisme. Études historiques et ethnologique. Paris, 1919.
- ²¹ *Спространов Е.* По возраждането в град Охрид. // Сб. НУНК. Кн. XIII. София, 1896.
- ²² *Шолдев Хр.* Град Прилеп за своите училища. // Македонски преглед. 1924. Кн. 2.
- ²³ *Завоев П.* Град Штип // Македонски преглед. 1927. Кн. 3.
- ²⁴ *Даскалов А.* Из миналото на Неврокопско и близките му покраини. // Македонски преглед. 1913. № 1.
- ²⁵ *Снегаров Ив.* Принос към историята на просветното дело в Македония. // Македонски преглед. 1927. Кн. 1; *его же.* Солун в българската духовна култура. София, 1937.
- ²⁶ *Радев С.* Македония и българското възраждане в XIX в. Ч. I. София, 1927.
- ²⁷ *Димитров Л.* Обществена и книжовна дейност на хаджи Партения Зографски. // Известия на семинара по славянска филология при университета в София за 1904 и 1905 год. София, 1905. *Томов Р.* Живот и дейност на хаджи Партения. // Македонски преглед. 1936. Кн. 1 и 2.
- ²⁸ *Арнаудов М.* Братя Миладинови. Живот и дейност (1810, 1830-1862). София, 1943.
- Хаджов Ив.* Братя Димитър и Константин Миладинови. София, 1944.
- ²⁹ *Орешков П.* Жинзифов като журналист. // Македонски преглед. 1928. Кн. 1.
- ³⁰ *Орешков П.* Автобиография на Григор Пърличев. София, 1926.
- ³¹ *Страшимиров А.* Македонски войводи. (Етюди на българските геройства в Македония). София, 1900.
- ³² См., например: *Константинов Н.* Земледелието в България преди освобождението. // Сб. НУНК. Кн. 26. София, 1912. *Ников П.* Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, 1929. *Мишев Д.* Възраждане чрез печата. България 1000 години. 927-1927. I. София, 1930. *Филипов Н.* Възраждане чрез литература. Там же. *Чилингиров Ст.* Български читалища пред освобождението. София, 1930. *Начов Н.* Цариград като културен център на българите. // Сб. НУНК. Кн. 19. София, 1925. *Славейков Ив.П.* Библиотека на П. Р. Славейков. // Български преглед. София, 1896. *Арнаудов М. Г. С.* Раковски. Живот - дело - идеи. Второ изд. София, 1943. *Бобчев И.С.* Хаджи Димитр, Стефан Караджа и техните другари. София, 1930. *Страшимиров Д.П.* Васил Левски. Живот, дело. Извори. София, 1929.
- ³³ *Ташковски Др.* Рагането на македонската нација. Скопје, 1966.
- ³⁴ *Цамбазовски К.* Културно-општествени врски на македонците со Србија во текот на XIX век. Скопје, 1960.
- ³⁵ *Karl Hron.* Das Volksthum der Slaven Makedoniens. Wien, 1890. См. Разглед. Скопје, 1965. № 3-4. Там же дан превод брошюры на македонский язык.
- ³⁶ *Цвиич Й.* Македонские славяне. Петроград, 1906.
- ³⁷ См. там же.
- ³⁸ *Нидерле Л.* Македонският въпрос. Преведа от чешки С. Сребров. София, 1902.

- ³⁹ *Мисирков К.П.* За македонските работи. София, 1903.
- ⁴⁰ *Бендерев.* Военная география и статистика Македонии. СПб., 1890.
- ⁴¹ *Теллов В.* Греко-болгарский спор по неизданным источникам. СПб., 1889 и др.
- ⁴² *Драганов П.* Общий этнографический очерк Македонии. // Известия СПб. славянского благотворительного общества. СПб., 1870. № 11-12; *его же.* Этнографический очерк славянской части Македонии. // Там же. 1888. № 1, 2, 3, 6-7, 9; *его же.* Славяно-македонский сборник. Ч. 1. СПб., 1894; *его же.* Югославянские книги и статьи, напечатанные греческими буквами. СПб., 1905 и др. работы.
- ⁴³ Архив Академии наук в Ленинграде. Ф. 35. Д. 492, 492а.
- ⁴⁴ *Зографски Д.* За работничкото движење во Македонија до Балканските војни. Скопје, 1950; *его же.* Преодни облици на мануфактура во Македонија. // Преглед. Скопје, 1953. № 2; *его же.* За прилепски панаѓур. // Годишњ. зб. на правни фак. Скопје, 1955; *его же.* Стопанскиот живот на Велес во XIX и почеток на XX в. // Год. зб. на економски фак. 1958; *его же.* Економско значење на запознатата модернизација на сообраќајот во Македонија. // Год. зб. на екон. фак. 1965; *его же.* Развитиокот на капиталистичките елементи во Македонија за време на турското владеење. Скопје, 1967.
- ⁴⁵ *Соколов Л.* Предусловите за развитокот на индустријата во Македонија од втората половина на XIX век до 1912 година. // Гласник на институтот за национална историја. Скопје, 1957. № 2.
- ⁴⁶ *Поп-Георгиев Д.* Сопственоста врз чифлиците и чифлигарските аграрно-правни односи во Македонија до Балканската војна 1912. Скопје, 1956.
- ⁴⁷ *Матковски А.* Гурчин Кокалески. 1775-1863. (Прилог кон прашањето за создавањето на селска, сточарско-трговска буржуазија во Македонија. Скопје, 1959.
- ⁴⁸ *Катарџиев И.* Серската област (1780-1879). Економски, политички и културен преглед. Скопје, 1961.
- ⁴⁹ *Милоска Д.* Две развојни етапи во економско-општествениот развојот на Македонија во XIX в. // Гласник... Скопје, 1963. № 2; *ее же.* За карактерот на социално-економските услови во Македонија во втората половина на XIX в. См.: Развитиокот на државност на македонскиот народ. Скопје, 1966.
- ⁵⁰ *Лане Љ.* Кон прашањето за периодизацијата на историјата на македонскиот народ // Историја. Скопје, 1965. № 2.
- ⁵¹ *Митрев Д.* По трагите от подвигот на Миладиновци. См.: Книга за Миладиновци. 1862-1962. Скопје, 1962.
- ⁵² *Конески Б.* Кон македонската преродба. Македонските учебници от 19 век. Скопје. Второе издание вышло в 1959 г.
- ⁵³ Антифашистское Народно-Освободительное Собрание Македонии.
- ⁵⁴ Развојот на државноста на македонскиот народ. Скопје, 1966.
- ⁵⁵ *Зографски Д.* Македонското национално прашање. Скопје, 1966.
- ⁵⁶ *Доклестич Л.* Македонската ослободителна борба и македонското национално прашање. Деталнее проблема освещена в книге того же автора: Кроз историју Македонију. Загреб, 1964.
- ⁵⁷ *Кушеј Г.* За некои карактеристични црти во изградбата на македонската државност.
- ⁵⁸ *Ристовски Б.* Прилог кон проучувањето на македонските научно-национални литературни друштва и афирмацијата на македонската национална и државносна мисла.
- ⁵⁹ *Сотировски Н.* Кон прашањето за буржоаска-демократска револуција во Македонија.

- ⁶⁰ *Андоновски-Пољански Х.* Некои прашања од државно-правната историја на македонскиот народ.
- ⁶¹ См. рецензио: *Цамбазовски К.* Д. Рашковски. Рагањето на македонската нација. // *Jugoslovenski istorijski časopis.* Beograd, 1967. № 1-4.
- ⁶² Историја на македонскиот народ. Скопје, 1969.
- ⁶³ См. предисловие к I тому.
- ⁶⁴ *Конески Б.* Кон македонската преродба.
- ⁶⁵ *Цамбазовски К.* Културно-обштествените врзки на македонците со Србија во текот на XIX век. Скопје, 1960. См. также: *его же:* Novi prilozi istoriji kulturno-političkih odnosa makedonskog i srpskog naroda u XIX veku. // *Jugoslovenski istorijski časopis.* Beograd, 1964. N 1; *его же.* Македонски аутономистички покрет у Србији. // *Југословенски народи пред први светски рат. Посебни издања Српска академија наука и уметности. СРХVI. Одељење друштвених наука.* Књ. 61. Београд, 1967.
- ⁶⁶ *Поленаковиќ Хр.* Страници од македонска книжевност. Скопје, 1952.
- ⁶⁷ *Кантарџиев Р.* Македонското преродбенско училиште. Скопје, 1965; *его же.* Келијните училишта во Македонија. См. сб. Одбрани трудови објавени во списанието "Просветно дело" од 1951-1968 година. Скопје, 1970; *его же.* Јосиф Ковачев - основат на првите педагошки училишта во Македонија. // Там же.
- ⁶⁸ *Димевски С.* Црковна историја на македонскиот народ. Скопје, 1965; *его же.* Создавањето, структурата и компетенциите на македонските црковно-школски општини. // *Гласник.* 1970. № 1.
- ⁶⁹ *Лане Љ.* Разловечкото востание во 1876 година. // *Годишен зборник на филозофскиот факултет на универзитетот во Скопје. Историко-филолошки оддел.* Кн. 3. № 4. Скопје, 1950.
- ⁷⁰ *Поплазаров Р.* Великогрчката политика на кралството Грција спрема Македонија во втората половина на XIX в. // *Гласник.* 1970. № 1.
- ⁷¹ *Матковски А.* Грбовите на Македонија. (Прилог кон македонската хералдика). Скопје, 1970.
- ⁷² Македонија како природно и стопанско целло. *Софија,* 1945.
- ⁷³ *Митев Ѕ.* Образоването на бугарската нација. // *Исторически преглед.* *Софија,* 1948. № 3.
- ⁷⁴ *История на България.* *Софија,* 1953.
- ⁷⁵ *Кьосев Д.* Борбите на македонскиот народ за ослободение. *Софија,* 1962; *его же.* Историја на македонското национално револуционерно движење. *Софија,* 1954.
- ⁷⁶ *Пловдивски Кирил.* Натанаил митрополит Охридски и Пловдивски (1820-1906). *Софија,* 1952. Бугарски патриарх Кирил. Спротивата срещу Берлинскиот договор. Кресненско востание. *Софија,* 1955.
- ⁷⁷ *Паскалева В.* Към историята на търговските врзки на Македонија със средна Европа през XIX в. // *Известия на Института за история.* Т. II. *Софија,* 1962.
- ⁷⁸ *Влахос Т.* Кукуш и неговото историческо минало. *Софија,* 1963.
- ⁷⁹ *Христов Хр.* Аграрните одношения во Македонија през XIX в. и началото на XX в. *Софија,* 1964.
- ⁸⁰ *Арнаутов М.* Веркович и "Веда Словена". // *Сб. за народни умотворения и народопис.* Кн. II. *Софија,* 1968.
- ⁸¹ Кресненско-Разложкото востание 1878. Доклади от научна сесия и тържественото чествување на 90-годишнината от Кресненско-Разложкото востание во Благоевград, документи и други материали. *Софија,* 1970.
- ⁸² *Христов Хр.* Ослободението на България и политиката на западните држави. 1876-1878. *Софија,* 1968.

- ⁸³ Македонският въпрос. Историко-политическа справка. Институт за история на БАН. София, ноември, 1968.
- ⁸⁴ Документи и материали за историята на българския народ. Българска академия за науките. Институт за история. София, 1969; Документи за българското възраждане от архива на Стефан. И. Веркович, 1860-1893. Издателство на Българската академия на науките. София, 1969.
- ⁸⁵ Арнаудов М. Поети и герои на българското възраждане. София, 1965 и многие другие.
- ⁸⁶ Селищев А.М. Отчет о занятиях за границею в летнее вакационное время 1914 г. Казань, 1915.
- ⁸⁷ Селищев А.М. Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии. София, 1929; *его же*. Семья Д. Миладинова. Из донесений консула Хитрово. 1864. // Македонски преглед. 1929. № 3; *его же*. О переселении македонских болгар в Россию и греко-болгарский спор в Битольской и Охридской областях. (Из консульских донесений в 1861-1874 гг.). // Македонски преглед. 1929. Кн. 4; *его же*. Един протест на българите в Битоля от 1876 година. // Македонски преглед. 1929, № 2; *его же*. Греко-болгарские отношения в Македонии в 1870-1880-х годах. (Из консульских донесений). // Македонски преглед. 1931. Кн. 3; *его же*. Македонские кодексы XVI-XVII веков. София, 1933; *его же*. Из биографии Станиславы Балкановой. // Македонски преглед. 1933. № 4; *его же*. В Кукуше в 50-х годах XIX века. // Македонски преглед, 1933. Кн. 3; *его же*. Славянское население в Албании. София, 1937.
- ⁸⁸ Левинтов Н. Кресненское восстание. // Вопросы истории. 1951. № 4.
- ⁸⁹ Шофман А. С. Очерки по истории Македонии и македонского народа. (С древнейших времен до первой мировой войны). Т. I-II. Казань, 1960-1961.
- ⁹⁰ История Югославии. М., 1963.
- ⁹¹ Милетич Л. Един документ от първото време на танзимата. // Сб., НУНК. Кн. XV. София, 1898; Теплов В. Материалы для статистики Болгарии, Фракии и Македонии. СПб., 1877; Овсяный П. Р. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации Болгарии в 1877-78-79 гг. Вып. 5, 6. СПб., 1906; Из архива на Найден Геров. Ч. II. София, 1914; Архив на Найден Геров. Ч. I (1857-1870). Документи за българската история. Т. I. София, 1931; Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1931; Лане Љ. Протоколи од заседанијата на Прилепската общтина (1872-1886). Скопје, 1956; *его же*. Одбрани текстови за историјата на македонскиот народ. II дел. Скопје, 1965; Документи по Кресненското встание от 1878 г., под редакцијата на проф. Г. Кацаров и Ив. Кепов. // Сб. БАН. Кн. XXXVI. София, 1942; Български патриарх Кирил. Съпротивата срещу Берлинския договор; Кресненското встание. София, 1955; Документи. С. 117-300; Ана Райкова. Документи за национално-освободителното движение в Македония през 70 години на XIX в. // Исторически преглед. 1968. № 1; Бужашки Е. При изворите на народната съпротива. Записки за Кресненското встание на Иван Георгиев, писар в четата на Стоян Карастюлов. // Известия на Българското историческо дружество. Кн. XXVI. София, 1968; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. I-III, V. 1961. 1964. 1967.
- ⁹² Шанкарев К. Материали за животописанието на братя Миладинови Димитрия и Константина с прибавление нещо и за живота на Нака С. Станишев. Пловдив, 1884; Братя Миладинови. Преписки. Издадил, коментирал и редактирал Н. Трайков. София, 1964; Велева Д. Архивният фонд на Стефан Веркович. // Известия на научен архив. Кн. III. София, 1966; Арнаудов М. Веркович и "Веда Словена" Принос към историята на българския фолклор и българското Възраждане в Македония с неизвестни писма, доклади и други документи от 1855 до 1893 г. // Сборник народни умотворения (Сб.НУ). Кн. ЛП. София, 1968; Докумен-

- ти за българското възраждане от Архива на Стефан И. Веркович. София, 1969; *Страшимиров Д. Т.* Васил Левски. Живот, дело, извори. Т. III. Извори. София, 1922; Архив на Г. С. Раковски. Т. 1-2. София, 1952, 1957.
- ⁹³ Жизнеописание митрополита Охридско-Пловдивского Натанаила. (Автобиографични бележки). // Сб., НУНК. Кн. XXV. София, 1909; *Търличев Гр. С.* Автобиография. // Сб. НУНК. Кн. XI. София, 1894; *Шапкарев К.* Автобиография. // Македонски преглед. Ч. III. № 2.
- ⁹⁴ *Сълганджиев Ст.* Лични дела и спомени. Пловдив, 1906; *Стамболски Хр.* Автобиография, дневници и спомени. Кн. II (1867-1877). София, 1927. *Енигеров Н. Г.* Спомени от моето учителство в Прилеп. // Сб. НУНК. Кн. XX. София, 1904; *его же.* Спомени и бележки. София, 1906; *Касабов И.* Моите спомени от възраждането на България с революционни идеи. София, 1905; Спомени на Арсени Костенцев. // Сб. БАН. Кн. VI. Клон ист.-филолог. и философ.-обществ. София, 1916; *Костенцев Михаил.* Спомени от моето книжарство. // Списание на БАН, кн. XXVI. Клон историко-филологичен. 14. София, 1923.
- ⁹⁵ Например: *Григорович В.* Очерки путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848 изд. 2. М., 1877; *Кантц Ф.* Дунайская Болгария и Балканский полуостров. Исторические, географические и этнографические путевые наблюдения. 1860-1875. СПб., 1876; *Хан Г.* Путовање кроз поречину Дрима и Вардара. 1861. Београд, 1868; *Жинзифов К.* Из заметок путешественника по Македонии в 1866 г. // Сборник "Родное племя". М. 1868; *Макензијева Г. М., Ирбијева А. П.* Путовање по словенским земљама Турске и Европи. У Београду, 1868; *Блэнт.* Народы Турции. Двадцать лет пребывания среди болгар, греков, турок, албанцев и армян. Дочери и жены консула. Т. I. СПб. 1874.

Глава первая

Место Македонии в системе европейских провинций Турции

Македония – историческая область в центральной части Балкан. Она занимала приблизительно тот же район Балканского полуострова между Албанией и Фракией, который занимала античная Македония. Ее географические границы шли на севере по хребтам Шар-Планины, Скопской Черной горы, Осогов и Рилы, на востоке по Родопам, Доспат-планине, реке Месте, на юге - по Егейскому морю, долине р. Бистрицы, отрогам Пинда и Олимпа, на западе - по горам Кораб, Яблоница, Мокра¹. Площадь Македонии в этих границах достигала 67.471,2 кв. км².

В XIV в. Македония, как и соседние балканские земли, была покорена турками. Турецкое завоевание значительно задержало поступательное историческое развитие балканских народов, особенно тех, которые оказались в центре европейских владений Османской империи³. В силу специфичности условий турецкого военно-феодального деспотического режима, замедленности процесса становления капиталистических отношений, в Османской империи долго сохранялся заметный партикуляризм отдельных частей. Исторические области – Мизия, Фракия и Македония – составившие центральные районы европейской Турции, несмотря на общность основных процессов в социальной жизни, языке, быте, культуре, отличались известной автономностью и во второй половине XIX в. В частности, вплоть до 80-х годов XIX в. название “Болгария” покрывало только территорию, расположенную между Дунаем, Черным морем и Старой Планиной, т.е. Северную или Дунайскую Болгарию (ее называли также географической Болгарией). Для этого района часто употреблялось и обозначение “Мизия”. Южную или забалканскую Болгарию называли преимущественно Фракией или Румелией, хотя в географическом отношении последние понятия были шире названной территории. Только после событий

6/18 сентября 1885 г. название “Болгария” распространилось на территорию по обе стороны Балканского хребта. Македония же в основном сохраняла свое собственное имя. Причиной такого положения было то обстоятельство, что данные области лишь в отдельные исторические периоды объединялись общими государственными границами. Средневековое болгарское государство, имевшее своим ядром придунайские земли, не смогло утвердить своего государственного имени во Фракии и Македонии, на длительное время попадавших под власть Византийской империи⁴.

Отмеченная терминология имела в свое время широкое хождение на Балканах и в Европе. Она употреблялась в болгарской прессе 50-х–70-х годов XIX в. (см. в частности газету “Македония”), книгах и других материалах, издававшихся тогда в Турции и за границей. Так, Р. Жинзифов, делаясь своими впечатлениями от поездки на родину, сравнивал положение в Македонии с положением в Болгарии и Фракии⁵. В различных дипломатических проектах государственных объединений на Балканском полуострове в 20–30-е годы XIX в., подготовляемых на случай долгожданной кончины “больного человека”, Македония всегда фигурировала как самостоятельная единица, чаще попадавшая в другие государственные границы, чем Болгария. Так, в плане Иоанна Каподистрия о будущем устройстве балканских земель на случай успеха начатой в 1828 г. русско-турецкой войны, изложенном им. К. Нессельроде в депеше от 19/31 марта 1828 г. предлагалось создать в европейской Турции пять монархических государств: 1) королевство Сербия (Сербия, Болгария, Босния); 2) королевство эллинское (континентальная Греция, Пелопонес, о-ва Архипелага, Ионические о-ва); 3) королевство Македония (Македония, Фракия, о-ва Эгейского моря); 4) королевство Эпир (Эпир, Верхняя и Нижняя Албания); 5) королевство Дакия (Молдавия и Валахия). Размежевание предполагаемых балканских государств было изложено Каподистрией в самых общих чертах по исторически сложившимся областям⁶.

Русский представитель при греческом правительстве граф М.Н. Булгари предлагал в 1828 г. в случае распада Турции создать на Балканах независимые государства. Три из них, включавшие: 1) Грецию (с Цикладскими о-вами, Самосом и Кандией); 2) Верхнюю Албанию, Македонию, часть Фракии до устья Марицы; 3) Сербию и Боснию – предполагалось отдать под протекторат всех великих держав. Государство, объединяющее Молдавию, Валахию и Болгарию автор проекта намечал оставить русскому покровительству⁷.

В 1830 г. русское командование направило в различные районы европейской Турции для их изучения и описания несколько офицеров генерального штаба. Подполковник Менд получил задание обследовать Македонию. О своем путешествии он представил отчет генерал-фельдмаршалу Дибичу-Забалканскому, озаглавленный: “Записка о некоторых сведениях, собранных

подполковником Мендом в Македонии”⁸. Русский дипломат и ученый В. Теплов в канун русско-турецкой войны 1877–78 годов издал книгу: Материалы для статистики Болгарии, Фракии, Македонии. Подобные примеры можно продолжать до бесконечности.

Поскольку названные выше три историко-географические области не объединялись в рассматриваемый нами период общим названием, то вполне естественным было довольно широкое употребление территориально-областных обозначений как “македонцы”, “фракийцы”, в которые обычно не вкладывалось особого национального содержания⁹. Интересно, что термин “мизийцы” был весьма редким, что указывало, на наш взгляд, на авангардное место Дунайской Болгарии в преодолении категорий и понятий, свойственных феодальной эпохе.

Общая численность населения Македонии к середине XIX в. составляла 1.873.363 человека¹⁰. Большая часть его – около 1 млн. человек¹¹ – приходилась на македонских славян, которых до 60-х годов XIX в. все, за исключением греков, относили к болгарской народности. Болгарами считало себя и само македонское славянское население¹².

Имея в виду распространенность употребления в рассматриваемый нами период регионального имени “македонец”, мы будем пользоваться указанным определением и производными от него (в том же смысле, в какой они употреблялись во второй половине XIX в.) для обозначения славянского населения Македонии. Для наибольшего приближения к исторической действительности в том же смысле мы будем оперировать терминами “Болгария”, “Фракия” и т.п.

Второй по численности национальной группой в Македонии были турки, разбросанные по всей области, гуще в юго-восточных и центральных казах по долине р. Вардар, а также в некоторых юго-западных районах. Третье место принадлежало грекам и албанцам. Первые преобладали в нескольких южных и восточных казах, албанцы в более значительном количестве жили в ряде северо-западных каз: Дебарской, Тетовской, Охридской, Кичевской, Кумановской, Скопской и др.¹³ Четвертое место занимали валахи (куцовлахи или цинцары)¹⁴. Кроме того, в Македонии имелись евреи, цыгане, небольшие группы черкесов, татар и других народностей¹⁵.

Таким образом, Македония отличалась большой этнической пестротой. Ее относили к наиболее смешанным в этническом отношении районам Балкан. Русский консул в Битоле М. Хитрово писал в 60-х годах XIX в. о Македонии следующее: “...По причине разнородности населения каждая местность, почти каждый город представляет свои исключительные интересы и свой отдельный характер”¹⁶. То же самое отмечал и П. Драганов, посетивший Македонию в 80-х годах XIX в.: “Ни одна страна в Европе, если не

считать вполне европейским Кавказ, не представляет на сравнительно незначительной площади такого большого смешения различных языков, культов и особенно наречий и племен, как современная Македония¹⁷. Неудивительно, что в прошлом крылатой стала фраза: “Говорить – Македония, значит говорить – смесь”.

Кроме того, необходимо отметить, что в рассматриваемый период македонские славяне не были еще единым целым. Они распались на большое количество различных колен или родов, сохранявших прежние племенные названия (мияки, барзаки, пуливаковцы и пр.), имевших свои этнографические особенности и свойства говора, отличавшие их от других соотечественников, свои родовые предания, а иногда и родовые знамена¹⁸. Замедленности преодоления известной замкнутости отдельных районов, помимо других причин, способствовали и некоторые естественные факторы. В географическом отношении Македония представляла собой целый ряд котловин, каждая из которых являлась самостоятельным целым. Это привело также к тому, что в Македонии существовало несравненно большее количество областных названий, чем в какой-либо другой балканской стране¹⁹.

До второй половины XIX в. Македония в административном отношении входила в Румелийский эялет, центр которого длительное время находился в Софии²⁰, а с 1820 г. был перенесен в Битолю, центральный город Западной Македонии. В 1864–68 годах было начато административное переустройство Османской империи, продолжавшееся до середины 70-х годов XIX в.²¹ Вместо эялетов были созданы большие административные центры – вилайеты. Вилайеты делились на санджаки, санджаки – на казы, казы – на нахии²². В европейской Турции первым был образован Дунайский вилайет (1865), затем Адрианопольский (1866), а вслед за ними Салоникский, Янинский, Скопский с главным городом в Призрене, Скадарский (1867)²³. Скопский вилайет, не начав функционировать, был вскоре превращен в санджак. Фактически до 1874 г. вся Македония в административном отношении входила в Салоникский вилайет. В 1874 г. из Салоникского вилайета был выделен Битольский, в который вошла и часть албанских земель²⁴. Битольский вилайет состоял из санджаков: Скопского (Ускюбского), Битольского, Корчанского²⁵. В 1875 г. был создан Скопский или Косовский вилайет, охватывавший часть Македонии и Старую Сербию. В македонскую часть входил весь Скопский санджак, одна каза Призренского (Тетовская) и одна каза Приштинского (Прешово)²⁶. Салоникский вилайет остался в составе Салоникского, Сересского и Драмского санджака²⁷. В нем только одна каза (Катеринская) географически относилась к северной Фессалии²⁸. Таким образом в итоге Македония оказалась раздробленной между тремя вилайетами. Тако-

вым административное деление Македонии сохранялось до конца турецкого владычества, т.е. до начала XX в.

Как видим, при новом административном делении турецкое правительство не руководствовалось этническим и экономическим принципом; наоборот, оно намеренно группировало вместе разнородные в национальном, религиозном и хозяйственном отношении районы с тем, чтобы поддержать и углубить (как залог сохранения султанского режима) разногласия, существовавшие между отдельными народностями Османской империи.

Большое стратегическое и экономическое значение македонской территории (положение на пересечении важнейших путей между Западной Европой, Малой Азией и Северной Африкой, богатство природных ресурсов) обусловило с самого начала особое внимание турецких властей к этой области. Начиная со средневековья турецкое правительство направляло сюда турецких переселенцев из Малой Азии, поощряло исламизацию местного христианского населения, стремясь создать надежную мусульманскую прослойку, прежде всего в пограничных районах и на важнейших коммуникациях. Следствием этой политики, а также соседства с Албанией, был высокий процент мусульманского населения в Македонии. В 60–70-е годы XIX в. мусульманский элемент был еще пополнен расселением в Македонии крымских татар, черкесов с Кавказа, беженцев из Болгарии, Боснии, Герцеговины, Фессалии. В целом мусульмане составляли около 1/3 всего населения области.

Еще одним отрицательным фактором для славянской части македонского населения было почти полное окружение Македонии турецкими владениями, что затрудняло прямое военное и общественно-политическое воздействие из стран Западной и Восточной Европы, создавая выгодную обстановку для упрочения турецкой феодально-бюрократической власти. Так, после австро-турецкой войны 1788–1789 годов, в Македонию ни разу не проникали иностранные войска, в то время как Дунайская и Забалканская Болгария, начиная с конца XVIII в., неоднократно становилась театром военных действий в период русско-турецких войн. Соприкосновение с русскими войсками усиливало национально-освободительное движение в болгарских землях, расшатывало основы турецкого господства. В Македонии, малодоступной для этих влияний, происходило обратное: росла власть турецких феодалов, произвол местной администрации, не прекращались проявления необузданного мусульманского фанатизма²⁹.

В силу отмеченных обстоятельств понятно, почему Македония принадлежала к тем частям европейской Турции, в которых реформы танзимата наталкивались на открытое сопротивление мусульманской верхушки и подстрекаемой ею мусульманской черни. Лишь в середине 40-х годов XIX в. центральное правительство подавило в Западной Македонии последнее воо-

руженное выступление крупных феодалов, не желавших примириться с утратой прежних прав и привилегий. Но хотя с бесконтрольным управлением полусамостоятельных наследственных пашей и бегов было наконец покончено и бывшие пашалыки и им подобные владения перешли в ведение турецких правительственных чиновников, влияние старой мусульманской знати продолжало сохраняться и во второй половине XIX в.³⁰

Попытки дальнейшей модернизации средневекового организма Османской империи, выразившиеся в целой серии законов и постановлений, последовавших за хатт-и-хумаюном 1856 г., на каждом шагу искажались и парализовались фанатизмом, неумением и нежеланием к изменениям. Обещанные султаном блага: равноправие всех подданных Османской империи, свобода совести и вероисповеданий, право христиан поступать на государственные должности, вступать в турецкие войска и пр. в Македонии более чем где-либо остались фикцией. Создание местных органов самоуправления – административных советов (меджлисов) при вилайетах, санджаках, казах; устройство новых судов, должных руководствоваться не шариатом, а новыми гражданскими законами, и прочие нововведения не внесли заметных изменений в старую практику подавления и угнетения православных подданных султана.

Политические привилегии мусульманского населения в сущности остались неизблемыми, хотя не следует забывать, что полнотой политических прав в полную меру пользовались только верхушечные слои мусульманского общества. Вся политико-административная жизнь в македонских вилайетах продолжала концентрироваться в руках мусульман. Они составляли подавляющее большинство в управленческом и полицейском аппарате, судах всех инстанций и т.д. Ислам продолжал сохранять положение господствующей религии; насильственное распространение мусульманства не только оправдывалось, но и поощрялось. Судебные решения продолжали выноситься на основе шариата, суд признавал имеющими силу только свидетельства мусульман. Сохранялось вошедшее в привычку надменное и презрительное отношение турецких чиновников и всякого мусульманина к христианину. Любые насилия в отношении “гяуров”, как правило, оставались безнаказанными. Закону в Македонии, по выражению русского консула, суждено было всегда оставаться мертвой буквой³¹.

Христианскому населению, несмотря на все торжественные декларации султанских хаттов, по-прежнему отводилось подчиненное положение. Как и в былые времена, христиане в целом оставались за бортом политико-административной и государственной жизни, несмотря на то, что представителям зажиточных слоев христианского населения формально был открыт доступ для участия в меджлисах³². Но большинство в меджлисах всегда принадлежало туркам, а христианские члены повсеместно играли самые бессло-

весные и печальные роли, беспрекословно подписываясь под всяким справедливым и несправедливым решением³³. Местные органы самоуправления, вновь учрежденные суды были лишь бутафорией, прикрывавшей хищения, произвол и беззакония турецких чиновников, феодалов и их приспешников. При новом порядке изменились только формы, но следствия остались те же. Русский консул в Македонии Н.Ф. Якубовский так оценивал в 1868 г. результаты правительственных нововведений: “Христиане очень хорошо понимают, что сущность вопроса об улучшении их положения состоит не в новом разделении округов и не в изменении и учреждении новых судилищ, а в беспристрастном решении дел и добросовестном исполнении закона. Они видят, что защитниками их прав остаются все те же фанатики, которым новая власть положила только оклад жалованья, но не отняла у них прежних прав к злоупотреблениям”³⁴. Поэтому неудивительно, что жизнь, честь, собственность христиан по-прежнему мало обеспечивались; для них не существовало почти никакого гражданского права, ни равенства перед судом и законом; их верования и обычаи каждодневно оскорблялись мусульманским фанатизмом³⁵. Отсутствие правового порядка, грабежи и насилия в отношении христианского населения оставались повседневным явлением³⁶.

Главное свое внимание новая турецкая администрация и меджлисы сосредоточили на обеспечении сбора налогов центральному правительству, ибо налоговая система была важнейшим орудием эксплуатации турецким феодально-бюрократическим государством населения покоренных провинций. Проводимые административные преобразования и новшества сопровождалось ростом налогового обложения, что было обычным явлением для Османской империи³⁷.

При общей незащитности христиан положение различных христианских народностей в Македонии отличалось существенными нюансами. Самым тяжелым было положение македонских болгар, основная масса которых жила в селах, где крестьяне подвергались наиболее грубым формам национального и социального угнетения³⁸. Над всеми македонскими болгарам помимо турецкого феодально-бюрократического ядра тяготел еще духовный и экономический гнет греческой Константинопольской патриархии, облагавшей подвластную ей паству большими налогами. Двойное иго “турецкого самоволия и фанариотского корыстолюбия” достигло в Македонии особенной силы³⁹. Все эти обстоятельства сказались отрицательно на общем уровне общественного и культурного развития македонских болгар. Стефан Веркович, проживший в Македонии с 1850 по 1877 год, писал в предисловии к одной из своих первых работ, что на долю славянской ветви, населяющей Македонию, выпала самая несчастная судьба, а в культурном отношении македонские славяне – самые отсталые среди турецких славян⁴⁰.

Своеобразно было положение греков. Хотя и они не были ограждены от национальной дискриминации и насилий, однако, в лице греческого духовенства и буржуазии сумели занять ключевые позиции в церковно-культурной жизни и ряде экономических отраслей. Несмотря на свою относительную малочисленность, греки были среди христиан Македонии экономически наиболее сильными, самыми образованными и в общественном отношении наиболее развитыми. Значительная часть их жила в городах, занималась ремеслом, торговлей, морскими промыслами, но были и греки-земледельцы. Прочные экономические позиции позволяли греческой верхушке держаться более независимо по отношению к турецким властям и более активно защищать интересы своих соплеменников⁴¹. Немаловажным фактом было и то обстоятельство, что греческое население в ряде мест на юге жило более свободной жизнью, чем христиане других частей Македонии. В таких городах как Кожани, Кастория, Сачиста почти не было турок, за исключением чауша и нескольких заптиев⁴². Нельзя не учитывать также непосредственного влияния на районы Македонии с греческим населением тесных политических контактов с постоянно бурлившими Эпиром и Фессалией, с Греческим королевством.

Валашское население, занимавшееся скотоводством, ремеслом, торговлей и в незначительной мере земледелием также играло заметную роль в общественной и экономической жизни Македонии. Как горожане, так и валахи-скотоводы отличались благосостоянием, среди них было много людей зажиточных⁴³. Свободная жизнь в горах, вдали от всякого надзора породила между валахами-скотоводами дух независимости и воинственности, который был совершенно чужд городским валахам. Все валашское население было полностью эллинизировано и долгое время с большим фанатизмом защищало греческую образованность и греческие политические идеалы. По мнению русских консулов, не только жители городов, но и валахи-скотоводы опередили “во всех отношениях” славянское земледельческое население равнин⁴⁴.

Но и для греков и валахов, так же, как и для македонских болгар, турецкая феодально-бюрократическая система была основным препятствием к дальнейшему развитию. Однако различие национально-политических идеалов помешало созданию в 50-70-е годы XIX в. общего фронта борьбы христианского населения Македонии против турецких поработителей.

Выдержать всю тяжесть существования в условиях турецкой действительности, обрести силу для борьбы за возрождение своего языка, культуры, народной самобытности, в значительной мере помогла македонским болгарам община – это “единственное народное учреждение, – как писал позднее один из виднейших деятелей ВМОРО Петр Поп Арсов, – которое сохранило нашу национальную и человеческую физиономию в течение пятисотлетнего периода”⁴⁵.

Общины, в которых была сосредоточена вся общественная жизнь македонских болгар, как низшие административные единицы, существовали в Болгарии, Фракии и Македонии еще до турецкого завоевания⁴⁶. С приходом турок общины, приспособленные и подчиненные нуждам османского господствующего класса, продолжали играть роль институтов обычного права. Вопрос об общинах до сих пор недостаточно изучен в историографии, но все же, в общих чертах, можно представить их функции и роль в прошлом.

Общины в Османской империи различались по национально-религиозному признаку. Турецкие власти признали христианские общины в селах раньше, чем в городах⁴⁷. По своему этническому составу сельские общины преимущественно были славянскими. В XIX в. экономическая роль общин, за исключением фискальных функций, по мере проникновения капиталистических элементов в хозяйство Османской империи, постепенно падала, но в то же время возрастало их значение в общественно-политической жизни Македонии, связанное с развитием национально-освободительной борьбы (аналогичный процесс имел место в Болгарии и Фракии).

Основным органом сельского самоуправления в XIX в. был совет старейшин. Он состоял из старосты (“мухтар”, “кмет”), сельского священника и стариков (старейшин) – глав семейств, как правило, наиболее состоятельных. Сельские собрания, которые еще собирались в ряде сел, в XIX в. имели больше формальное значение, ибо на них село подчинялось мнению зажиточной верхушки. Компетенция сельского самоуправления часто бывала на деле шире, чем это предусматривалось турецкими властями. Македонцы стремились обходиться по возможности без турецких властей, без турецких судов, регулируя свою жизнь на основе обычного права, глубоко укоренившегося в народе. Все, что имело отношение к селу, церкви, школе, рассматривалось всем селом. Договорные и частнопровые вопросы (наследственные дела, имущественные споры и т.п.) часто разбирал общинный суд старейшин, хотя по закону сельские жители в подобных случаях должны были обращаться в турецкий суд. Так же обстояло дело и с уголовными делами⁴⁸.

Пытаясь централизовать управление государством, турецкое правительство при проведении административных реформ 60-х годов XIX в. пыталось взять под больший контроль самоуправление сельских общин. Если прежде сельское самоуправление являлось остатком старых общинных учреждений и существовало в силу традиции, то теперь оно превращалось в часть общей системы управления государством. Общины становились низшей административной единицей. Общинные власти, согласно закону 1867 г., избирались населением общины, при этом право голоса имел каждый мужчина старше 18 лет, плативший не менее 50-ти грошей налогов в год. Пассивным правом обладали мужчины, начиная с 30 лет. Общинный совет состоял из 2-х старост и

старейшин. Задачей старост был сбор податей и обеспечение выполнения распоряжений турецких властей. Старейшины раскладывали налоги, судили, ведали также хозяйственными делами (земледелием, скотоводством), обсуждали вопросы частных нужд села и пр.⁴⁹ По-видимому, они выполняли свои функции примерно так же, как и до реформы, тем более, что проведение в жизнь новых порядков часто затягивалось. Сельское самоуправление и после реформы продолжало сохранять свой прежний характер⁵⁰.

В городах христианские общины стали конституироваться с конца XVIII – начала XIX в. Интенсивно их число начало расти с 30-х годов прошлого столетия, когда турецкое правительство сняло прежнее строгое запрещение о возведении новых и поправке старых православных церквей в европейской Турции, в том числе и в Македонии⁵¹. При устройстве новой церкви обычно помимо строительного комитета избиралась церковная община в составе от 8 до 12 человек. Деятельность этих общин носила преимущественно церковный характер и сводилась к заботам о поддержании церковного здания и сохранению другого церковного имущества⁵². Однако со временем общины стали решать вопросы гражданского порядка (наследство, купли-продажи), школьного дела и пр. Постепенно (особенно после Крымской войны) общины сосредоточили в своих руках все церковно-школьные вопросы, а также расширили свой контроль над договорными и другими частноправовыми отношениями⁵³.

В третьей четверти XIX в. общины получили представительный характер и имели оформленный общинный аппарат. Их заседания были регулярными и аккуратно фиксировались⁵⁴. С 60-х годов XIX в. руководство общинами от старой чорбаджийской прослойки стало переходить к представителям наиболее влиятельных цехов и богатых торговцев, несмотря на сопротивление чорбаджиев⁵⁵.

В македонских городах, особенно крупных, христианские общины не были однородны в национальном отношении. Помимо македонских болгар в них входили греки, валахи, албанцы-христиане. В 50-70-х годах XIX в. в городских общинах развернулась острая национально-религиозная борьба, в результате которой с конца 60-х годов XIX в. стали создаваться церковно-школьные общины, объединявшие только славянскую часть населения Македонии, отказавшуюся признавать юрисдикцию Константинопольской патриархии. Эти общины так и не были официально признаны турецкими властями, которые, тем не менее *de facto* поддерживали с ними отношения⁵⁶.

Вместе с тем, стремясь создать новую централизованную административную систему, турецкие власти стремились ограничить компетенцию немусульманских общин. В 1870 г. в наиболее крупных городах европейской Турции, в том числе и в македонских, были созданы органы общественного

управления (беледие или муниципалитеты), которым в значительной мере передавались дела о школах, церквях, больницах и пр.⁵⁷ Однако, и в дальнейшем местные общины продолжали играть большую роль в жизни болгар Македонии⁵⁸.

Вершиной усилий внешне европеизировать Османскую империю было “великое событие”: введение 23 декабря 1876 г. конституции. Конституция 1876 года, как и султанские хатты 1839 и 1856 годов, формально провозглашала равенство всех подданных империи без различия вероисповедания, гарантировала безопасность жизни и имущества, свободу печати и т.д. Конституция вводила двухпалатный парламент: сенат и палату депутатов. Члены сената пожизненно назначались султаном из числа высших административных и дипломатических чинов и наиболее влиятельных представителей религиозных общин. Члены палаты депутатов избирались населением из расчета 1 депутат на 50 тыс. жителей.

Под видом равенства турецкая конституция называла всех подданных империи независимо от вероисповедания и народности “османами”. Государственным языком всех провинций был объявлен турецкий. Первый параграф конституции утверждал, что Османская империя – единое целое и не может быть разделена⁵⁹. Таким образом турецкая конституция была направлена против национального обособления угнетенных народов Османской империи и увековечивала господство турецкого правящего класса над ними.

Первый турецкий парламент начал свою работу 19 марта 1877 года. Из 32 сенаторов только 7 были немусульмане. Среди них один серб из Приштины и один македонский болгарин из Струги – Георгий Чакаров. В палате депутатов из 115 депутатов 69 были мусульмане и 46 немусульман. От болгар Македонии был избран только один депутат – крупный торговец и землевладелец Димитр Робев из Битоля⁶⁰.

Турецкая конституция не внесла улучшений в положение народов Османской империи. Используя критическую военную ситуацию в Турции, создавшуюся в начале 1878 г. в результате успехов русского оружия, Абдул Гамид 14 марта того же года отменил действие конституции. Началось длительное единоличное деспотическое правление “кровоавого” султана. Крушение конституции 1876 г. было вызвано главным образом политической слабостью и робостью турецкой буржуазной интеллигенции, не сумевшей противостоять натиску феодально-клерикальной реакции и не решавшейся опереться в борьбе за конституцию на народные массы⁶¹.

Никакие реформы и другие политические акты 30-70-х годов XIX в. в Турции не могли принести успеха, ибо все они были внутренне противоречивы, половинчаты и потому заранее обречены на провал. Действительно, нельзя было одновременно достичь взаимоисключающих вещей – помочь

развитию буржуазно-капиталистических отношений, сохранив при этом феодальные привилегии господствующего мусульманского класса и его власть над нетурецкими народами. Поэтому проводившаяся турецким правительством реформаторская деятельность никого не удовлетворила: для реакционеров она была слишком опасна, для прогрессивных кругов – недостаточна; народным массам она и вовсе ничего не дала⁶².

Не приостановили реформы и развитие центробежных сил в империи: национально-освободительная борьба нетурецких народов усиливалась с каждым годом. Недовольство росло не только среди христиан, но и среди мусульман, особенно нетурецкого происхождения. Напомним, что мусульманское население Македонии не было единым ни в национальном, ни в социальном отношении. И хотя религиозный фанатизм и привилегированное положение нивелировали растущие противоречия, они не могли устранить их полностью. Все более ненадежной опорой для турецких правящих кругов становились албанцы, находившиеся во второй половине XIX в. в состоянии необъявленной войны с турецким правительством⁶³.

Все вышеизложенное позволяет сказать, что в 50-70-е годы XIX в. Македония была ареной сложных религиозных, национальных и социальных противоречий.

Примечания

¹ *Jaranoff D.* La Macédoine économique. Sofia,, 1931. См. карту “La Macédoine dans ses limites géographiques”.

² Македония като природно и стопанско цяло. София, 1945. С. 5; *Зографски Д., Абачиев Г. и др.* Егејска Македонија во нашата национална историја. Скопје, 1957. С. 5. Близкую цифру – 66,720 кв. км на основании карты, приложенной к книге: Македония и Одринско (1893–1903). Мемоар на Вътрешната организация. Б.М., 1904 г., приводит Х.Христов (см. Аграрните отношения в Македония през XIX в. и началото на XX в. София, 1964. С. 7).

³ Во второй половине XIX в. к европейским владениям Турции помимо Македонии присоединились: часть Сербии, Албания, Косово и Метохия, Болгария, Фракия, часть греческих земель (в континентальной Греции – Эпир и Фессалия).

⁴ *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Т. 1. Москва, 1829. С. 5.

⁵ *Жинзифов Р.* Из заметок путешественника по Македонии в 1866 г. М., 1868.

⁶ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. Очерки по истории русско-балканских политических связей в первом тридцатилетии XIX в. М., 1972.

⁷ Там же.

⁸ АВПРИ. Ф.ГА. 1-9. 1815-1873 Д. 22. Папка 39. Копия. Лл. 4-9, *Достян И.С.* Указ. соч.

⁹ Тенденции в этом направлении наметились в Македонии только в 60-е годы XIX в. На

- теплов в. материалы для статистики Болгарии, Фракии и Македонии. СПб., 1811. С. 59, 75, 87. Соколов Л. Предисловие и развитокт на индустријата во Македонија от втората половина на XIX в. до 1912 године // Гласник на Институтот за национална историја. № 1-2. Скопје, 1957. С. 53.
- ¹¹ Овсяный Н.Р. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации Болгарии в 1877-78-79 гг. Вып. 5. СПб., 1906. С. 60.
- ¹² Веркович С.И. Топографическо-этнографический очерк Македонии. СПб., 1889.
- ¹³ Кънчев В. Македония. Етнография и статистика. София, 1900, С. 17, 40-41, 46.
- ¹⁴ В европейской Турции помимо Македонии валахи имелись в Фессалии, Эпире и Албании. См. Д-р Табаков. Ромъните в Македония. София, 1913, С. 3.
- ¹⁵ Кънчев В. Указ. соч.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. ГА. VA₂. Д. 1184 Ч. 1. Л. 25 об.
- ¹⁷ Драганов П. Общий энографический очерк Македонии. Известия, СПб. славянского благотворительного общества, 1887, № 11-12.
- ¹⁸ Веркович С. Описание быта болгар, населяющих Македонию. М., 1868. Драганов П. Этнографический очерк славянской части Македонии. Известия СПб. славянского благотворительного общества. СПб., 1888. № 1. Трайков Г. Книга за мяштите. София, 1941.
- ¹⁹ Цвиш Й. Македонские славяне. Петроград, 1906. С. 23.
- ²⁰ По другим данным в Филиппополе (Пловдив).
- ²¹ Закон 1864 г. о создании вилайетов и учреждении в них новых судов; Закон о вилайетах 1867 г.; Закон 1870 г. об управлении вилайетами и др.
- ²² Убичини А. Современное состояние Османской империи. СПб, 1877. С. 78-81.
- ²³ Снегаров Ив. Солун в българската духовна култура. София, 1937. С. 55.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1428. Л. 94-95
- ²⁵ Теплов В. Материалы для статистики Болгарии, Фракии и Македонии, СПб., 1877.
- ²⁶ Кънчев В. Град Скопле. Периодическо списание. Средец. 1898. Кн. 55-56. С. 47.
- ²⁷ Теплов В. Указ. соч.
- ²⁸ Кънчев В. Македония. Етнография и статистика. София, 1900. С. 55.
- ²⁹ Христов Х. Аграрные отношения в Македония през XIX в. и началото на XX в. София, 1964. С. 82.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. ГА. VA₂. Д. 1184. Ч. 1. Л. 147. Сенкевич И.Г. Новые материалы по истории южных славян. // Славянский архив. Москва, 1963.
- ³¹ АВПРИ. Ф. ГА. VA₂. Д. 1184. Ч. 1. Л. 25-25 об., 149 об.; Сенкевич И.Г. Указ. соч.
- ³² В междислы по новому законодательству входили руководители местной администрации (вали, мютесаррифы, каймакамы), главы религиозных общин, кадии, чиновники по сбору налогов, а также некоторое число представителей населения.
- ³³ АВПРИ Ф. ГА. VA₂. Д. 1184. Ч. 1. Л. 33 об.; АВПРИ. Ф. ГА. IV-2. Д. 11. Л. 184-184 об.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1422. Л. 59-59 об.
- ³⁵ АВПРИ.Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1425. Л. 13.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. ГА, IV-2. Д. 11. Л. 285 об.-286. Там же. ГА. VA₂. Д. 1184. Ч. II. Л. 623 об.
- ³⁷ Подробнее о налогах см. главу вторую.
- ³⁸ Селищев А.М. Македонские кодики XVI-XVIII веков. София, 1933. С. 83.
- ³⁹ АВПРИ. Ф. ГА. VA₂. Д. 1184. Ч. 1. Лл. 385, 386.
- ⁴⁰ Верковић Ст. Народне песме македонски бугара. Књ. прва. Женске песме. У Београду. 1860.
- ⁴¹ В городах с греческим населением христианские члены междислов (азы) "не являлись уже, как в других городах Турции, беспрекословными исполнителями турецкого самовластия". АВПРИ. Ф. ГА. VA₂. Д. 1184. Ч. 1. Л. 51.

- ⁴² Там же. Л. 43-45.
- ⁴³ Там же. Л. 387-388 об.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Вардарски*. Стамболовщина в Македонии. Виена, 1894. С. 48.
- ⁴⁶ *Мишев Д.* България в миналото. София, 1916, С. 260-261. *Христов Х.* Към въпроса за класите и класовите отношения в българското общество през възраждането (произход, социална принадлежност и роля на чорбаджиите). // Известия на Института за история. Том 21. София, 1970. С. 54.
- ⁴⁷ *Мишев Д.* Указ. соч.
- ⁴⁸ *Маркова Л.В.* Селската община у болгар в XIX в. Москва, 1954. Кандидатская диссертация, рукопись.
- ⁴⁹ *Мошин А.Н.* Придунайская Болгария. // "Славянский сборник", I. СПб., 1877. С. 388-390.
- ⁵⁰ *Маркова Л.В.* Указ. соч.
- ⁵¹ *Димевски С.* Создаването, структурата и компетенциите на македонските церковно-школски општини// Гласник за Институтот за национална историја. Скопје, 1970. № 1. С. 37.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ *Паскалева В.* За самоуправлението на българите през възраждането// Известия на Института за история. Том 14-15. София, 1964.
- ⁵⁴ См.: *Лале Љ.* Протоколи од заседанијата на прилепската општина (1872-1886). Скопје, 1956.
- ⁵⁵ *Димевски С.* Указ. соч. С. 38-40.
- ⁵⁶ *Димевски С.* Указ. соч. С. 39.
- ⁵⁷ *Паскалева В.* Указ. соч.
- ⁵⁸ *Димевски С.* Указ.соч. *Его же.* Црковна историја на македонскиот народ. Скопје, 1965. *Кирјазовски Р.* Организација и делокруг на работата на патриаршиските црковни општини во подрачјето на Битолската митрополија до 1912 година// Гласник. 1963. № 2.
- ⁵⁹ *Петросян Ю.А.* "Новые османы" и борба за конституцију 1876 г. в Турцији. Москва, 1958. С. 114-115.
- ⁶⁰ Историја на македонскиот народ. Кн. втора, Скопје, 1969. С. 86.
- ⁶¹ *Миллер А.Ф.* Краткая история Турции. Москва, 1948. С. 97; *Петросян Ю.А.* Указ. соч. С.115.
- ⁶² *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С.104.
- ⁶³ *Сенкевич И.Г.* Албания в период восточного кризиса (1875-1881 гг.). Москва, 1965.

Глава вторая

Социально-экономическое положение Македонии в 50-60-е годы XIX в.

В рассматриваемый нами период Македония в экономическом отношении являлась частью большого хозяйственного организма европейской Турции и всей Османской империи в целом. Но как и другие исторически сложившиеся области на Балканском полуострове (Болгария и Фракия, Босния и Герцеговина, Эпир и Фессалия) она отличалась определенным своеобразием социально-экономического развития, обусловленного всем предшествовавшим историческим существованием. Географические условия, внутренняя политика турецкого правительства, состояние транспорта, низкий уровень развития капиталистических отношений препятствовали более тесному экономическому сплочению отдельных провинций, способствовали сохранению известной обособленности этих территорий. Одной из иллюстраций к этому положению может служить хотя бы то обстоятельство, что для каждой из названных провинций на основании общих законов Османской империи нередко издавались специальные постановления и дополнения, исходившие из конкретных местных условий¹. Поэтому для избранного нами временного отрезка вполне правомочно наметить основные линии социально-экономического развития собственно македонской территории. Тем более, что в источниках и литературе материал о периоде турецкого господства чаще всего дается по отдельным областям².

В прошлом Македонию называли жемчужиной владений султана в Европе³. Плодородные почвы, благоприятный климат, хорошие пастбища, удобные водные артерии, морские порты международного значения (Салоники, Кавала), выгодное географическое положение создавали благоприятные условия для развития основных отраслей экономики и прежде всего земледелия, скотоводства, ремесла и торговли.

Главную роль в хозяйственной жизни Македонии, как и других балканских областей, играло земледелие, в котором было занято не менее 75 % населения. Сельским хозяйством занимались не только крестьяне, оно явля-

лось основной отраслью и для значительной части городского населения. Много городов, особенно мелких, расположенных в плодородных равнинах, сохраняло аграрный характер, ибо до 2/3 их населения занималось земледелием⁴. Основными районами сельскохозяйственного производства были долина Вардара, котловины Сересского поля, районы Битоля, Прилепа, Скопье и др., известные своими прекрасными землями.

Вплоть до 70-х годов XIX в. сельское хозяйство Македонии имело зерновой характер. Из зерновых сеялись: пшеница, ячмень, рожь, кукуруза, просо, рис и др. Наряду с зерновыми, особенно в южной и восточной Македонии возделывались и технические культуры: хлопок, табак, мак, кунжут, лен. Во 2-й половине XIX в. постепенно снижалось производство хлопка и расширялись посевы табака. Промышленное значение имело выращивание и обработка шелковичных коконов в южных районах. В области было развито садоводство и виноградарство, а в связи с этим и виноделие. В районах, прилегавших к Охридскому и Пресненскому озерам, занимались рыболовством.

Важной отраслью сельского хозяйства было скотоводство. Основным скотоводческим районом была западная Македония (Галичник, Лазарополе и др.). Занимались скотоводством и в горных районах центральной и восточной Македонии.

К середине XIX в. в Македонии, как и в других частях европейской Турции, в целом завершилась (за исключением самых западных районов) ликвидация спахийской военно-ленной системы, начатая аграрной реформой 1832 г. Уничтожение спахилуков, распространенных частновладельческих товарных хозяйств - чифликов, привело к реорганизации землевладения и землепользования. Изменения, происшедшие в аграрных отношениях, были обобщены и кодифицированы законом о землях 1858 г.

Процесс образования чифликов был неравномерен. В Македонии, как в Боснии и Герцеговине, Фессалии, некоторых окраинах Болгарии (районы Видина, Кюстендила) чифликчийство получило большое распространение. Во второй половине XIX в. Македонию, наряду с Фессалией, называли подлинным царством чифликчийского землевладения⁵. Накануне русско-турецкой войны 1877-78 годов число чифликов в Македонии превышало, например, число чифликов в Болгарии в 7-8 раз⁶.

По данным С.Верковича, опубликованным В.Тепловым, в Македонии имелись районы, в частности, в Сересском канджаке, где 50 % сел и более было преобразовано в чифлики⁷. Чифлики были повсюду в Сересской, Салоникской, Битольской и Скопской долинах⁸. Они охватили от 1/5 до 1/4 всей обрабатываемой земли, тогда как в Болгарии эти цифры снижались до 1/15 - 1/20⁹. Как и в других областях европейской Турции, чифлики в Македонии располагались не только на наиболее плодородных землях, но и вблизи

крупных населенных центров, удобных дорог и, как правило, в районах с преобладающим христианским населением. В районах с компактными массами мусульман как Драмский, Невракопский, Дебарский, Кичевский и др., чифликов почти не было¹⁰. Горные скотоводческие районы в общем тоже не были захвачены почищением.

Создание большого количества чифликов в Македонии объясняется рядом причин. Богатство природных данных, плодородие почв, близость к морю способствовали раннему развитию в Македонии товарного производства и торговли. Все это служило приманкой для турок; турецкое правительство, учитывая к тому же большое значение Македонии в военном отношении (через ее территорию шли дороги в Сербию, Боснию, Албанию, Грецию и другие части Империи) широко раздавало здесь земли в ленное владение. В период кризиса, а затем ликвидации спахийства, местные феодалы, используя свою большую самостоятельность по отношению к центральному правительству, а также неограниченную власть над подвластным христианским населением, сумели захватить в частное владение большое количество ценных государственных и крестьянских земель. Вместе с тем, чифликами сумели обзавестись не только феодалы, но и другие представители мусульманского господствующего класса - откупщики налогов, ростовщики, турецкие чиновники.

Размеры чифликов были самые разнообразные: в 25 га и свыше 500. Но определяющая, ведущая роль принадлежала крупным чифликам¹¹, подчас занимавшим огромные пространства, из которых обрабатывалась только часть земель¹².

Владельцами чифликов, как в свое время спахилуков, были в подавляющем большинстве мусульмане. Даже в начале XX в., когда процесс перехода чифликчейских земель в руки христиан зашел довольно далеко, 91,85 % чифликов на территории современной СР Македонии принадлежало мусульманам и лишь 7,15 % приходилось на долю христиан¹³.

Таким образом и после аграрной реформы в Македонии сохранилось крупное землевладение, оставшееся в руках господствующего мусульманского класса и оказавшее существенное влияние на характер аграрных отношений в деревне.

Вопрос о чифликчейском землевладении один из самых сложных и дискуссионных вопросов аграрной истории Турции и особенно аграрной истории балканских народов в период турецкого владычества. В силу этого единой точки зрения относительно сущности чифликчейства нет до сих пор. Что касается оценок в новейшей историографии характера чифликчейства на территории Македонии, то они тоже весьма различны. Д.Поп-Георгиев считает чифлик в общем уже буржуазной категорией, хотя признает, что в характере земельной собственности и аграрных отношений сохранились

известные пережитки феодализма¹⁴. Х.Христов, наоборот, рассматривает чифликчийство как новую форму феодального землевладения, в которой только в отдельных случаях медленно и ограниченно развивался капитализм¹⁵. К нему примыкает Х.Гандев, считающий, что чифлики в Македонии имели феодальный характер¹⁶. Пожалуй, ближе всего к истине мнение И. Катарджиева¹⁷ и Д.Зографского¹⁸, которые характеризуют чифлики как переходные хозяйства со сложным переплетением феодальных, полуфеодальных и капиталистических элементов.

Действительно, характер земельной собственности, способ ведения хозяйства и эксплуатации земли, существо аграрных отношений в большинстве чифликов оставались по своему содержанию феодально-консервативными. С юридической стороны чифлик-сайбии (владельцы чифликов) были простыми держателями своих имений, поскольку турецкое государство и после всех аграрных преобразований сохранило верховную собственность на земли мирие, составлявшие основную часть обрабатываемого земельного фонда Турции. Чифлик-сайбии так же, как спахии, остались в стороне от производственного процесса. Как правило, сами они жили в городах, а чифликами управляли их доверенные лица субаши. Земли чифликов в большинстве случаев были раздроблены на отдельные участки, которые обрабатывались малоземельными и безземельными крестьянами, так называемыми чифлигарами или чифчиями на условиях различных форм полуфеодальной аренды. “Барская” запашка была очень ограничена. Для владельца чифлика возделывались преимущественно садово-огородные культуры и виноградники. Так в Македонии при крупном землевладении утвердилась система мелкого земледользования (государственные и церковные земли также почти полностью сдавались в аренду).

Крестьяне, работавшие в чифликах, в большинстве своем, частично или полностью, потеряли в процессе почифличенья свои земли. Документы (“тапу”), дающие право на наследственное держание наделов, теми или иными путями перешли к мусульманским помещикам, которые стали сдавать захваченные земли в аренду на кабальных условиях. И хотя при отмене спахийства прикрепление крестьян к земле было аннулировано, сохранение турецкой государственной надстройки с ее аппаратом национального угнетения, прочность феодальных традиций дали возможность чифлик-сайбиям, использовавшим экономические и внеэкономические методы воздействия, привнести многие феодальные нормы в аграрные отношения, сложившиеся в чифликах: закабалить крестьян в своих имениях, лишив их практически возможности покидать чифлики, широко применять, несмотря на его официальное запрещение, принудительный труд (“ангарию”), держать чифлигар в беспрекословном подчинении, грубо вмешиваться в их личную жизнь.

Чифлигарские крестьяне делились на три категории: испољшиков, кесимджиив, момков, в зависимости от обеспеченности рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Отношения между чифлик-сайбиями и чифлигарами всех категорий оформлялись устными договорами на год на основе обычного права. Однако договорные отношения в значительной мере были условными, ибо в большинстве случаев крестьяне из поколения в поколение обрабатывали земли одних и тех же поместий¹⁹.

Самой многочисленной категорией чифлигар были испољшики или ярад-жий²⁰. Это были малоземельные или безземельные крестьяне, обрабатывавшие собственным рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем земли чифликов. Они должны были отдавать землевладельцу половину урожая зерновых и риса; зерновые делились между испољшиком и чифлик-сайбием поровну после уплаты крестьянами десятины. Урожай мака, фруктов, винограда чаще всего считался крестьянским²¹. Кроме того, испољшики должны были от одного до трех дней в неделю ходить "на ангарию", т.е. бесплатно выполнять для чифлик-сайбия различные полевые работы, перевозить ему зерно (домой или на рынок), собирать виноград и т.д.²² Исполичарство было широко распространено в равнинных, плодородных районах Македонии.

Обязанности чифлик-сайбия заключались в предоставлении испољшику земли, семян для посева, хозяйственных построек, жилого дома²³.

Кесимджиив, так же, как и испољшики, должны были иметь свой скот и орудия труда. Они платили помещику определенную годовую плату - кесим или отсек, закуп. В урожайные годы кесимджиив выплачивали ее зерном, в неурожайные - деньгами²⁴. С течением времени, по мере все большего втягивания деревни в товарно-денежные отношения, кесим все чаще выплачивался деньгами. Помимо кесима крестьяне доставляли помещику бесплатно дрова, масло, мясо и другие сельскохозяйственные продукты²⁵. Выполняли они и ангарию, но меньше, чем испољшики²⁶. Ангарийный труд кесимджиив чифлик-сайбии обычно использовали для обработки своих виноградников и бахчей²⁷.

Кесимджиивство не имело широкого распространения. Оно применялось главным образом в предгорных селах северной и восточной Македонии²⁸.

Третью категорию чифлигар составляли момки (в Болгарии их чаще называли ратаи), своеобразный тип постоянных рабочих, лишенных собственных средств производства. Они жили исключительно за счет продажи своей рабочей силы помещикам. За свой тяжелый труд в чифликах момки получали плату натурой, так называемый хак: зерновые продукты (рожь, кукурузу или пшеницу, фасоль), небольшое количество жира, соли, керосина, одежды, обуви и др. Иногда момки получали небольшой участок земли для личного пользования - параспур. Х.Христов считает, что оплата труда в мусульман-

ских чифликах была полностью натуральной. Только в некоторых чифликах, принадлежавших христианам, и то едва в конце XIX в. - начале XX в. кроме натурального хака, момки получали и немного денег²⁹. Д. Зографски, наоборот, полагает, что оплата труда момков во второй половине XIX в. производилась и натурой, и деньгами³⁰.

Момки нанимались на 6 месяцев или на год. Сроки, однако, автоматически продлевались и нередко момки наследственно работали в одних и тех же чифликах. Обычно труд момков использовался для обработки лучшей земли чифлика, которую помещик оставлял для себя³¹.

Таким образом, аграрные отношения в чифликах носили преимущественно феодальный и полуфеодальный характер: преобладала испольтщина, употреблялся ангарийный труд, который был выражением самого примитивного вида феодальной земельной ренты, существовали обязательные натуральные поставки помещику, крестьяне фактически были закрепощены. Отношения между момками и чифлик-сайбиями также сохраняли много феодальных черт: преобладала натуральная оплата труда, не было юридического равноправия между помещиком и рабочим и т.д.

Уровень земледелия в чифлигарских хозяйствах, т.е. у испольтчиков и кесимджиев, как и в чифлике в целом, был самым низким. Правильных севооборотов не соблюдалось, удобрение почвы достигалось только пастьбой овец на полях ранней весной и после уборки урожая; никаких усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, а тем более машин не было. Блэнт отмечала, что в Македонии “даже молотилки не принялись”, т.к. рабочие не умели с ними обращаться³². Молотьба производилась самым первобытным способом при помощи примитивной деревянной рамы, которую тянули лошадьми, а в некоторых районах и того проще: по снопам, разложенным на току, просто гоняли лошадей, а женщины и дети, сидя на земле, помогали работе лошадей, колотя по колосьям палками³³.

Употребление ангарийного труда, возможность к тому же силой набирать дешевые рабочие руки, платя им мизерную поденную плату³⁴, делали для чифлик-сайбиев невыгодным употребление машин. Известная доходность в большинстве чифликов достигалась за счет чудовишной эксплуатации крестьян, произвольного увеличения доли чифлик-сайбия в продуктах и т.п. методов.

И все же, хотя в чифликах в целом доминировал феодальный базис, в 50-е и особенно в 60-е годы XIX в. он уже сильно деформировался. Реформы танзимата при всей своей непоследовательности и половинчатости, искажении противодействием на местах, объективно способствовали разрушению османского феодализма. Ликвидация спахийства, отмена прикрепления крестьян к земле, запрещение ангарии создавали условия для более быстрого развития материальных производительных сил, что вело к спонтанному

проникновению элементов капитализма в деревню. Нельзя не учитывать также и воздействия мирового капиталистического рынка. В итоге значительно углубился процесс разложения турецкой феодальной собственности и ее основной формы - собственности на мирийские земли; он сопровождался параллельным процессом - развитием элементов буржуазной собственности. Это особенно наглядно проявилось в отношении одного из важнейших феодальных ограничений турецкой поземельной собственности - строгих ограничений в правах наследства на мирийские земли³⁵. Права наследства на мирийские земли и земли вакуфов значительно расширились; законом от 21 мая 1867 г. круг наследников на эти земли был расширен в пределах родства до седьмого колена³⁶. Декабрьские правила 1869 г. расширяли возможности заклада и продажи мирийских и вакуфных земель за долги³⁷. Все это чрезвычайно облегчало мобилизацию земли, способствовало широкому втягиванию ее в торговый оборот. Мирийские земли при соблюдении ряда юридических формальностей, можно было передавать по наследству, сдавать в аренду, закладывать, продавать. Данные права распространялись на всех держателей мирийских земель - чифлик-сайбиев, различные категории крестьян, сохранивших или приобретших права на мирийские земли. Разница между помещиками и крестьянами в отношении мирийских земель заключалась лишь в том, что первые, пользуясь своим привилегированным положением в государстве, могли обходить ряд существовавших ограничений, в еще большей мере превращая землю в предмет свободной купли-продажи и тем самым *de facto* приближаясь к буржуазным нормам.

Значительная товарность чифликов, их тесная связь с рынком также немало способствовала разрушению патриархальных основ. В отдельных случаях чифлики были многоотраслевыми хозяйствами, но главной товарной продукцией было зерно. Чифлики производили большое количество зерна не только в 50-е годы, когда в связи с Крымской войной и в первые годы после нее на европейских рынках наблюдался повышенный спрос на зерновые. Они получали много зерна и в последующие годы. При отсутствии сбыта за границу, зерно продавалось на внутреннем рынке. О количестве зернового хлеба, поступавшего в житницы богатых турецких беев Битольского и Охридского санджаков, можно судить по тому факту, что имевшегося у них количества зернового хлеба, оказалось достаточно при реализации его на внутреннем рынке, для спасения названных районов от острого продовольственного кризиса, который угрожал населению вследствие плохого урожая 1870 г.³⁸

В 50-70-е годы XIX в. постепенно росло применение наемного труда, главным образом за счет чифликов, принадлежавших представителям мусульманской торгово-ростовщической прослойки и купленных христианами.

Наемный труд особенно широко применялся во время сезонных сельскохозяйственных работ - жатве, молотье, покосах и т.д.

Этому способствовал также усиливавшийся протест чифлигар против ангарии и других незаконных притязаний чифлик-сайбиев. В ряде случаев помещикам приходилось силой удерживать чифлигар в своих имениях³⁹. Однако, грубое насилие и принуждение, к которому прибегли чифлик-сайбии в Македонии, давало обратные результаты. Труд подневольных крестьян, не заинтересованных в увеличении производства, становился все непроизводительнее, изживал себя.

Все вместе взятое в итоге привело к тому, что традиционные формы организации производства и эксплуатации крестьян в чифликах были расшатаны. Перед чифлик-сайбиями все реальнее вставала необходимость изменения методов хозяйствования, т.е. необходимость перехода на капиталистические пути, диктуемая логикой экономического развития. Неспособность основной массы чифликов подняться над уровнем простого товарного производства положила начало упадку и разложению чифликчийского хозяйства. Отрицательно сказалось на положении чифликов и падение цен на продукты сельского хозяйства на международном рынке. Многие чифлик-сайбии начали сдавать в наем свои чифлики, другие приступили к их продаже целиком или частями. Особенно четко этот процесс обозначился в 60-70-е годы XIX в.

В этот период часть земель чифликов, продаваемых мусульманами, стали приобретать и жазиточные христиане. Так, имеются данные о покупке чифликов в 60-70-е годы XIX в. в восточной Македонии (Сереском, Демирхисарском, Мелникском и других районах) греческими торговцами и ростовщиками, в западной Македонии (Битольском, Прилепском, Охридском, Леринском районах) македонскими торговцами братьями Робелевыми, братьями Бомбаловыми, братьями Кецкаровыми, Данко Радевым⁴⁰, Н.Беломаре⁴¹. Переход чифликчийских земель в руки христиан был более интенсивен в восточных и южных районах Македонии. В целом же процент владельцев чифликов - христиан был невысок. На протяжении всего турецкого владычества господствующий феодальный класс в Македонии в основном оставался мусульманским. Таким образом, противоречия в области аграрных отношений совпадали с национальными противоречиями.

Рост крупных землевладельцев - христиан в Македонии задерживался отсутствием правового порядка и обеспеченности имущества христиан, что мешало немусульманам более широко вкладывать капиталы в земельную собственность. Многие христиане опасались покупать землю из-за страха ее потерять⁴². Аренда чифликов тоже была сопряжена для христиан с риском⁴³.

Если бы ни эта зыбкость положения, то богатые христиане из местных уроженцев охотнее покупали бы и арендовали крупные поместья⁴⁴.

Чтобы обеспечить себе большую правовую защиту и как-то оградить свои имения от посягательств со стороны беев, черкесов и других соседей, нападений и опустошений со стороны разбойников, многие христиане, чаще греки, принимали иностранное подданство, опираясь на закон 1867 г., разрешающий иностранцам владеть землей в Османской империи⁴⁵. Возможностью, дарованной этим законом, воспользовались несколько англичан, купивших чифлики в Македонии. Поскольку «природных европейцев» более уважали и боялись, то даже в смутные времена второй половины 70-х годов XIX в. англичане не имели повода к жалобам⁴⁶.

Покупатели и арендаторы чифликов христиане стремились к организации капиталистической эксплуатации имений⁴⁷. Они шире использовали наемный труд, улучшали агротехнику, орудия производства и т.п. В 1864 г. в Салоники была завезена молотилка⁴⁸. Правда, этот случай был единичным. Нередко христианам удавалось извлекать из чифликов до 6-10 % годового дохода⁴⁹. Имеются сведения середины 60-х годов XIX в. о большой доходности чифликов салониких негодантов⁵⁰.

Признаки упадка, обозначившиеся в чифликчийском хозяйстве в 60-70-е годы XIX в., не были, однако, всеобъемлющими. Многие мусульманские помещики, сумев сохранить свои чифлики, стремились к укреплению и расширению крупного землевладения. Земельная собственность, как источник легких доходов, продолжала привлекать мусульман. При распродаже земель из государственного фонда⁵¹ их покупателями были преимущественно мусульмане. Например, в 1874 г. в Битоле с публичных торгов было продано 32 казенных чифлика, находившихся в Битольском, Леринском, Кожанском, Ресенском и Преспанском районах, конфискованных еще в начале 30-х годов XIX в. у Али-паши Янинского и его родственников⁵². По-видимому, значительная часть этих имений, а может быть и все, была приобретена Ильяс-агой, богатым албанцем, пользовавшимся влиянием в Дебарском крае⁵³.

Помимо расширения своих владений за счет покупки государственных земель, а также земель разорившихся собратьев по классу, богатые мусульманские помещики не прекратили наступления на крестьянские участки. Случаи насильственного захвата крестьянских земель чифлик-сайбиями имели место в 50-60-е годы; они участились в 70-е годы, в период очередного кризиса Восточного вопроса. Таким образом, ослабевая в одном звене, чифликчийство укреплялось в другом. Поэтому неудивительно, что, несмотря на появившиеся признаки упадка, чифликчийство в 50-70-е годы XIX в. как впрочем и значительно позже, продолжало играть важную роль в аграрных отношениях Македонии.

Кроме чифлигар в Македонии имелся значительный слой так называемых свободных или раятских крестьян, которым удалось сохранить или приобрести права на мирийскую землю. Эти крестьяне были лично свободными, вели самостоятельное хозяйство. К их числу относились также все мусульманские крестьяне, которых было много в Западной Македонии и в других районах. Если учесть, что мусульмане, как правило, были в два раза лучше обеспечены землей, чем христиане, что значительная часть лучшей земли в равнинах находилась в руках чифлик-сайбиев, то можно понять почему крестьяне христианских раятских сел в массе своей страдали от безземелья. Не имея достаточного количества земли, необходимого для прокормления семьи, многие из крестьян вынуждены были брать у чифлик-сайбиев дополнительные участки на условиях польной аренды, посылать своих младших сыновей в момки⁵⁴.

Следовательно, известная часть раятских крестьян также была втянута в чифлигарские отношения. Поэтому влияние чифликчийского землевладения на аграрные отношения в Македонии в целом было весьма существенным. Всем европейцам, посетившим во второй половине XIX в. балканские владения Османской империи, бросалось в глаза закабаление македонских крестьян чифлик-сайбиями. "Различие в положении крестьян-мусульман и крестьян-христиан заключается в том, - писал в 1861 г. русский консул в Салониках А.Е.Лаговский, - что первые являются хозяевами своих земель, которые они обрабатывают в своих деревнях, а последние обрабатывают землю мусульманских помещиков и делят с ними продукты своего труда⁵⁵. Блэнт отмечала, что земельная собственность в Македонии распределена менее равномерно, чем в Болгарии⁵⁶. Дондуков-Корсаков отмечал в 1878 году, что христиане Македонии "наполовину обезземелены и суть не более как тараканы у турецких бегов". Такие аграрные условия, по его мнению, должны были всегда вызывать недовольство в населении и побуждать его к протестам при всяком удобном к этому случае⁵⁷.

В связи со всем сказанным, нам кажется, что вывод Христова о том, что в третьей четверти XIX в. "чифликчийский вопрос не был основным содержанием аграрного вопроса в болгарских землях" (автор включает в этот ареал Македонию), сделанный в одной из его последних работ по аграрному вопросу⁵⁸, справедлив только для Болгарии. Применительно к Македонии он нуждается в существенном уточнении⁵⁹.

Положение раятских крестьян в некотором отношении было благоприятнее положения чифлигар. Условий для социально-экономического прогресса в раятских селах было больше⁶⁰. Уже одно отсутствие необходимости отдавать значительную часть результатов своего труда помещику было серьезным экономическим фактором. Право крестьян в известных рамках распо-

ряжаться своими участками, избавление от вмешательства феодала в их хозяйственную деятельность, свобода передвижения давали определенный простор для более быстрого развития производительных сил, товарно-денежных отношений, способствовали созданию условий для свободного движения рабочей силы.

Раятские крестьяне занимались земледелием, торговым скотоводством, извозом, различными промыслами. Связь их хозяйств с рынком неуклонно росла. Богатых крестьян толкала на рынок погоня за наживой, других постоянная нужда в деньгах, необходимых для уплаты налогов или процентов ростовщиков, нехватка продуктов, вызывавшаяся низкой продуктивностью общей массы крестьянских хозяйств, частыми неурожаями и другими причинами. О связи крестьянских хозяйств с рынком во второй половине XIX в. убедительно свидетельствуют данные источников и литературы. Например, в 1874 г. русский консул в Битоле доносил, что крестьяне Битольского, Охридского и Флоринского районов, далеких от железной дороги, из-за сравнительной дороговизны доставки зернового хлеба в Салоники, должны были довольствоваться низкими ценами на местных рынках, что ставило их в невыгодное положение по сравнению с крестьянами Скопского, Велесского и отчасти Прилепского районов, которые могли излишки своего зерна отправлять по железной дороге в порт, откуда он шел за границу⁶¹. В других случаях речь шла отнюдь не об излишках. Часть крестьян вынуждена была продавать хлеб до жатвы и шелковичные коконы до созревания в половину их стоимости, чтобы избежать тюрьмы за неуплату налогов и недоимок⁶². Такие крестьяне к весне вновь оказывались в тяжелом положении. Они вынуждены были вновь продавать урожай на корню (“на зелено”) или занимать деньги до обмолота под 30-40 %⁶³. О покупке зерна на рынке крестьянами целых районов во время неурожая мы упоминали выше.

С конца 60-х - начала 70-х годов имущественная дифференциация раятских крестьян принимает характер классового расслоения. Наряду с пауперизацией и пролетаризацией значительной части крестьянства выделяется немногочисленная прослойка сельской буржуазии, которая занимает все более независимое положение среди остальной массы крестьян. Сельские богатеи - “чорбаджи”, “первенцы” - обладали значительным имуществом, большим количеством пахотной земли и скота, занимались торговлей, ростовщичеством, например, чорбаджий Мицо из с. Робево, Струмешкого района, имел 500-600 декаров земли, 60-70 буйволов, 200-300 овец, 150 свиней, 30-40 лошадей. У него были собственные тутовые сады, ежегодно он продавал 700-800 ок⁶⁴ шелковичных коконов⁶⁵. Естественно, что подобные хозяйства не могли уже обходиться без наемного труда, который здесь был более

свободен, лишен элементов внеэкономического принуждения, что, конечно, не исключало эксплуатации рабочих хозяином.

Другие крестьяне богатели по линии развитого торгового животноводства и связанных с ним промыслов. Яркой фигурой такого поднимающегося буржуа был Гюрчин Кокалески, богатый прасол из западной Македонии. Будучи в начале XIX в. мелким скотоводом, он к 1822 г. имел уже 1000 овец и капитал в 25000 грошей. К 60-м годам стада его увеличились до 12000 овец и 300 лошадей⁶⁶.

Часть крестьян в результате социального расслоения превращалась в наемных сельскохозяйственных рабочих в хозяйствах богатых крестьян и чифлик-сайбиев. Вопреки наличию значительного количества бедных и нищих крестьян, рабочей силы в некоторых местах не хватало. Это происходило главным образом потому, что многие крестьяне, несмотря на бедность, были еще привязаны к своим мизерным клочкам земли, сохраняли скот и примитивный сельскохозяйственный инвентарь. Большую часть рабочих рук поставляли горные и предгорные районы. Оттуда в равнины в период уборки урожая устремлялись целые отряды различных поденщиков, жнецов, косарей, рабочих по очистке хлопка, уборке винограда и т.д. Из районов Разлога, Неврокопа, Демир-Хисара шли на очистку хлопка в окрестности Сера, Драмы, Ковали. Из Малешево, Осогово спускались в Мелникский, Струмицкий, Дойранский и Салоникский районы. Из Охридского, Стружского и Ресенского шли на работу в Прилепский, Битольский, Леринский, Воденский и другие⁶⁷.

Хотя наемный труд в целом еще тесно переплетался с отношениями, присущими феодальной эпохе, он все глубже проникал в сельскохозяйственное производство, разрушая замкнутость патриархального хозяйства, закладывая основы новых аграрно-производственных отношений. В отдельных случаях наемный труд приближался к капиталистическим формам. В частности поденных рабочих - надничар - в 70-е годы XIX в. можно считать зачатками сельскохозяйственного пролетариата⁶⁸.

Чифлигарское крестьянство также не было едино в социальном отношении. Наличие 3-х категорий чифлигар само по себе было выражением имущественной дифференциации в их среде. В рассматриваемый нами период и особенно с 70-х годов XIX в. среди чифлигар происходят новые сдвиги в социальном отношении. Части чифлигар, путем огромного напряжения сил, удается выкупиться из чифликов и приобрести собственные земли. О широком и повсеместном развитии этого процесса в Македонии с 70-х годов говорит В.Кынчев⁶⁹. Однако в разных районах он проходил с различной интенсивностью. Так, в районе Велеса к концу 70-х годов уже 5/6 бывших чифлигарских крестьян освободилось от власти чифлик-сайбиев⁷⁰. В Сало-

ниском санджаке освобождение чифлигарских крестьян задерживалось в результате прямых актов насилия со стороны мусульманских помещиков, находивших поддержку у местных турецких властей⁷¹.

Другая часть чифлигар нищала, еще более закабалалась у помещика. переходя в разряд момков, считавшихся париями в социальном отношении.

Характерно, что выкупившиеся чифлигары с трудом удерживались на уровне среднего, а скорее бедного крестьянства. Как правило, из Среды чифлигар не выходило представителей сельской буржуазии.

Свидетельством недостаточной интенсивности процесса классового расщепления в македонской деревне в целом, наряду с незначительностью слоя сельской буржуазии, было наличие большого количества среднего крестьянства.

Наибольшей товарностью отличались две крайние группы - сельская буржуазия и беднейшее крестьянство. В средних слоях деревни основы натурального хозяйства держались прочнее. Нужды семьи в большей степени удовлетворялись за счет продуктов своего хозяйства, домотканых тканей и других изделий домашнего производства. Из фабричных товаров покупалось немного: керосин, соль, нитки, шали, краски, предметы из жести, безделушки. Правда, с годами прогрессировал процесс вытеснения домотканых тканей фабричными.

Как следствие экстенсивного характера хозяйства в македонских селах, раятских⁷² и чифликчийских, сохранялись, за очень редким исключением, остатки общинного земледелия. В общем владении находились пастбища, луга, водопой, леса, горные участки. Как правило, чифлик-сайбии пользовались этими угодьями наравне с крестьянами. Лишь в очень редких случаях помещикам давалось преимущество при эксплуатации общинных земель⁷³. В большей части Македонии эти общие имущества эксплуатировались весьма произвольно. Не было никакого лимита для пользования выгонами, полосами, лесами. Каждый мог пасти любое количество скота, без ограничения косить сено, рубить дрова и т.д. Крестьяне говорили, что так пошло с древних времен и не хотели менять установившиеся порядки⁷⁴. В некоторых селах сельские пастбища сдавались в аренду при условии сохранения за селом права на пользование выгоном. Небольшие деньги, получаемые за аренду пастбищ, шли в церковную кассу⁷⁵. В других селах общинные земли эксплуатировались таким порядком, когда каждому односельчанину обеспечивался равный доход⁷⁶.

С введением системы вилайетов пользование общинными землями было отдано под надзор правительства. Тем самым права крестьян в значительной мере урезались, а для правительственных чиновников открывался новый источник наживы⁷⁷.

Пахотные земли, по-видимому, уже не подлежали ведению общины. Во всяком случае, мы нигде не встретили на это указаний.

О слабости процесса становления буржуазных отношений в Македонии в рассматриваемый период, неполном разложении патриархального хозяйства, свидетельствовали значительные остатки архаического института больших семей-задруг, которые, хотя и редко, но встречались даже в городах⁷⁸. К местам наибольшего распространения задруг относились районы Тетовский, Охридский, Ресенский, Битольский, Прилепский, Воленский, Енидже-Вардарский, Поройский, Тиквешский, Скопский, Струмицкий. Редко встречались они в Дебарском, Велесском, Штипском, Костурском, Дойранском районах; к началу XX в. исчезли в Кукушском, Сересском, Неврокопском районах⁷⁹. Задруги встречались и в чифликчийских селах⁸⁰, но, по-видимому, реже, чем в раятских. Все же задруга не была определяющим фактором на селе, характерным типом была малая семья, которая с каждым десятилетием все более вытесняла задруги.

Ликвидации старых производственных отношений и правовых норм в македонской деревне мешали многие факторы. Одним из основных, помимо утверждения чифликчийства, было сохранение верховной собственности турецкого государства на мирийские земли, основываясь на котором оно взимало со всех этих земель феодальную земельную ренту натурой, что превращало государство в “коллективного спашия”⁸¹. Феодальная эксплуатация со стороны государства, наряду с ограничениями в правах распоряжения личными наделами, задерживала превращение раятских крестьян в категорию мелких собственников буржуазного типа, ложилась дополнительным тяжелым бременем на плечи чифлигарских крестьян, способствовала пауперизации крестьянства в целом.

Откупная система сбора десятины, дававшая большой простор для злоупотреблений, что вело на практике к повышению фактической величины десятины, несмотря на неоднократные обещания правительства, не была ликвидирована в балканских владениях Османской империи до конца турецкого владычества. Исключение представлял период 1861-1865 г. Тогда десятина взималась в денежном выражении, которое было завышено в 2-3 раза по сравнению с реальными рыночными ценами. Величина денежного налога была выведена из средней суммы откупных цен предшествовавших пяти лет, во время которых стоимость сельскохозяйственных продуктов, вследствие Крымской войны, была очень высокой⁸². Учитывая имевший место в первой половине 60-х годов денежный курс и цены на продукты, многие села Македонии должны были для уплаты требуемой суммы налога отдавать значительно больше десятой доли урожая⁸³. С 1866 г. десятину снова стали взимать натурой и отдавать на откуп. С 1867 г. десятина с зерновых культур

распространяется почти на все сельскохозяйственные культуры⁸⁴. В том же году специальным ирадэ было объявлено о повышении десятины до 15 %. Каждый последующий год десятина снижалась на 1 %, так что в продолжение 5 лет подать должна были придти в свое прежнее положение⁸⁵.

Помимо отмеченного нами роста десятины, очень быстро повышался налог на табак, вводились новые налоги. В 1845 г. был введен налог “верги”, затем налог “бедель”⁸⁶. В 1872 г. был введен налог на вино, в 1874 г. была восстановлена государственная монополия на табак и соль⁸⁷. Вся тяжесть возросших налогов, которые не распределялись прогрессивно в соответствии с имущественным состоянием налогоплательщиков, а глобально по хозяйствам или “головам” мужчин, падала на плечи трудящегося народа⁸⁸.

Помимо постоянных налогов широко практиковались различные чрезвычайные поборы, насильственные займы. И без того огромное обложение населения значительно завышалось на местах ретивыми чиновниками. Так, например, поступал в начале 60-х гг. XIX в. генерал-губернатор Салоникского вилайета Хюсни паша, стремясь выслужиться перед центральным правительством⁸⁹. Откупщики десятины, заптие и другие представители турецкой администрации также стремились урвать свою долю. Не отставали от них и представители греческого духовенства.

Многие крестьяне, не имея возможности уплатить налоги из собственного дохода, вынуждены были продавать свой скот, домашнюю утварь или занимать деньги под высокие проценты, которые были чрезвычайно тяжелыми для крестьянина и не давали ему возможности возратить деньги в срок. Тогда заимодавец начинал прижимать крестьянина - завладевал его землей, скотом и др.⁹⁰. Закабалались у ростовщиков не только отдельные крестьяне, но и целые общины⁹¹. Не имея возможности уплатить требуемых денег, жители иногда покидали свои жилища и скрывались в горы⁹².

Надо заметить, что при сборе налогов власти действовали “нисколько не стесняясь в средствах”, причем бедные и неимущие терпели более всего⁹³. Крестьян арестовывали, сажали в тюрьмы, даже подвергали пыткам⁹⁴. Русский консул в Салониках отмечал, что “местные власти всякими способами выбивают у населения различные налоги, принудительный заем под каиме, барщину⁹⁵ и т.п., забирая не только деньги, но и различные продукты, а также продовольствие для семьи. Меры, употреблявшиеся чиновниками при сборе налогов, возбуждали общее недовольство и доводили до отчаяния местное население”⁹⁶.

Но, несмотря на такие чрезвычайные меры, почти на всех селах лежали огромные недоимки⁹⁷. Так, в 1868 г. за жителями Битольского санджака числилось 18 млн. пиастров недоимок⁹⁸. По свидетельству русских консулов, местные власти при сборе недоимок совершали “бесчеловечные поступки”⁹⁹.

По всей Македонии раздавались жалобы крестьян на чрезмерные подати и повинности. Крестьяне обращались к местным генерал-губернаторам, русским и западноевропейским консулам, стремясь добиться облегчения непосильного бремени. В своих петициях они указывали, что “большая часть произведений их земли и труда идет правительству в виде бесчисленных налогов и обязанностей”¹⁰⁰.

Тяжесть экономического положения македонского крестьянства усугублялась поборами греческого духовенства, что побуждало крестьян искать пути избавления от дорого обходившейся им духовной опеки.

Но на этом не кончились беды сельского населения в условиях турецкой действительности. Настоящим бичом для крестьян, особенно раятских сел, были грабежи разбойничьих банд¹⁰¹. В 50-70-е годы XIX в. разбойничество ширилось по всей Македонии, сделавшись в некоторых ее районах настоящей профессией¹⁰². В Охридском санджаке и особенно в Дебарском крае шайки разбойников почти свободно и открыто разгуливали по дорогам и нападали на села¹⁰³. Чтобы спастись от грабежей, поджогов, угонов скота и возможных убийств, крестьяне в ряде случаев платили бандам различные выкупы¹⁰⁴.

Причиной широкого распространения разбоев, насилий и убийств со стороны банд были слабые меры местного начальства и личные злоупотребления представителей власти. Если случалось, что разбойника сажали в тюрьму, то его вскоре выпускали за денежную мзду и он снова отправлялся на свой промысел, чтобы вознаградить себя за убытки, принесенные при освобождении из тюрьмы¹⁰⁵. Часто меджлисы, из снисхождения к мусульманину-убийце и из-за фанатизма против христиан, оставляли преступление ненаказанным под предлогом недостатка улик или мнимого сумасшествия преступника¹⁰⁶. Преступлений было так много, что консулы в Македонии вели понедельные списки совершенных в области грабежей, насилий и убийств. Так, только за одну неделю сентября 1866 г. в Битольском районе 11 человек христиан было убито, 5 ранено и ограблено¹⁰⁷.

Произвол полевых сторожей-мусульман (“выдари, поляци, бекчи”) был вторым источником бедствий для крестьян. Институт полевых сторожей был типичным феодальным пережитком. Он не был только македонским явлением. В Македонии, однако, “выдарство” получило специфические черты, которые резко отличали его от аналогичного институтов других балканских странах¹⁰⁸. Причина этого крылась в том обстоятельстве, что при разложении и ликвидации военно-ленной системы, некоторые права спахийев перешли к полевым сторожам - мусульманам, назначаемым турецкими властями в христианские села. Полевые сторожа назначались не столько охранять имущество христианских сел от грабежа и повреждений, сколько выполнять

функции органов турецкой власти и чифлик-сайбиев в ограблении и угнетении сельского населения. Благодаря этому институт полевых сторожей был одним из наибольших зол, от которых страдало македонское христианское население, особенно раятских сел¹⁰⁹. Полевые сторожа заставляли сельское население бесплатно работать на себя, совершали произвольные поборы, отнимали крестьянские земли, вообще пользовались неограниченной властью. Ни одна свадьба на селе не могла совершиться без их разрешения. В ряде случаев полевые сторожа изгоняли кметов, узурпировали общинную власть, становясь представителями сел перед гражданскими и духовными властями¹¹⁰. Попытки замены полевых сторожей-мусульман в христианских селах христианами, предпринимаемые с конца 60-х годов, неизменно терпели крах из-за сопротивления мусульманского населения¹¹¹. Полевые сторожа продолжали по-прежнему распоряжаться в селах, а старшины сельских общин служили только инструментом для скорейшего сбора податей и всякого рода налогов¹¹². Нередко полевые сторожа были связаны с разбойничьими бандами, которые помогали им терроризировать христианское население¹¹³.

Жалобы на произвол и всевластие полевых сторожей раздавались отовсюду. Оценка их отрицательной роли современниками была единодушной. Например, Еничеров писал, что полевые сторожа были наихудшими притеснителями (“най-голями пакостници от всички бяха поляците”)¹¹⁴. Корреспондент газеты “Македония” называл полевых сторожей “вторыми царями”, на которых со страхом и трепетом работало несчастное население¹¹⁵. Русский консул в Скопье М.Ульянов (донесение от 28 декабря 1878 г.) считал полевых сторожей главными врагами и притеснителями крестьян, которых последние боялись гораздо больше, чем остальных властей¹¹⁶.

Кроме огромных государственных налогов и разорительных повинностей, грабежей разбойников и полевых сторожей, христианам приходилось отбывать всевозможные поборы в пользу турецкого чиновного люда. Всякий заптие считал себя полновластным пашой; приходя в христианскую деревню, он распоряжался так, как в завоеванной земле. По словам русского дипломата, турок не мог допустить возможности каких-либо прав за христианином¹¹⁷. Национальная неприязнь, идеи мнимого превосходства ислама над христианством, турецкого над нетурецким, веками насаждавшиеся турецким феодальным классом, были источником распяленного фанатизма большинства мусульманского населения. Не упускали случая эксплуатировать христиан и рядовые магометане. Так, в Битольской казе мусульмане села Ракова заставляли обрабатывать свои земли христиан из соседнего села Дрогоша¹¹⁸.

По словам русских консулов, в македонской деревне совершались такие насилия, которые даже трудно было себе представить¹¹⁹. Террор, злоупотребления и насилия достигли своей кульминации во второй половине 70-х

годов. Восстания в Боснии и Герцеговине, Болгарии, северо-восточной Македонии (Малешево) вызвали военные меры со стороны турецкого правительства, обострили религиозный фанатизм мусульман. Так, в октябре 1876 г. Ульянов доносил, что грабежи, убийства и всякого рода насилия со стороны магометан достигли в Битольском и Дебарском санджаках небывалых доселе размеров¹²⁰. Обстановка осложнялась к тому же притоком тысяч мусульман-беженцев, так называемых мухаджири, которые устремлялись в Македонию из Болгарии, Боснии, Южной Сербии и Фессалии. Только в Салоникском вилайете число мусульманских беженцев достигло в 1880 г. 60000 чел.¹²¹. Мухаджиров поселяли в христианских, преимущественно славянских семьях, жителям которых вменялось в обязанность обеспечить беженцев жилищами и продуктами. Часто последние наделялись землей за счет местного населения. Турецкое правительство стремилось использовать мухаджиров для охраны границ с Болгарским княжеством; поэтому большое число их было размещено в северных районах восточной Македонии¹²².

Поселение большого числа мухаджиров увеличило состав мусульманского населения в Македонии, что было использовано турецкой властью для укрепления здесь своего господства¹²³.

О безвыходном положении христианского, особенно сельского, населения Македонии в 50-70-е годы XIX в. публиковались корреспонденции с мест в константинопольских газетах "Цариградски вестник", "Македония", население неоднократно обращалось с просьбой о защите к местным властям, самому султану¹²⁴, в иностранные консульства, в том числе и русские¹²⁵.

Сильнейший экономический гнет, бесправие, разбойничество были причиной большой миграции сельского населения. Наиболее сильной была миграция из западной и центральной Македонии¹²⁶. Миграционный поток шел в более стабильные районы области, прежде всего в Салоники и другие крупные города, в небольшом количестве в Грецию, в более значительных размерах в Сербию и, особенно, в Болгарию¹²⁷. В Сербию переселялись преимущественно жители Прилепского края, из окрестностей Гостивара, Велеса. Много македонских переселенцев обосновалось в г Алексинаце и его окрестностях, в небольшом количестве они присутствовали в Белграде, Смедереве¹²⁸, Земуне¹²⁹. Переселение в Болгарию приняло большие размеры после русско-турецкой войны 1877-78 гг.¹³⁰.

Положение мусульманских крестьян существенно отличалось от положения христиан, пожалуй, только в правовом отношении. Они менее были подвержены произволу и насилию со стороны местных властей, различных банд и др. притеснениям. Однако мусульманские крестьяне также как христиане страдали от нараставшего налогового гнета. Большая обеспеченность мусульманских крестьян землей с лихвой нейтрализовалась постоянным

оттоком мужского населения в регулярные войска и отряды башибузуков, что подрывало мусульманские хозяйства, надолго отнимая у них молодых и сильных работников. О крайнем обеднении мусульманского населения вследствие беспрестанно увеличивавшихся налогов, о полном равнодушии турецкого правительства к жалобам низшего мусульманского населения указывал в 1863 г. Хитрово один из представителей мусульман¹³¹. Блэнт в своей книге тоже отмечала большую бедность турецких крестьян, живших в сельских районах Болгарии, Македонии, Эпира и Фессалии, убогость их деревень. Причину этого она видела в воинской повинности, вызывавшей нехватку рабочих рук, нетерпимом бремени податей, в неправильном, а зачастую несправедливом способе их взимания¹³². Экономические интересы трудового мусульманского населения были близки интересам трудовых масс христиан. Только национальная и религиозная вражда, сознательно разжигавшаяся турецким феодальным классом, разъединила и противопоставила их друг другу.

Значительные остатки феодализма, правовая анархия, бесправие христианского населения и т.п. факторы обусловили большую экономическую отсталость македонской деревни, отсутствие должных условий для становления новых производственно-правовых отношений. Только разрушение всей системы османского феодализма и национального угнетения могло открыть дорогу развитию капитализма в сельском хозяйстве Македонии.

Чудовищный экономический гнет, национальное угнетение, грабежи и насилия вызывали стихийный протест со стороны македонского крестьянства, направленный на устранение экономического рабства и политического бесправия, на справедливое решение аграрного вопроса. Поэтому крестьянство являлось широкой потенциальной базой национально-освободительного движения, было основным контингентом гайдуцких чет, а также отрядов повстанцев во второй половине 70-х годов XIX в.

Кроме того, нельзя не отметить, что приведенный выше материал обнаруживает определенное своеобразие путей развития сельского хозяйства в Македонии в третьей четверти XIX в. по сравнению с Болгарией. За счет более широкого распространения чифликчияства, резкого отличия института полевых сторожей, наблюдалась большая крепость феодальных отношений, менее равномерное распределение земельной собственности, замедленность социального расслоения и развития общественного сознания. Эта разница в путях развития деревни особенно углубилась после русско-турецкой войны 1877-1878 гг., когда в северной и южной Болгарии, наряду с осуществлением национального освобождения, произошел глубокий аграрный и социальный переворот, в результате которого было полностью ликвидиро-

вано мусульманское землевладение, а в Македонии сохранились и даже расширились существовавшие чилигарские отношения¹³³.

Города Македония в своем развитии значительно опередили деревню. Большая правовая стабильность, мюльковый (частновладельческий) характер городской собственности, не отягченной никакими ограничениями, давали возможность для более интенсивного развития производительных сил, товарно-денежных отношений, создавая известные предпосылки для перерастания простого товарного производства в капиталистическое. Как и все европейские владения Османской империи, Македония отличалась значительным развитием городской жизни. Во второй половине XIX века города были центрами торговли, развитого ремесла, мануфактуры и зарождавшейся фабричной промышленности, хотя, как отмечалось выше, сельское хозяйство продолжало еще играть заметную роль в городской экономике. Такие города, как Салоники, Серес, Битоль, Прилеп, Велес еще в XVIII - первой половине XIX в. выдвинулись в число наиболее развитых городов Балканского полуострова¹³⁴. Заметную роль играли также Скопье, Охрид, Штип, Костур, Лерин, Воден, Гевгели, Неврокоп, Кратово, Куманово, Кива Паланка и другие.

Если в первые века турецкого владычества в македонских городах жили преимущественно турки, Греки, валахи, евреи и др., то к середине XIX в. города значительно славянизировались за счет непрекращавшегося с конца XVIII в. притока значительных масс македонского крестьянства, спасавшегося от бесчинств кирджалиев, эксплуатации местных феодалов и других тягот деревенской жизни¹³⁵. В города уходили не только бедняки, но и зажиточные крестьяне; последние включались в городскую экономику как самостоятельные ремесленники и торговцы. Большинство же новых жителей города пополняло городскую бедноту, которая питала значительный слой подмастерьев и учеников, служила источником рабочих рук для окрестных чифликов; многие из крестьян, поселившись на окраинах города, продолжали заниматься сельским хозяйством.

Естественным следствием происходившего процесса был рост городов. Об этом наглядно свидетельствуют следующие цифры увеличения численности населения городов:¹³⁶

	Конец XVIII в.	50-60-е гг. XIX в.
Скопье	5-6000	21000
Битоль	10-12000	40000
Штип	3-4000	15-20000
Велес	3-4000	20000
Охрид	4-5000	8000(1838 г.)

Господствующей формой производства в городах Македонии в 50-70-х гг. XIX в., как и во многих балканских владениях Турции, было мелкотоварное ремесло, которое, начиная с 30-40-х годов XIX в. находилось в состоянии подъема. Развитие торгового обмена, рост товарно-денежных отношений в Османской империи после Крымской войны способствовали дальнейшему увеличению товарного характера ремесла, совершенствованию организации и методов труда, все более глубокому разрушению старых патриархальных основ. Хотя европейская конкуренция после Крымской войны начинала постепенно сказываться и в Македонии¹³⁷, но в целом до середины 70-х гг. XIX в. изделия македонского ремесла продолжали находить обеспеченный сбыт почти на всем Балканском полуострове¹³⁸. Это объяснялось консервативностью быта и привычек многих постоянных потребителей не только в Македонии, но и в Албании, Боснии, Малой Азии¹³⁹, а особенно недостаточной развитостью транспортных средств в этой части Османской империи, что задерживало массовый наплыв промышленных товаров передовых капиталистических стран Западной Европы.

К середине XIX в. ремесла в Македонии достигли большого разнообразия. Например, в Скопье в то время насчитывалось около 60 видов различных ремесел¹⁴⁰, в Прилепе около 30 и т.д. Вместе с тем, в силу природных условий и прогрессирующего углубления общественного разделения труда, в городах наметились контуры основных ведущих отраслей производства. Так, Охрид, а за ним Костур, Лерин и другие выделялись кожевенными мастерскими, Салоники и Серес - обработкой хлопка, изготовлением хлопчатобумажной пряжи и полотенец, Гевгели и Воден - производством шелкам - сырца, Неврокоп, Кратово, Куманово, Крива Паланка - переработкой железа и изготовлением из него различных предметов¹⁴¹. В Ресене и Струге развивалось гончарное производство, в Скопской Черногории - выработка инструментов и предметов домашнего обихода из дерева и т.д.¹⁴². Большой размах приняло ремесленное производство в Разложском районе.

Наибольшее значение для экономики Македонии имели ремесленные отрасли, связанные с обработкой хлопка, шелка, шерсти, выделкой кож, железа, производством вина. Широкое развитие получила также домашняя промышленность по изготовлению пряжи, одежды, чулок, ковров и пр.

Турки, продолжая составлять в городах значительный национальный слой, быстро теряли позиции в производстве, сохраняя в своих руках немногие наиболее простые и легкие отрасли - обработку кож, содержание парикмахерских и т.п. Численный перевес македонских ремесленников привел к их постепенному отделению от общих турецко-греческих цехов. Уже начи-

ная с 20-х гг. XIX в. македонские болгары создают во всех городах свои отдельные цеха.

Цеховая организация ремесла продолжала сохраняться, хотя цеховые ограничения с середины XIX в. все более утрачивали свое значение, особенно в производственных центрах, работавших на широкий рынок¹⁴³. В силу этого цех не только не создавал препятствий обогащению мастеров, но, напротив, способствовал ему. А поскольку к тому же турецкое правительство в силу различных причин (прежде всего фискальных) продолжало оказывать поддержку только цеховым организациям, то богатевшие ремесленники не покидали цехов, ища в них правовую защиту своей деятельности¹⁴⁴. В итоге цеха изменили свой характер, они почти утратили всякое значение в производстве, незаметно превратившись в общественные организации, которые защищали своих членов от произвола и насилия турок и выполняли многие функции общинного самоуправления¹⁴⁵. Этому немало способствовала окрепшая экономическая база цехов. Их кассы с течением времени превратились в настоящие кредитные учреждения, которые не только облегчали денежные операции членов цехов, но и ссужали деньги на различные общественные нужды¹⁴⁶.

К середине XIX в. товарное производство, товарная продукция и денежное обращение в Македонии, как и в ряде других соседних балканских областей, достигли такого уровня, который обеспечивал возможность более прогрессивного развития первоначальных форм капиталистического производства, возникших в зачаточном виде в первой половине XIX столетия¹⁴⁷. Развитие первичных форм капиталистической промышленности в виде простой капиталистической кооперации и рассеянной мануфактуры происходило прежде всего в текстильном, кожевенном и металлообрабатывающем производстве. Организатором новых форм производства выступала формирующаяся буржуазия - торговцы, ростовщики, откупщики налогов, зажиточные ремесленники, отдельные сельские богатеи¹⁴⁸. Начиная с середины XIX века торговый капитал все энергичнее проникал в сферу производства, не довольствуясь более ролью простого посредника в обмене. Ширилось подчинение ремесленников и отдельных товаропроизводителей торговому капиталу.

Мастерские с чертами простой капиталистической кооперации и мануфактуры отличались от мастерской ремесленника лишь большим количеством занятых работников, применением наемной рабочей силы, известным разделением труда. Сведения о мастерских нового типа в Македонии в третьей четверти XIX в., к сожалению, очень неполны и отрывочны. Известно, например, что к середине XIX в. только в Салониках имелось 20 мастерских по производству шелковой пряжи с элементами простой капиталисти-

ческой кооперации и мануфактуры. Кроме того, такие мастерские были в Негуше, Мелнике и других городах. С течением времени число мастерских уменьшилось за счет их укрупнения вследствие взаимной конкуренции¹⁴⁹. В 60-е годы более 12 довольно крупных мастерских по производству шелковой пряжи работали в Гевгели, Водене, Дойране и Мелнике¹⁵⁰. Австрийский путешественник И.Г.Хан описал в 1865 г. работу таких мастерских в Гевгели, бывшем, наряду с Воденом, крупнейшим центром шелкового производства в Македонии. Его данные недвусмысленно указывают, что эти мастерские, по своей внутренней организации, были мастерскими капиталистического типа. В них было занято значительное число рабочих, имелось определенное разделение труда, выпускаемая продукция достигала довольно большого объема. Только одна мастерская вырабатывала за год 1500 ок шелка-сырца. При этом Хан отмечал, что организация работ в мастерских Гевгели ничем не отличалась от других таких мастерских в стране¹⁵¹.

Процесс преобразования цеховых ремесленных мастерских в ремесленные мастерские капиталистического типа с отдельными очагами рассеянной мануфактуры происходил прежде всего в области производства шерстяных, хлопчатобумажных, льняных и шелковых тканей. С середины XIX в. в Македонии расширилось производство тканей из козьей шерсти (“мутави”) в связи с ростом спроса на них как тару для упаковки тюков с шерстью и хлопком. В более крупных мастерских этого профиля работало по 15 человек работников и более; производственный процесс распадался на несколько операций: сортировку козьей шерсти по цвету, затем ее мойку, расчесывание, намотку. Из такой подготовленной шерсти наемные рабочие (“ихчии”) пряли пряжу с помощью примитивных установок (“чаркови”). И уже затем на ткацких станках (“разбой”) самые квалифицированные мастера и работники изготавливали ткань¹⁵².

В 1870 г. один из богатых торговцев из Скопье Кочко Х.Бошков, долгие годы занимавшийся торговлей хлопчатобумажной пряжей, открыл ткацкую мастерскую для изготовления тонкого полотна с примесью шелка. Производственный процесс в ней делился на три фазы: подготовка пряжи, ее окраска, изготовление полотна. В мастерской имелось 45 веретен, 15 воротов (“чекреци”) и 15 ткацких станков. Рабочих было 20-23 чел. В год изготовлялось 2 900 - 3 000 аршин полотна (зимой работа прекращалась). Первоначально ткачи в мастерской получали недельную плату, а позднее им стали платить по количеству вытканного полотна¹⁵³.

Черты нового обнаруживаются и в мастерских по изготовлению гайтана - шерстяного и шелкового шнура для украшения одежды - предмета, пользовавшегося широким спросом в самой Македонии и других европейских владениях Османской империи. Мастерские по изготовлению гайтана имелись в

Велесе, Битоле и его окрестностях, в Скопье, Тетове и других районах Македонии. Интересны сведения о ремесленных мастерских капиталистического типа в Велесе. В третьей четверти XIX в. самой крупной была здесь мастерская, принадлежавшая тамошней торговой фирме Кушевых; мастерская работала до 1872 г. Фирма Кушевых поддерживала связи с Салониками, Сербией, Будапештом, Веной, Лейпцигом располагала для того времени значительными средствами. Помимо мастерской по изготовлению гайтана Кушевы имели еще и кожевенную мастерскую. В гайтанджийской мастерской по подготовке шерсти работало иногда по 20-30 женщин¹⁵⁴. В других последовательных производственных стадиях участвовали мужчины и женщины, среди которых особое место занимали профессионалы-специалисты. Кроме названной мастерской в Велесе имелось еще две: одна принадлежала переселенцу из Карлово (известного центра гайтанджизма в Болгарии) Генджо, другая - некоему О.Капчеву. Приводимая ниже схема дает представление о характере оснащения мастерских, количестве рабочих и выпускаемой продукции¹⁵⁵:

Мастерские	чвркови	калеми	число рабочих	Ежегодное производство в оках
Кушевых	40-60	428-624	25-30	18.000-27.000
Генджо	20-30	224-324	15-20	9.000-13.000
О.Капчева	5-8	60-102	6-8	2.250-3.600
Итого:	65-98	708-1050	46-58	24.250-44.100

Во всем текстильном производстве получило большое распространение превращение домашних промыслов и мелких ремесленных мастерских во внешние отделения крупных мастерских капиталистического типа, послужившее базой развития рассеянной мануфактуры. Много ткачей и ткачих в различных местах Македонии работали на дому по поручению и за счет капиталистических предпринимателей или торговцев, которые таким образом стремились увеличить количество производимого ими товара. Например, К. Х. Бошков раздавал сырье значительному количеству женщин для изготовления полотна на дому. Так же поступали собственники гайтанджийских мастерских в Велесе¹⁵⁶.

Выделка шелка и шаяка была очень распространена в селах, в окрестностях Салоник, Битоля, Сереса и Гевгели. Количество выпреденного шелка в Южной Македонии в 1852 г. достигало 50 000 кг, стоимостью свыше 3-х млн. франков, причем половина этой суммы падала на Серес¹⁵⁷.

Между раннекапиталистическими предприятиями по своей важности и роли особое место занимали дубильно-скорняжные мастерские. Этот вид ремесла был очень распространен в Македонии. Самыми важными центрами кожевенного производства были города Охрид, Костур, Лерин, Скопье, Битоль, Прилеп. Хан отмечал в 1865 г. цветущее состояние кожевенного производства в Охриде, его расширение со времени Крымской войны¹⁵⁸. В третьей четверти XIX в. в городе имелось 150 лавок-мастерских, в которых было занято 800 мужчин и столько же работавших на дому женщин, т.е. 1600 человек¹⁵⁹. Работники делились на следующие категории: мастера с дневной оплатой 15-20 гр., подмастерье - 2-10 гр. и ученики - 60 пари¹⁶⁰. Все они были, однако, наемными рабочими собственника мастерской, который не участвовал непосредственно в производственном процессе. Между крупными кожевниками Охрида выделялись богатые охридские торговцы кожей Поп Симовцы, Точковы, Митановы, Паунчевы, Огаяновы и другие¹⁶¹.

Крупные мастерские подчиняли себе не только многих надомников, но и мастерские мелких ремесленников. Д. Зографский считает, что в 70-80-е гг. XIX в. не менее 2500-3000 человек в Охриде было занято в кожевенном производстве¹⁶².

По организации производства от Охрида существенно не отличались другие дубильно-скорняжские центры, такие как Салоники, Костур, Лерин, Битоль и прочие¹⁶³. Дубленые кожи, изделия из них посылались в Константинополь, Адрианополь, Салоники, на весь Балканский полуостров и в Германию¹⁶⁴.

В области обработки сельскохозяйственных продуктов также происходили сдвиги. На началах простой капиталистической кооперации была организована обработка табака. В Прилепе, например, в 60-70-е гг. XIX в. имелось 40 мастерских по резке табака, которые с течением времени сконцентрировались в 5 больших мастерских по 15-20 рабочих каждая. Крупными производителями-собственниками в этой отрасли были ряд городских богачей¹⁶⁵.

Надо сказать, что общее число ремесленных мастерских капиталистического типа в Македонии было невелико, еще меньше было очагов рассеянной мануфактуры. Примеров централизованной мануфактуры мы в сущности не находим. В целом мануфактурное производство не получило ярко выраженного характера, ибо его зарождение происходило в период развитой машинной индустрии в Западной Европе, испытывало конкуренцию со стороны фабрик, возникавших в самой Македонии и параллельно со всем названным - отрицательное воздействие турецкой феодально-бюрократической системы. И тем не менее появление в отдельных случаях рассеянной мануфактуры, ремесленных мастерских капиталистического типа означало значительный шаг в развитии производительных сил, повлияло на территори-

альное разделение труда, способствовало превращению надомника и ремесленника в наемного рабочего, торгового капитала в промышленный, открывая тем самым эру нового способа производства.

В третьей четверти XIX в. параллельно с отмеченными изменениями в ремесленном производстве появляются и первые фабрики. В области пищевой промышленности, это были главным образом паровые мельницы. Первая такая мельница была открыта в 1857 г. в Салониках еврейскими коммерсантами братьями Алатини, опиравшимися на поддержку французского и итальянского капитала. Через 10 лет, в 1867 г., на этой мельнице, оснащенной французскими машинами, ежемесячно намалывалось 500-600 000 ок муки, из которых около половины потреблялось в самом Салоникском вилайете, а остаток вывозился за его пределы. Работало на мельнице 45-60 человек¹⁶⁶. В 1875 г. в Салониках было построено еще две мукомольные фабрики, принадлежавшие фирмам А.Р.Ломбардо, Абот и С°. Вся годовая продукция 3-х названных фабрик в середине 70-х гг. выражалась следующими цифрами:¹⁶⁷

Паровая мельница братьев Алатини	108000000-12352000 ок муки
Мукомольная фабрика Ломбардо	2250000-2850000 ок муки
Мукомольная фабрика Абот и С°	1080000-1425000 ок муки

Во второй половине 70-х гг. XIX в. в Салониках фирмой “Мизраки, Фернандес и С°” была построена первая спиртовая фабрика¹⁶⁸.

На базе мануфактурного производства в Южной Македонии (Салоникский вилайет) возникли первые текстильные фабрики. Та же торговобанкирская фирма братьев Алатини построила в 1866 г. хлопчатопрядильную фабрику в селе Капуджилари близ Салоник. Станки для фабрики были привезены из Марселя. Рабочих первоначально было 60 человек. Оплачивались они деньгами и натурой (5 пиастров в день при бесплатном ночлеге, отоплении и освещении). Через 10 лет число рабочих увеличилось почти до 400 (главным образом женщины и дети). До конца 1875 г. в Салониках было пущено еще две ткацкие фабрики, которые также принадлежали местным крупным еврейским торговцам и капиталистам¹⁶⁹.

В 1876 г. вступила в строй большая прядильная мастерская в Негуше. Она насчитывала около 1500 веретен, которые обслуживало 80 работниц. В 1879 г. фирма “Сияс и Нипоти” открыла в Салониках ткацкую фабрику на 12000 веретен. Ее продукция расходилась в пределах Турецкой империи¹⁷⁰.

В других районах Македонии в третьей четверти XIX в. фабричных предприятий не было. Одна швейцарская фирма начала в 1860 г. в Битоле

строительство двух фабрик - спиртовой и по очистке растительного масла - но скоро его прекратила из-за больших убытков¹⁷¹.

Таким образом, даже в третьей четверти XIX в. удельный вес промышленного капитализма в экономике Македонии был еще очень ограниченным, как в количественном отношении, так и по территориальному размещению. В масштабах всей области продолжало господствовать мелкотоварное ремесленное производство с отдельными очагами простой капиталистической кооперации, рассеянной мануфактуры и фабричной промышленности. Более заметное развитие промышленности наступает в Македонии лишь на рубеже XIX и XX столетий. Появляются новые фабрики в Салоникском вилайете, в промышленное строительство вовлекаются и другие части Македонии.

Но как ни мал был общий удельный вес мастерских капиталистического типа, рассеянной мануфактуры и фабричных предприятий в рассматриваемый период, тем не менее они оказали революционизирующее влияние на рост производительных сил, на процесс формирования новых отношений не только в городской экономике, но и в сельском хозяйстве. Открытие первых железных дорог в 1873-1874 гг. (Салоники-Скопье, Скопье-Митровица), потеря в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. боснийско-герцеговинского и болгарского рынков сбыта нанесли тяжелый удар ремеслу и зарождавшейся капиталистической промышленности. Многие города - Прилеп, Велес, Охрид и др. пришли в упадок; сохранили свое значение только такие центры как Салоники, Битоль, Скопье.

Поскольку капиталистические отношения в Македонии в 50-70-е гг. XIX в., как и в ряде других европейских владений Османской империи, находились в процессе формирования, они еще тесно переплетались с феодальными остатками, редко выступая в чистом виде. Возьмем хотя бы вопрос о рабочей силе. Из приведенного выше материала с полной очевидностью вытекает, что наемный труд широко применялся в мастерских капиталистического типа, оплачивался в зависимости от квалификации работника, хотя преобладала полунатуральная оплата труда, сохранялись остатки цеховой системы. Собственник мастерской, организатор рассеянной мануфактуры использовали утвердившуюся в прошлом систему подмастерьев и учеников, чтобы еще полнее эксплуатировать своих работников. Но эта система была не только остатком прошлого, она являлась необходимым спутником раннекапиталистического производства. При низком уровне производственной техники действительно существовала потребность в более продолжительном времени, необходимом рабочему для освоения производственных процессов¹⁷².

Фабричных рабочих, общее число которых в рассматриваемый период не превышало нескольких сотен человек, тоже далеко не всегда можно было назвать чистыми пролетариями в силу характера оплаты труда, сохраняя-

шихся связей с сельским хозяйством и прочее. В 50-70-е гг. XIX в. современный пролетариат в Македонии был только в зародыше. Самой многочисленной группой городского македонского населения оставались мелкие ремесленники и торговцы, из среды которых очень медленно выделялись разбогатевшие элементы, при этом значительно активнее происходило разорение ремесленников и торговцев.

Городская македонская буржуазия была малочисленна и экономически слаба. Ее промышленная деятельность не вышла за рамки ремесленно-мануфактурного производства. Все фабричные предприятия были основаны представителями еврейской и греческой буржуазии с помощью иностранного капитала. Формирование новых классов буржуазного общества среди болгар македонцев происходило медленно и в городе, что отрицательно отразилось на степени национальной и общественно-политической зрелости македонского болгарского населения.

Турецкое население в городах было представлено феодально-бюрократической верхушкой, ростовщиками, откупщиками налогов и пр. Бедные слои занимались рядом ремесел. Процесс социального расслоения затронул и господствующую народность, но этот вопрос еще очень мало изучен в литературе.

Несмотря на известные преимущества по сравнению с селом, город тем не менее тоже в достаточной степени ощущал отрицательное влияние политической власти турецкого феодально-бюрократического государства. Постоянный рост налогов, в том числе и на городское имущество, ложился тяжелым бременем на плечи горожан, особенно на малоимущих и неимущих. Напомним, что греческое духовенство взимало свою долю и с городского населения. Дело не ограничивалось одними налогами. Деньги вымогались у населения под самыми различными предлогами: на погорельцев Константинополя, строительство дорог, покупку ружей для жандармерии, в виде подарков для армии, различных займов и т.д.¹⁷³

Значительная часть из собранных денег разворовывалась представителями местной администрации. Чиновники всех рангов обогащались за счет населения - взятки, вымогательства, попустительство разбойникам и др.

Недостаток общественной безопасности ощущался и в городах. Даже в крупных центрах, где имелись иностранные консульства¹⁷⁴, христианское население не было полностью ограждено от насилия и враждебных выходов мусульман. Постоянный страх и напряжение периодически рождали панические слухи о готовящихся массовых поджогах, грабежах, общем избиении христиан¹⁷⁵. Особенно напряженной была обстановка в Охриде, Тетово, Дебаре, Прилепе, Ресене, Струге и других городах Западной Македонии.

Разгул мусульманского фанатизма и безнаказанность злодеяний над райей достигли своей кульминации во второй половине 70-х годов XIX в.

Поскольку носителями новых форм промышленного развития были представители буржуазии поработенных народов, турецкое государство, несмотря на некоторые попытки приспособиться к нуждам современного социально-экономического развития, в целом не оказывало, в отличие от примеров западноевропейской и русской истории, необходимой помощи рождавшемуся в его европейских провинциях, а соответственно и в Македонии, новому строю. Общее направление общественного развития в сторону становления буржуазных отношений и буржуазного общества, обусловленное закономерностью исторического процесса и влиянием западноевропейского капитализма, помимо отсутствия заинтересованности государства и большей части правящих слоев в капиталистическом развитии, тормозилось за счет сил и форм старого общества.

Проникновение капиталистических элементов в экономику Македонии не было равномерным процессом. Южные районы опередили в своем развитии западные и восточные части области. Именно на юге Македонии, как было показано выше, сконцентрировались первые фабричные предприятия. На наш взгляд, это не было случайностью: здесь в какой-то мере слабее были препоны, задерживавшие общее движение вперед. Большое значение Салоникского порта как крупного транзитного и посреднического центра в торговле Османской империи с Центральной и Западной Европой, давнее присутствие европейских консулов в Салониках, постоянное наличие там различных административных центров, вынуждали турецкие власти в какой-то мере заботиться об известном общественном порядке в городе и его окрестностях, об охране собственности. Турецкое бездорожье до постройки железной дороги компенсировалось морскими связями, которые особенно активизировались начиная с 40-х гг. XIX в. Все вместе взятое обеспечивало преимущественное положение Салоникского вилайета по сравнению с внутренними македонскими районами. Недаром с конца 60 - начала 70-х годов XIX в. Салоники стали центром внутренней миграции. Сюда из других районов переселялись многие разбогатевшие представители местного капитала.

По общему уровню развития городской экономики Македония существенно не отличалась от большинства своих соседей. Наблюдавшееся отставание в становлении капиталистических отношений не было слишком разительным. Более характерным было другое. Македонские города, особенно крупные, были, как правило, очень пестры в этническом отношении. В Македонии не было, как например, в Болгарии, компактных, чисто национальных центров типа прибалканских городов (Калофер, Копривштица и пр.), таких, как Сливен, Габрово и другие, дававших болгарской буржуазии более

широкие и благоприятные возможности для накопления крупных капиталов. Единственный сильный конкурент болгарской буржуазии на внутреннем рынке - греческая буржуазия - действительно реально присутствовал только в отдельных местах, а потому и был потеснен со своих позиций еще до Крымской войны. Поднимавшейся македонской буржуазии приходилось бороться с более многочисленными и давно окрепшими конкурентами из среды греков, валахов, евреев на всей македонской территории. Эта борьба в третьей четверти XIX в. принесла лишь частичный успех. Крупный капитал в Македонии за небольшими исключениями продолжал оставаться в руках представителей названных национальностей. Македонская болгарская буржуазия являлась в основном носителем мелкого торгово-ремесленного капитала.

* * *

Главным источником накопления капитала в европейской Турции начиная с XVIII в. была внутренняя и внешняя торговля. Македония, расположенная в центре Балканского полуострова, поддерживала торговые связи с Константинополем, Болгарией, Сербией, Боснией и Герцеговиной, Албанией, Эпиром и Фессалией. Она занимала также значительное место в товарообмене турецкого рынка с европейскими странами, так как была одним из крупнейших производителей хлопка, табака, шерсти, шелка, кож, южных фруктов и зерновых продуктов¹⁷⁶.

Углубление общественного разделения труда и социального расслоения, рост товарности городского и сельского хозяйства на территории Македонии во второй половине XIX в. вели к усилению внутренней торговли и обмена. Внутренняя торговля в значительной мере осуществлялась через городские и сельские лавки-дюкяни, бывшие одновременно ремесленными мастерскими, число которых в некоторых македонских городах исчислялось сотнями. Большую роль играли местные рынки, особенно воскресные, собиравшие большое число продавцов и покупателей. В отдельных городах происходили специализированные воскресные базары - по продаже табака, хлопка, кож, скота и пр. В известных торговых центрах, таких как Битоль, Прилеп, Велес, Салоники, Серес, Штип и др. имелись специально отведенные места для торговли: чаршии и безистени - хорошо и солидно построенные торговые ряды, где складировалось большое количество самых разнообразных товаров¹⁷⁷. Широко практиковалась торговля в разнос.

Торговля шла на деньги, но, из-за недостатка оборотных средств, многие владельцы лавок не только сами приобретали товары в кредит, но и отпускали в долг своим клиентам - горожанам и крестьянам¹⁷⁸.

Важнейшим торговым и транзитным центром всей Македонии были Салоники, второй по значению после Константинополя порт в европейской Турции¹⁷⁹. Его роль особенно возросла со второй половины XIX в. Для северо-западной Македонии (Кичево, Дебар, Охрид, Лерин, Прилеп) главным центром обмена был Битоля¹⁸⁰. В северной Македонии большую роль играл Скопье, с проведением железной дороги (1873 г.) ставший центром обмена Албании, Македонии, Сербии и Болгарии¹⁸¹. Большое торговое значение имел Велес, расположенный на р. Вардар. Со времени Крымской войны город стал важным внутренним портом. Помимо окрестностей Велеса сюда свозились предназначенные для экспорта товары из Скопье, Куманово, Врани, Прилепа, Штипа и Тиквеша, а затем сплавлялись вниз до Салоникского залива. Через Велес осуществлялся также обмен северо-восточных районов Албании и северо-западной Македонии с южной Македонией и Фессалией¹⁸². Как торговые пункты общевосточное значение имели Прилеп, Серес, Неврокоп. В рассматриваемый период во внутреннем обмене значительно возросла роль г. Штипа. Города более локального значения служили торговыми центрами для окружающей местности.

Большую роль в развитии внутренней торговли продолжали играть ежегодные ярмарки. На первое место среди них в третьей четверти XIX в. выдвинулась ярмарка в Прилепе. Она получила общевосточное значение, играя для юго-западной части европейской Турции ту же роль, какую в первой половине XIX в. играли для восточной части европейской Турции ярмарки в Сересе, Узунджево и Неврокопе. Сюда съезжались торговцы из Битоля, Салоник, Константинополя, Костура, Велеса, Сереса, Брусы, а также из Албании, Боснии, Фессалии, Болгарии¹⁸³. Наряду с товарами местного балканского производства на ярмарках продавались товары из Англии, Австрии, Франции, Швейцарии и других стран.

Из местных товаров преобладали табак и зерновой хлеб, заключалось много сделок по продаже мелкого скота¹⁸⁴. Разнообразны были изделия ремесленно-мануфактурного производства - шерстяные, хлопчатобумажные, шелковые ткани, гайтан, кожи, различная пряжа, одежда, чулки, ковры, предметы домашнего обихода и пр. Между прочим, всегда продавались книги. Западноевропейские страны ввозили промышленные и колониальные товары. Общий оборот на ярмарке достигал значительных сумм. Так, в 1861 г. на ярмарке было продано товаров на 18 млн. гр., большая часть из них была отдана перекупщикам со сроком платежа от 4-х до 6-ти месяцев¹⁸⁵. Кредит особенно широко практиковался при продаже иностранных товаров, которые, прежде чем дойти до потребителя, проходили через несколько посредников. Крупные купцы обычно отдавали привезенный ими товар тор-

говцам небольших городов под расписку и содержали специальных раскательных для сбора денег от таких должников.

Хотя ярмарка посещалась торговцами всего Балканского полуострова, но наибольшее значение она представляла для соседних областей Боснии, Албании и особенно Македонии. Например, в 1861 г. наиболее крупные сделки на ярмарке были заключены торговцами из Скопье, Штипа и Призрена¹⁸⁶. К середине 70-х годов XIX в. торговое значение Прилепской ярмарки сузилось. Так, по данным русского консульства от 1875 г. большая часть иностранных товаров (около 3/4), проданных на ярмарке, была раскуплена представителями Битольского, Касторийского и Охридского санджаков, а остальные сбыты в Скопский, Скутарийский и Фессалийский санджикаки.

Количество иностранной продукции, поступавшей на ярмарку, росло из года в год, что было отражением углубившихся после Крымской войны торговых связей Турции с европейскими государствами. Соответственно с этим увеличивалась диспропорция между количеством иностранных и местных товаров, продаваемых на турецком рынке, в том числе, и в Македонии. Так, в 1875 г. на Прилепской ярмарке было продано товаров на 251.000 тур лир или на 2.513.000 австрийских гульденов. При этом стоимость местной продукции выразилась в сумме 80.830 тур. лир, т.е. составила только одну треть всего торгового оборота¹⁸⁷. Поскольку большая часть иностранных товаров, поступавших в область, продавалась на ярмарках, то приведенные цифры дают общее представление о степени дефицита, которого достиг внешнеторговый баланс на внутреннем рынке в Македонии к середине 70-х годов XIX в.

Под влиянием ряда причин торговый оборот на Прилепской ярмарке постоянно сокращался, а к концу 70-х годов ярмарка и совсем перестала функционировать.

До середины XIX в. ярмарка в Сересе была крупнейшей в Македонии и второй в европейской Турции после Узунджевской ярмарки. Сюда приезжали торговцы не только из Албании, Македонии, Фракии, Болгарии, но и из Сербии, Австрии, Франции и Англии¹⁸⁸. Иностранные товары доставлялись через Салоники, а по суше - через Софию и Ниш. Но с начала 50-х годов Сересская ярмарка постепенно утрачивает прежнее значение. Этому способствовали трудности с транспортом, вызванные Крымской войной, резкое снижение спроса на македонский хлопок на международном рынке, конкуренция Салоник, Прилепа и многое другое. В первой половине 60-х годов, вследствие вновь появившегося в Европе спроса на македонский хлопок в период гражданской войны в Америке 1861-1863 гг. происходит короткое оживление ярмарки, которое спадает уже к 1867 г. В 1869 г. торговый оборот на ярмарке вновь достигает внушительной цифры, около 5,5 млн. фран-

ков от продажи иностранных и турецких товаров. Но это была последняя вспышка. С начала 70-х годов Сересская ярмарка практически теряет общеполубалканское значение. И хотя здесь еще встречаются торговцы из Янины, Призрена, Приштины, Скопье, Велеса, Штипа и других мест, торговое значение ярмарки ограничивается узким ареалом, охватывающим Дойран, Струмницу, Радовиш, Петрич, Дупницу, Кюстендл, Мелник, Неврокоп, Драмму, Правишту и Кавалу¹⁸⁹.

В хорошие годы на Сересской ярмарке помимо хлопка, табака и кож продавалось значительное количество гайтана, шерстяных и хлопчатобумажных тканей, меда, воска, изделий из железа и других товаров из Македонии и со всего Балканского полуострова. Иностранные товары ввозились из Швейцарии, Германии, Австрии, Англии, Франции и Бельгии. Товары, продававшиеся на Сересской ярмарке, часто не оплачивались наличными деньгами, а отдавались с условием оплаты в срок от 3-х до 6-ти месяцев¹⁹⁰.

До середины XIX в. на одном из первых мест была ярмарка в Неврокопе. Но после Крымской войны значение ее также падает. Немалую роль в этом, помимо других факторов, сыграла переориентация торговли к Салоникам, конкуренция Прилепской ярмарки. Например, если на ярмарку в Неврокопе в 1868 г. было привезено австрийских товаров на сумму в 200 000 флоринов, то на Прилепскую ярмарку - на 1.000.000 флоринов¹⁹¹. Перестали приезжать в Неврокоп албанские торговцы, отдавая предпочтение Прилепу.

Состав товаров балканского производства немногим отличался от товаров, привозимых на Сересскую ярмарку. Из чисто местных товаров на Неврокопской ярмарке особенно много продавалось различных колокольчиков для скота, изготавливаемых в Неврокопе и Мрвашко. Сюда привозились также полотна из Сереса, шаяк из Фракии, табак из района Драммы, живой скот из Разлога, Пирина, Доспата, гайтан и другие изделия¹⁹².

Помимо названных крупных ярмарок в Македонии в 50-70-е годы XIX в. действовало значительное количество ярмарок локального значения. Отдельные из них функционировали до конца турецкого господства. Эти ярмарки были центром местного обмена и удовлетворения нужд села в необходимых инструментах и других городских товарах.

На ряде ярмарок в Сересском и Битольском санджаках продавалось много скота. К ним относились в частности традиционные весенние ярмарки в городах Флорина, Велес и в деревне Визарци. В 1874 г. на двух последних ярмарках было продано скота на сумму в 3.015.644 пиастров. Лишь частично скот был пригнан из некоторых районов Призренского вилайета и города Плевны. Большая часть товара принадлежала районам Салоникского вилайета: велесскому, прилепскому, струмицкому, воденскому и другим. Из них велесский дал наибольшее количество скота: мелкого на 1.199.387 пиастров

и крупного скота на 203.294 пиастров, т.е. на общую сумму 1.405.681 пиастров, составившую почти половину капитала, вырученного на обеих ярмарках¹⁹³.

Ярмарочная торговля, в ряде случаев перешагнувшая провинциальные ярмарки, в 50-70 годы XIX в. в целом оказала большое влияние на расширение обмена, способствовала утверждению и более широкому воздействию торгового капитала на экономическую жизнь Македонии. Развитие морских сообщений, появление железных дорог, рост ввоза иностранных товаров, проникновение капиталистических элементов и отношений в важнейшие отрасли экономики Македонии, ухудшение внутривосточной ситуации на Балканах подтачивали основу ярмарочной торговли. Последняя постепенно вытеснялась как устаревший институт и наследие феодальной эпохи. Ежегодные ярмарки и караванная торговля в целом к середине 70-х годов XIX в. утратили прежнее экономическое значение. На упадок ярмарочной торговли оказал влияние также затяжной экономический кризис 1873 г.

Внутренняя торговля Македонии в рассматриваемый период приобрела большую широту. На внутреннем рынке обращалось много товаров самого различного происхождения, в торговый обмен втягивались отдельные районы. Рыночные отношения, отношения купли-продажи стали повседневным и общим явлением, их социальные рамки раздвинулись.

Внутренняя торговля Македонии развивалась в тесной связи с развитием товарообмена и внутреннего производства соседних балканских областей. Однако при этом значение одних и тех же связей не было одинаковым для различных частей Македонии. Если для восточной Македонии (долины Месты и Струмы) торговые связи с Болгарией выступали на первый план, то для Вардарской долины и других македонских районов они имели подчиненное значение. Для северо-западной, западной и юго-западной Македонии важнее были экономические связи с Албанией, Сербией, Боснией, для юга области - обмен с Эпиром и Фессалией. Поэтому на развитии экономики Македонии после русско-турецкой войны 1877-78 годов в равной мере отрицательно сказалось, например, потеря как болгарского, так и боснийско-герцеговинского рынков сбыта, т.е. общее сужение обширного прежде рынка Османской империи.

Отметим попутно, что для македонских земель не имели такого значения связи с Румынией, как это имело место в отношении Болгарии. Свидетельством этого был относительно небольшой процент македонских переселенцев в румынских городах, тогда как болгарская эмиграция была там многочисленной, а ее торговая часть сильной и зажиточной¹⁹⁴.

В Константинополе, куда из Македонии в большом количестве вывозились шерсть, масло, сыр, табак и рогатый скот, поселялось много македон-

ских выходцев, но это были в основном мелкие торговцы, в то время как северную и южную Болгарию представлял слой крупной буржуазии¹⁹⁵.

Таким образом, Македония, будучи как Болгария и Фракия, составной частью общетурецкого рынка, в известной мере отличалась от последних характером своих балканских связей, имела свою специфику торгового развития.

Нам представляется, что Македония не была столь активно втянута в орбиту складывавшегося болгарского национального рынка, как это утверждается в современной болгарской историографии¹⁹⁶. Поставить об этом вопрос, позволяют, на наш взгляд, следующие факты. Известно, что Македония, Болгария и Фракия не представляли собой единого географического целого. Естественную преграду между ними составляют высокие горные хребты - Рила, Родопы, Осогово, - помешавшие более тесному сплочению Македонии с болгарскими землями¹⁹⁷. Не было достигнуто и экономического слияния. Еще с начала XVIII в., с развитием европейской торговли в Турции, основной поток товаров в северной и южной Болгарии направляется к дунайским и черноморским портам. Салоники утрачивают торговое значение для значительной части приморской и восточной Фракии. Македония как бы отрезывается от общего блока Османской империи. В центральной части Балканского полуострова четко очерчиваются три торговые области: Македония, Северная Болгария и Фракия¹⁹⁸. Как подчеркивал Ю.Юрданов, это расчленение произошло не искусственным путем, оно обрисовалось из самого географического положения названных земель, но этому более всего способствовала турецкая политика в области средств сообщения. Турецкое государство держало в большом запущении торговые и транспортные пути, как бы опасаясь тесно связывать свои провинции между собой. Интересно, что наличие указанных 3-х торговых областей отлично представляли и иностранцы, торговавшие с Турцией¹⁹⁹. Турецкое правительство только к 60-м годам XIX в. делает попытку как-то улучшить сухопутные коммуникации в Европейской Турции, начав поправку и строительство колесных дорог. Из-за недостатка колесных дорог товары по суше перевозились преимущественно на вьючных лошадях, мулах, ослах и верблюдах. Но и караванные дороги были в очень плохом состоянии. Железные дороги в этой части Османской империи строятся только в конце 60-х - начале 70-х годов XIX в. Естественно, что при таком состоянии средств сообщения не могло произойти серьезного сдвига в смысле преодоления определившегося ранее торгового обособления македонской территории, тем более, что развитие с 40-х годов XIX в. регулярного пароходного движения по Дунаю, Средиземному и Черному морям еще более повысило роль дунайской и черноморской торговли, привело к дальнейшему увеличению значения Салоник для западной части Балканского полуострова и особенно для Македонии.

В условиях турецкой действительности при установившемся направлении основных грузопотоков, существовавшем уровне развития производительных сил и транспорта, Македония не могла быть активно втянута в процесс экономического сплочения болгарских земель. При анализе внутренней торговли Македонии в третьей четверти XIX в. на первый план вполне явственно выступают торговые контакты между ее различными районами, хотя и они замедляются из-за недостатка хороших дорог, которые связали бы внутренние районы с морскими портами и производственные центры с крупными потребителями - городами с большим населением. Большой поток транзитных товаров через македонскую территорию, разнообразие связей внутри общетурецкого рынка также задержали укрепление внутренних связей. Полный ответ на этот вопрос может дать только детальный сравнительный анализ всего комплекса торговых связей Македонии, Болгарии и Фракии на Балканах, объективная оценка их роли и удельного веса в общем товарообороте болгарских, фракийских и македонских земель.

Развитию внутренней торговли Македонии много способствовал рост внешней торговли. Иностранные товары, ввозившиеся из-за границы, частично непосредственно привозились на ярмарки, но в основной своей массе доставлялись первоначально в морские порты, прежде всего в Салоники, Кавалу, Драч. Перевалочными базами на Дунае долгое время служили Белград и Видин, но со второй половины XIX в. значение их как посредников между центральной Европой и Македонией постепенно падает, т.к. Австрия начинает больше направлять свои товары через Триест.

В торговле с Турцией первое место по ввозу и вывозу занимали Англия и Франция, затем шли Австрия и Германия. Постоянные контакты поддерживались с Италией, Бельгией, Голландией, Швецией, Россией²⁰⁰. Для македонской торговой буржуазии на первый план выступали контакты с Австрией и немецкими землями, товары из которых в значительной мере доставлялись в Македонию по старым караванным дорогам. Импорт из других стран, в первую очередь из Франции и Англии, шел преимущественно через Салоники, где всю внешнюю торговлю держала в руках еврейская и греческая буржуазия. Вена, Пешт и Лейпциг издавна были главными центрами, где проводили свои внешнеторговые операции славяне Македонии. Заметим попутно, что торговые отношения с Россией были незначительны. Македонские славяне не играли заметной роли в болгарских колониях в Бессарабии, Одессе.

Товары, предназначенные на экспорт, свозились в основной своей массе в Салоники. Со времени Крымской войны весь вывоз из Македонии "нацеливается" к морю, к Салоникам. В вывозе преобладали: зерно, хлопок, табак, шерсть, кожи, воск и др. продукты сельского хозяйства и скотоводства. Растет значение Салоник и как транзитного центра. Так, в 1857 г. общая стои-

мость ввоза-вывоза составила 51 млн. франков. В 1866 г. она увеличилась до 52.650.570 франков, а в 1867 г. достигла 65.941.309 франков²⁰¹.

Из этого общего потока очень трудно выделить продукцию македонских земель, ибо, как правило, повсюду даются лишь общие цифры. Мы сможем привести только отрывочные данные, почерпнутые из консульских донесений. Из Велеса, который со времени Крымской войны был центром сбыта зернового хлеба для большинства районов Македонии, ежегодно сплавлялось в Салоники значительное количество зерна. В 1853-56 гг. из Велеса ежегодно вывозилось до 150 тыс. кило²⁰², после окончания войны около 100 тыс. кило²⁰³. Из Битоли в 60-е годы ежегодно вывозилось от 10 тыс. до 25 тыс. кило. Южные районы не вывозили хлеба за границу, а сбывали его в Эпир²⁰⁴.

Второе место (после зерновых) в экспортных товарах Битольского, Касторийского и Охридского санджаков занимали кожи²⁰⁵.

В районах Велесском, Скопском, Тиквешском и Штипском производилось до 50 тыс. ок шелковичных коконов и продукция отправлялась в Италию²⁰⁶.

Надо сказать, что ввоз иностранных товаров, несмотря на ряд отрицательных моментов, способствовал расширению и укреплению внутреннего рынка, накоплению капиталов и вообще дальнейшему более полному распаду турецкой феодальной системы.

В большинстве македонских городов, как это было и в других частях европейской Турции в рассматриваемый период, торговцы составляли в результате развития внутренней и внешней торговли, значительную и притом самую богатую часть населения. В торговой среде Македонии сильные позиции продолжали сохранять евреи, греки, валахи. Еврейские и греческие фирмы полностью контролировали внешнюю торговлю Салоник. Греки доминировали в Сересе, Кожани и в ряде других городов юга и юго-запада области, где преобладал греческий этнический элемент. Сильные группы валашских и греческих торговцев были в Битоле, Охриде, Прилепе, в последнем заметную роль играли и албанцы.

При всем этом в третьей четверти XIX в. позиции славянской торговой буржуазии уже значительно укрепились. Она прочно утвердилась на внутреннем рынке за исключением названных выше отдельных районов и городов, где борьба за влияние продолжалась. Заметнее стала роль македонских болгарских торговцев в области внешней торговли. Еще в первой половине XIX в. отдельные богатые купцы из Банско, Разлога, Битоля, Охрида, Велеса, Прилепа, Штипа открыли свои фирмы за границей. В 50-70-е годы XIX в. среди них особенно выделялся торговый дом Робевых, проводящий крупные операции на внешнем и внутреннем рынке. Его деятельность отличалась широтой европейских и межбалканских связей.

Венское отделение фирмы Робевых имело постоянные контакты с Будапештом, Саксонией, Силезией, Боснией, Моравией, Берлином, Лондоном, Марселем, Лионом и многими другими пунктами. Деятельность Венского отделения была тесно связана с деятельностью фирмы в Битоле. Через нее товары, закупленные за границей, расходились по всему Балканскому полуострову. Через Битоль производились закупки местных товаров для Венского отделения²⁰⁷.

Благодаря значительным капиталам и обширным связям Робевы сплотили вокруг себя значительную часть славянской торговой буржуазии Македонии. Они были в деловых связях с македонскими торговцами Битоля, Охрида, Прилепа, Ресена, Велеса, Водена, Лерина, Крушева, Салоник, с греческими и еврейскими фирмами последнего. Робевы торговали также с торговцами Лома, Свиштова, Русе, Пловдива и других болгарских городов, участвовали в Узунджевской ярмарке. Были связаны они и с Константинополем. Имели своих уполномоченных в Валахии, Банате, Албании, Боснии, Триесте²⁰⁸. Но при всей широте торговых связей фирмы, основным регионом ее деятельности была Македония. К. Косев называет фирму Робевых «импортно-экспортным центром македонской области»²⁰⁹. Деятельность Робевых достигла кульминационной точки в 70-е годы. После русско-турецкой войны начался упадок фирмы.

Робевы принадлежали к самой богатой верхушке македонской болгарской буржуазии. Кроме них имелся еще ряд состоятельных торговцев (Кецкаровы, Паунчевы, Илиевы, Шулевы и др.), но в целом среди македонской болгарской буржуазии преобладали мелкие торговцы. Концентрация денежных средств происходила медленно и не достигала высокой степени развития. Крупные капиталы концентрировались преимущественно в руках представителей греческой, еврейской, а также валашской буржуазии.

Немногочисленные представители богатой македонской болгарской буржуазии, обладая значительными средствами, боялись вкладывать их в промышленное производство. Они занимались ростовщичеством, покупали недвижимое имущество, крупные чифлики. Некоторые (Робевы) имели акции в европейских банках²¹⁰.

Первопричиной такого положения была отсталость Турции, а главное, отсутствие правового порядка. Многие торговцы главным образом греки и евреи, принимали иностранное подданство (австрийское, греческое, итальянское, русское и др.), чтобы как-то обеспечить себе правовую защиту. Правда, турецкое правительство часто отказывалось признавать особые права таких «иностранцев», особенно принявших греческое подданство. Представители македонской болгарской буржуазии редко меняли подданство, предпочитая охранительную силу султанских бератов (та же картина

наблюдались и в Болгарии)²¹¹. Благодаря этому только торговцы Македонии и Болгарии решительно выступали против режима капитуляций, открыто выражая свое недовольство и требуя их отмены²¹².

Развитию торговли препятствовали также огромные налоги, скверные пути сообщения, хаотичное состояние турецких финансов, гнилость турецкой администрации и внутренние пошлины, которые полностью были отменены только в начале 1874 г. Много хлопот причиняли торговцам разбойничьи шайки, грабившие на дорогах. От этих нападений более всего страдали мелкие и средние торговцы.

Состоятельная македонская болгарская буржуазия, малочисленная, тесно связанная с турецкой феодально-бюрократической системой, не ставила перед собой особых политических задач. Единственно мыслимым путем улучшения существовавшей действительности был для нее путь реформ "сверху". В третьей четверти XIX в., как и на предыдущем этапе, главным ее врагом оставались внутренние торговые конкуренты, в первую очередь греческая и валашская буржуазия, старавшиеся к тому же с помощью греческих школ и греческого духовенства задушить культурное развитие славянского населения Македонии. Поэтому усилия состоятельных кругов македонской болгарской буржуазии были направлены главным образом на борьбу за культурно-просветительное и церковное отделение от греков. Но, хотя в силу своего общественного и экономического положения они на первых порах оказались у руководства церковно-школьной борьбой, их интересы были в первую очередь направлены "на увеличение капиталов и обеспечение собственной личности.

Мелкая торгово-ремесленная буржуазия, резко испытывая на себе давление прогнившей феодально-бюрократической государственной системы и отрицательные последствия греческой церковно-культурной гегемонии, была более непосредственно заинтересована в устранении турецкого господства, освобождении от всех видов феодального угнетения, а также в уничтожении главенства греческой буржуазии и греческого духовенства. Уступая в первой половине XIX в. по силе общественного влияния торгово-ростовщической верхушке, эти круги с середины XIX в. начали бороться с ней за руководство в церковно-школьных общинах, за преодоление пассивности и соглашательства. Они выступили как активная сила последовательного движения за равноправие родного языка, введение на нем светского образования, обеспечивающего практические интересы растущей местной буржуазии, за утверждение независимой от греческого патриарха церкви. Однако ввиду экономической слабости и разобщенности уровень ее политического сознания был низким.

Подводя итог всему выше изложенному, мы можем, на наш взгляд, с полным основанием сказать, что к моменту русско-турецкой войны 1877-

1878 г. Македония представляла собой известный географическо-экономический комплекс с определенным своеобразием внутреннего развития, которое после Берлинского конгресса под влиянием новых политических и экономических факторов еще более усугубилось.

Примечания

- ¹ Например, земельное законодательство и другие акты в Боснии и Герцеговине, Дунайском вилайете, битольских и солунских селах и т.д. *Милетич Л.* Един документ от първото време на танзимата. Сб. НУНК. Кн. 15. София, 1898, и др.
- ² См. *Жинзифов Р.* Из заметок путешественника по Македонии в 1866 г. // Сборник "Родное племе". М. 1868; Блэнт. Народы Турции. Двадцать лет пребывания среди болгар, греков, турок, албанцев и армян дочери и жены консула. Т. I. СПб., 1874. *Теплов В.* Материалы по статистике Болгарии, Фракии и Македонии. СПб., 1877. *Разбойников А.* Чифлигарството в Македония и Одринско. Солун, 1913. *Аскалева В.* Към историята на трговските връзки на Македония със средна Европа през XIX в. Известия на Института за история. Т. II. София, 1962. *Христов Хр.* Аграрните отношения в Македония през XIX в. и началото на XX в. София, 1964 и др.
- ³ *Бендерев.* Военная география и статистика Македонии. СПб., 1890.
- ⁴ Заметим, что даже в конце XIX в. положение в этом плане не изменилось. Так в Кукуше, одном из городов южной Македонии, в 80-9-е годы в летнее время была характерна такая картина: большинство лавок и мастерских закрывалось, улицы и мелкие кафе пустели; только поля вокруг с маком и табаком, кунжутом и зерновыми культурами оживлялись (Гоце Делчев. Писма и други материали. Издирил и подготовил за печат Дино Кюсев. София, 1967. С. 14). Подобные данные о других городах Македонии приводит в своих работах В.Кънчев ("Град Скопие" и др.).
- ⁵ *Баркан О.Л.* Чифтлук. Годишњак историјског друштва Б. и Х. Сарајево, 1950.
- ⁶ *Христов Х.* Някои проблеми на перехода от феодализма към капитализма в история на България. // Исторически преглед. 1961. № 3.
- ⁷ *Теплов В.* Материалы для статистики Болгарии, Фракии и Македонии. СПб., 1877. *Катарциев И.* Серската област (1780-1879). Економски, политички и културен преглед. Скопје, 1961.
- ⁸ *Кънчев В.* Македония. Етнография и статистика. София, 1900, стр. 19.
- ⁹ *Христов Х.* Аграрният въпрос и ролята на селяните в българската национална революция. Сборник "Априлското въстание", София, 1966.
- ¹⁰ *Христов Х.* Аграрните отношения в Македония пред XIX в. и началото на XX в. София, 1964.
- ¹¹ *Поп-Георгиев Д.* Сопственоста врз чифлиците и чифлигарските аграрноправни односи во Македонија. Скопје, 1956 С. 63, 82.
- ¹² Блэнт. Указ. соч. С. 135.
- ¹³ *Бојановски Д.* Чифличките односи во Македонија околу 1903 година // Годишник на правно-економскиот факултет во Скопје 1954. Скопје, 1954. С. 473. *Поп-Георгиев Д.* Указ. соч. С. 118.
- ¹⁴ *Поп-Георгиев Д.* Указ. соч.

- ¹⁵ Христов Х. Аграрните отношения в Македония...
- ¹⁶ Гандев Х. Зарождение на капиталистичките отношения София, 1956. Однако, чифлики в Болгарии, в частности в Видинском округе, он относит к капиталистическим хозяйствам.
- ¹⁷ Катарчиев И. Серската област (1780-1879). Економски, политички и културен преглед. Скопје, 1961.
- ¹⁸ Зографски Д. Развитокот на капиталистичките елементи во Македонија за време на турско владеење. Скопје, 1967.
- ¹⁹ Бојановски Д. Указ. соч. С. 468.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Радовановић В.С. Тиквеш и Рајец. Српски етнографски сборник. Књ. 29. Београд, 1924, Д. Зографски, ссылаясь на А. Разбойникова (Чифлигарство в Македония и Одринско, Солун, 1913) считает, что испольщики отдавали помещику половину всей полученной продукции (Зографски Д. Развитокот на капиталистичките елементи..., с. 86).
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Христов Х. Аграрните отношения... Зографски Д. Указ. соч.
- ²⁶ Радовановић. Указ. соч.
- ²⁷ Сарафов М. - Иречек К. Рапорт на комисията, испартена в Кюстедилски округ да изучи положението на безземелните селяни// Държавен вестник. София, 1880 г. 17 дек. Исползую по книге Д.Зографского "Развитокот на капиталистичките елементи..." с. 89.
- ²⁸ Зографски Д. Указ. соч.; Христов Х. Указ. соч.; Радовановић В. Указ. соч.
- ²⁹ Христов Х. Указ. соч. С. 95.
- ³⁰ Зографски Д. Указ. соч. С. 91.
- ³¹ Христов Х. Указ. соч. С. 95.
- ³² В Румелии, по ее словам, молотилки имели "некоторый успех". Блэнт. Указ. соч. С. 141.
- ³³ Блэнт. Указ. соч. С. 141-142.
- ³⁴ Например, турецкие беи г. Водено даже в 1871 г. заставляли крестьян близких окрестных селений почти бесплатно работать летом на своих чифликах, давая им только хлеб. (АВПРИ. Ф. ГА. VA₂. Д. 701. Л. 21 об.)
- ³⁵ Милкова Ф.Г. Към въпроса за развитието на наследствените права върху мирийските земли през периода 1839-1877.// "Исторически преглед", 1961, № 3.
- ³⁶ "Извори за българската история". Т. IV.; Турски извори за българската история. Т. I. С. 113-117.
- ³⁷ Там же. С. 125-128.
- ³⁸ АВПРИ. Ф. Пос-во в Константинополе. Д. 2265. Л. 19-22.
- ³⁹ Об этом, на основании жалоб крестьян района Салоник, писал в ноябре - декабре 1866 г. в своих донесениях в Константинополь русский консул А.Е. Лаговский. См. АВПРИ. Ф. Пос-во в Константинополе. Д. 2264. Л. 58-59, 215-215 об.
- ⁴⁰ Христов Х. Аграрните отношения... С. 105.
- ⁴¹ Еничерев Н.Г. Спомени и бележки. Сб. НУНК. Т. 20. София, 1904. С. 47.
- ⁴² Макензијева Г.М. и Ирбијева А.П. Путовање по словенским земљама Турске у Европи. У Београду 1868, с. 87.
- ⁴³ Блэнт. Указ. соч. С. 126.
- ⁴⁴ Там же. С. 124.
- ⁴⁵ Блэнт. Указ. соч. С. 124-125.

- ⁴⁶ Там же. С. 125–126.
- ⁴⁷ Христов Х. Указ. соч. С. 104-105.
- ⁴⁸ “Македония”, 1869, 26 июля.
- ⁴⁹ *Блэнт*. Указ. соч. С. 125–126.
- ⁵⁰ АВПРИ. Ф. ГА. IV-2. 1860-1871. Ф. 11. Л. 144 об.-145.
- ⁵¹ Нам известно, в частности, о такой продаже казенных земель в Салоникском вилайете в 1869 г. и в Битольском в 1874 г., последняя была более крупной. Тогда турецкое правительство распорядилось продать в вилайете все имения, конфискованные или отошедшие в казну вследствие прекращения рода владельцев. АВПРИ.Ф. ГА. IV-2, 1860-1870. Д. 11. Л. 404 об.; Д. 1428. Л. 96-96 об.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Говорить об этом позволяют следующие факты: упомянутые выше чифлики были проданы за 30200 лир (хотя их стоимость по мнению местных торговцев была не менее 39300 лир) с правом уплаты в течение года (АВПРИ.Ф. ГА. IV-2, 1860-1870. Д. 1428). По данным русского консульства в Битоле, Ильянс-ага, который в 1874 г. “скупил чифлики и десятину”, оставался должным за это турецкому правительству в 1875 г. не менее 65000 лир (Там же Д. 143. Л. 4).
- ⁵⁴ Отсюда, между прочим, и произошло название этой категории чифлигар (момк - парень, молодой человек).
- ⁵⁵ АВПРИ. Ф. ГА. I-9, 1815-1873. Д. 1. Л. 717.
- ⁵⁶ *Блэнт*. Указ. соч. С. 135. В Болгарии, в противоположность Македонии, после ликвидации спахийства большинство крестьян сохранило за собой мирийские земли. От Димитров. Към въпроса за отменяването на спахийската система в нашите земи. // “Исторически преглед”, 1956, № 6.
- ⁵⁷ Овсяный Н.Р. Сборник материалов по гражданскому управлению... Вып. V. СПб., 1906. С. 60. Даже в начале XX в. чифликчийский вопрос оставался очень острым в Македонии. В мемуаре ВМРО, например, отмечалось, что исполничарство - одна из главных причин тяжелого экономического положения христианского населения - Македония и Одринско (1893-1903). Мемоар на Вътрешната организация, 1904, стр. 31. Полковник Леон Ламуш, находившийся в Македонии с 1904 по 1909 годы в качестве члена французской секции Международной военной миссии в Салониках, писал, что “македонцы были исключительно испольщики, работавшие в больших имениях (чифлики) турецких беев”. *Ламуш Л.* Македония през турско владичество. “Македонски преглед”, София, 1925. Кн. 5-6. С. 49.
- ⁵⁸ Христов Х. Аграрният въпрос о ролята на селяните. София, 1966, с. 22.
- ⁵⁹ Надо сказать, что в более ранней работе - Аграрните отношения. (1964), Христов высказывал несколько иные взгляды, признавая большой удельный вес и значение чифликчийства для Македонии...
- ⁶⁰ Христов Х. Аграрните отношения....
- ⁶¹ АВПРИ Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1428. Л. 24-25.
- ⁶² АВПРИ Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1428 Л. 124-127.
- ⁶³ *Еничерев Н.Г.* Спомени и бележки. Сб. НУНК. Т. 20. София, 1904. С. 208.
- ⁶⁴ Ока = 1282 г.
- ⁶⁵ Спомени на Арсени Костенцев // Сб. БАН. Кн. VI. Клон ист-филолог и философск.-обществ. София, 1916, с. 7.
- ⁶⁶ Матковски А.. Гурчин Кокалески. 1775-1863 (прилог кон прашането за создаване на селска, сточарско-торговска буржуазија в Македонија. Скопје, 1959.

- ⁶⁷ Стоилов А.П. Село Лешко. Периодическо списание. Кн. 44. Средец 1894; Христов Х. Аграрният въпрос...
- ⁶⁸ Христов Х. Указ. соч.
- ⁶⁹ Кънчев В. Пътуване по долините на Струма, Места и Брегалница //Сб. НУНК. Кн. XI. София, 1894.,С. 206.
- ⁷⁰ Кънчев В. Сегашното и недавношното минало на гр. Велес. Периодическо списание на българското книжовно дружество в Средец. Кн. 39.,Средец, 1892.
- ⁷¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2264. Л. 58-59, 215-216; Д. 2265. Л. 251-252; Д. 3266. Л. 219.
- ⁷² По уровню сельскохозяйственной культуры общая масса хозяйств в раятских селах существенно не отличалась от хозяйств испольщиков-чифлигар. Та же убогость, тот же примитивизм, почти на уровне средневековья (Еничерев Н.Г., Указ. соч., стр. 207). Некоторый прогресс наблюдался только у богатых земледельцев.
- ⁷³ Христов Хр. Аграрните отношения... С. 91-92.
- ⁷⁴ Мирчев Д. Принос за изучване бита на българите в Македония.// Сб. НУНК. Кн. 22-23. София, 1906/1907.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Блэнт. Указ. соч. С. 126-127.
- ⁷⁸ Гешов Ив.Ев. Задругата в западна България. Периодическо списание. Кн. 21-22. Средец, 1887. С. 433. Макензи и Ирби, посетившие в конце 60-х годов XIX в. Македонию, во время своего путешествия останавливались в Прилепе у богатого торговца, жившего задругой. Она состояла из семей 5-ти братьев. Члены задруги жили в домах, которые все выходили в один двор и были ограждены одной высокой стеной. *Макензија и Ирбијева*. Указ. соч. С. 77-78.
- ⁷⁹ Мирчев Д. Указ. соч. Приведенные данные о порайонном распространении задруг даны Д. Мирчевым для начала XX в. Нет оснований считать, что в третьей четверти XIX в. это районирование было другим. Коррективы нужны, быть может, и то, на наш взгляд, незначительные, только для районов слабого распространения и исчезновения задруг. К сожалению, отсутствие необходимых материалов мешает это сделать. Упоминание о задругах в балканских владениях Османской империи и, в частности, в Македонии в 50-70-е годы XIX в. мы находим у Ф.Канитца (Задунайская Болгария и Балканский полуостров. Исторические, географические и этнографические путевые наблюдения. 1860-1875, СПб., 1876); у С. Верковича (Описание быта болгар, населяющих Македонию. Москва, 1868).
- ⁸⁰ Радовановић В.С. Указ. соч.
- ⁸¹ Димитров Ст. Указ. соч. До аграрной реформы десятину собирали в свою пользу феодалы-ленники; с отменой спайхиства десятина централизованным путем стала поступать в государственные казначейства.
- ⁸² Документы за българската история, т. I. Архив на Н.Геров. Ч. I. София, 1931. С. 290.
- ⁸³ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2259. Л. 215-218.
- ⁸⁴ Зографски Д. Указ. соч. С. 103.
- ⁸⁵ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1421. Л. 48-53.
- ⁸⁶ "Верги" - подходящий налог, который взимался со всех подданных империи, владевших движимым и недвижимым имуществом. "Беделъ" - военный налог, взимавшийся исключительно с христианского населения за освобождение его от воинской повинности.
- ⁸⁷ Зографски Д. Указ. соч. С. 103.

- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ АВПРИ. Ф. Пос-во в Константинополе. Д. 2260. Л. 38.
- ⁹⁰ АВПРИ. Ф. . Ф. ГА . V-A2. Д. 1184. Л. 565 об.
- ⁹¹ АВПРИ. Ф. Пос-во в Константинополе. Д. 2261. Л. 32.
- ⁹² АВПРИ. Ф. Пос-во в Константинополе. Д. 2260. Л. 117-118.
- ⁹³ Там же. Ф. ГА . V-A2. Д. 1420. Л. 8-9 об.; Д. 1185. Л. 143-143 об.
- ⁹⁴ АВПРИ. Ф. Пос-во в Константинополе. Д. 2260. Л. 38, 108.
- ⁹⁵ Бесплатные государственные работы по строительству и поправке дорог, мостов и т.д.
- ⁹⁶ АВПРИ. Ф. Пос-во в Константинополе. Д. 2260. Л. 38-40 об.; Ф. ГА . V-A2. Д. 1422. Л. 36-37.
- ⁹⁷ АВПРИ Ф. ГА . V-A2 Д. 1184. Ч. II. Л. 559; Д. 1420. Л. 8.
- ⁹⁸ Там же Д. 1422. Л. 76.
- ⁹⁹ Там же Д. 1430. Л. 23-24.
- ¹⁰⁰ АВПРИ. Ф. Пос-во в Константинополе. Д. 2259. Л. 112-127; Д. 2260. Л. 38-40; Ф. ГА . V-A2. Д. 1184. Ч. II. Л. 563.
- ¹⁰¹ Нападению разбойничьих банд чифлигары подвергались в меньшей степени, т.к. многие турецкие беи, заботясь о доходности своих имений, вступали с бандами в негласные соглашения (АВПРИ. Ф. Пос-во в Константинополе. Д. 1184. Ч. I. Л. 265).
- ¹⁰² *Миловска Д.* Две развојни етапи во економско-општествениот развојот на Македонија во XIX век. // "Гласник на Институт за национална историја", Скопје, 1963. № 2. С. 65.
- ¹⁰³ АВПРИ. Ф. Ф. ГА . V-A2. Д. 1420. Л. 71-72 об.
- ¹⁰⁴ *Мильовска Д.* Указ. соч. С.65.
- ¹⁰⁵ АВПРИ. Ф. ГА . V-A2 Д. 1420. Л. 29 об.-30, Л. 71-72 об.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 71-72 об.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 71-72 об.
- ¹⁰⁸ *Христов Х.* Аграрните отношения... С. 135.
- ¹⁰⁹ Там же. В чифлигарских селах бесконтрольно хозяйничали субаши.
- ¹¹⁰ "Македония", 1867 г., 20 мая. *Еничерев Н.Г.* Указ. соч. С. 236-239. АВПРИ. Ф. ГА . V-A2. Д. 902. Л. 28-28 об.
- ¹¹¹ АВПРИ. Ф. ГА . V-A2. Д. 138/1 Л. 28-28 об.; Д. 1422. Л. 39.
- ¹¹² Там же. Д. 1422.
- ¹¹³ Там же Д. 902. Л. 28-28 об.
- ¹¹⁴ *Еничерев Н.Г.* Указ. соч. С. 236.
- ¹¹⁵ "Македония", 1867, 2 мая.
- ¹¹⁶ АВПРИ. Ф. Пос-во в Константинополе Д. 2275. Л. 7. Положение не изменилось до начала XX в. Вопрос о полевых сторожах в христианских селах Македонии был одним из основных пунктов реформ 1902-1903 годов.
- ¹¹⁷ АВПРИ. Ф. ГА . V-A2. Д. 1184. Ч. I. Л. 147-147 об.
- ¹¹⁸ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. Д. 1185. Л. 12-13 об.
- ¹¹⁹ АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. Д. 1184. Ч. I. Л. 148-148 об.
- ¹²⁰ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. Д. 1425. Л. 13.
- ¹²¹ *Христов Х.* Аграрные отношения... С. 113.
- ¹²² *Кънчев В.* Пътуване по долините на Струма, Места и Брегалница // Сб. НУНК. Кн. X. С. 474, 506.
- ¹²³ *Христов Х.* Аграрные отношения... С. 114.
- ¹²⁴ В частности, в сентябре 1868 г. население Охридского округа просило у султана "защиты и справедливости", ибо их невыразимые страдания "достигли крайности": страх

- и ужас владеют всеми, никто не смеет выйти в поле на работы спокойно, на самом рынке нет никакой безопасности. АВПРИ. Ф. ГА V-A2. Д. 1422. Л. 102-104.
- ¹²⁵ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. Д. 1430. Л. 9-10, 94 об.
- ¹²⁶ *Селищев*. Македонски кодекси XVI-XVIII век. София, 1933. С. 83.
- ¹²⁷ *Кънчев В.* Македония. Етнография и статистика. София, 1900. С. 21-22.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ *Цамбазовски К.* За развитокот на македонската трговија во текот на првата половина на XIX в. // Гласник... 1962. № 1-2.
- ¹³⁰ *Кънчев В.* Указ. соч.
- ¹³¹ АВПРИ. Ф.ГА IV-2. 1859-70 Д. 11. Л. 262-262 об.
- ¹³² *Блэнт*. Указ. соч. С. 62-63. О ропоте мусульман против налогов, см. АВПРИ.. Ф. Посво в Константинополе. Д. 2264. Л. 180-181.
- ¹³³ *Христов Х.* Аграрните отношения.. С. 114.
- ¹³⁴ *Лане Љ.* Краток преглед македонске историје. Београд, 1955.
- ¹³⁵ *Кънчев В.* Македония. Етнография и статистика. София, 1900. С. 20-21. Заметим, что аналогичный процесс славянизации городов произошел в Болгарии и Сербии.
- ¹³⁶ *Матковски А.* Указ. соч. С. 33. Автор собрал проводимые цифры из различных источников и литературы. Главной их основой служат свидетельства современников, а не статистические данные. Поэтому они лишь приблизительно показывают численность и рост городского населения.
- ¹³⁷ Первые пагубные последствия европейской конкуренции ощутил Кукушский край в силу непосредственной близости к Салоникам. Уже в 60-е гг. XIX в. в Кукуше и его окрестностях не осталось и следа от процветавшего до этого в течение 20-30 лет производства полотен. С ввозом американских тканей, по словам К. Шапкарева, “пресекалось все”. *Влахов Т.* Кукуш и неговато историческо минало. София, 1963. С. 113-114.
- ¹³⁸ *Миловска Д.* Две развојни етапи во економско-општествениот развојот на Македонија во XIX в. // Гласник на Институтот за национална историја. № 2. Скопје, 1963. Д. Зографски в своей последней крупной работе (Развитокот на елементи..., С. 209) утверждает, что прогрессирование ремесла в Македонии продолжалось приблизительно до конца 80-х гг. XIX в. Но эта точка зрения находится в противоречии с данными, имеющимися в источниках и литературе.
- ¹³⁹ Например, русский вице-консул в Призрене В.Тимаев сообщал в 1869 г., что в Призренском и Скопском санджаках вследствие местных условий фабричные шелковые, шерстяные и полотняные ткани “в незначительном употреблении”, ибо сельские жители довольствуются грубыми сукнами и грубым холстом собственного изготовления, а более зажиточные употребляют местные хлопчатобумажные ткани. АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2070. Л. 28 об.
- ¹⁴⁰ *Хаџи-Васильевић Ј.* Скопска индустрија и трговина и скопски трговци у XIX веку. Београд, 1903. С. 4. Цитирую по книге Д.Зографского “Развитокот на елементи...”. С. 207.
- ¹⁴¹ *Зографски Д.* Преодни облици на мануфактура во Македонија. // Преглед. 1953. № 2;
- ¹⁴² *Миловска Д.* Указ. соч.,
- ¹⁴³ *Миловска Д.* Указ. соч.
- ¹⁴³ *Зографски Д.* За работничкото движење во Македонија до Балканската војна. Скопје, 1950. С. 27. *Цонев Ст.Ат.* Към въпроса за разложението на еснафските организации у нас. // Трудове на Висшия институт на народното стопанство в гр. Варна. Кн. 1, 2. София, 1956.

- ¹⁴⁴ *Тодоров Н.* За наемния труд в българските земи към средата на XIX век. // Исторически преглед. 1959. № 2.
- ¹⁴⁵ *Цонев Ст. Ат.* Указ. соч.; *Хаджиниколов В. и др.* Нова и найновата стопанска история. София, 1966. С. 146.
- ¹⁴⁶ *Jaranoff D.* La Macédoine economique. Sofia, 1931. P. 133.
- ¹⁴⁷ *Зографски Д.* Преодни облици...; *Миловски Д.* Указ. соч.
- ¹⁴⁸ *Зографски Д.* Там же С. 59.
- ¹⁴⁹ *Зографски Д.* Развитокот на елементи... С. 217.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 218-219.
- ¹⁵¹ *Хан И. Г.* Путовање кроз поречину Дрина и Вардара. Београд, 1876. С. 279-280.
- ¹⁵² *Зографски Д.* Развитокот на елементи... С. 225.
- ¹⁵³ *Зографски Д.* Развитокот на елементи... 216. *Его же.* Преодни облици... С. 65-66.
- ¹⁵⁴ *Зографски Д.* Развитокот на елементи... С. 226.
- ¹⁵⁵ *Зографски Д.* Там же С. 227-228.
- ¹⁵⁶ *Зографски Д.* Преодни облици...
- ¹⁵⁷ *Хан.* Указ. соч. С. 192.
- ¹⁵⁸ *Снегаров Ив.* Град Охрид. // Македонски преглед. 1928. № 2. С. 86.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² *Зографски Д.* Развитокот на елементи... С. 223.
- ¹⁶³ *Зографски Д.* Развитокот на елементи... С. 223.
- ¹⁶⁴ Нуши Бр. Крај обала Охридског језера. Белешке из 1892 године. Београд, 1894. С. 49. Цит. по: *Зографски Д.* Развитокот на елементи... С. 221.
- ¹⁶⁵ *Косев К.* За капиталистичкото развитие на българските земи през 60-те и 70-те години на XIX век. София, 1968. С. 111.
- ¹⁶⁶ *Соколов Л.* Указ. соч.; *Зографски Д.* Развитокот на елементи. С. 461.
- ¹⁶⁷ *Зографски Д.* Указ. соч. С. 462.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 478.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 481-482.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 482.
- ¹⁷¹ Там же. С. 472.
- ¹⁷² *Косов К.* Указ. соч. С. 132-133.
- ¹⁷³ АВПРИ. Ф. Пос-во в Константинополе. Д. 2259. Л. 159-160; Ф. ГА V-A2. Д. 1185. Л. 24-25; Д. 1430. Л. 10 об.-11 об.
- ¹⁷⁴ На существенное различие в положении македонских городов, находящихся под консульским надзором и вне круга европейского наблюдения, обращал в частности внимание английский ученый А. Эванс (*Еванс А.* Македония като си е // Периодическо списание. Средец, 1889. Кн. 31. С. 64). В Скопье, например, только после учреждения иностранных консульств в 1875 г. прекратились уличные расправы над христианами. (*Кънчев В.* Град Скопие. // Периодическо списание. 1896, Кн. 55-56).
- ¹⁷⁵ АВПРИ. Ф. Пос-во в Константинополе. Д. 2258. Л. 201-213 об.
- ¹⁷⁶ *Цамбазовски К.* За развитокот на македонската трговија во текот на правата половина на XIX в. Материал // Гласник на Институт за национална историја. 1962. № 2.
- ¹⁷⁷ *Зографски Д.* Развитокот на капиталистичните елементи... С. 264, *Јурданов Ю.* Историја на българската трговија до освобождения. София, 1938. С. 177.
- ¹⁷⁸ *Зографски Д.* Указ. соч. С. 264-265.

- ¹⁷⁹ “Важнейшим портом” Македонии называл Салоники Бендерев, отмечая, что через него “проходят кратчайшие сообщения западной промышленности Европы с богатым и густо населенным Востоком”. (Бендерев. Военная география и статистика Македонии. СПб., 1890. Предисловие).
- ¹⁸⁰ *Билјановски З.* Некои податоци за надворешната трговија на Македонија во времето од Кримската до Балканската војна. // Гласник... 1962. № 1-2.
- ¹⁸¹ АВПРИ. Ф.Пос-во в Константинополе. Д. 2275. Л. 4 об.
- ¹⁸² АВПРИ. ГА VA2. Д. 1184. Л. 255; Там же, Ф.ГА IV-2, 1860-1871. Д. 11. Л. 399 об.
- ¹⁸³ *Зографски Д.* Прилепскиот панагур во минатото. // Годишник на правно-екопомскиот факултет. Скопје, 1955.
- ¹⁸⁴ *Хаџи-Василевић Ј.* Прилеп и негова околина. Београд, 1902. С. 40-41.
- ¹⁸⁵ “Трговичке новине”, Београд. № 49. 9 окт. 1861 г. цит. по: *Зографски Д.* Развикоот на капиталистичките елементи..., С. 279.
- ¹⁸⁶ *Зографски Д.* Указ. соч. С. 279.
- ¹⁸⁷ *Зографски Д.* Указ. соч. С. 285.
- ¹⁸⁸ *Кънчев В.* Пътувание по долините на Струма, Места и Брегалница. // Сб. НУНК. Кн. X. София, 1893. С. 479. *Веркович Ст.* Топографическо-этнографический очерк Македонии. СПб., 1889. С. 54-55.
- ¹⁸⁹ *Катарциев Ив.* Серската област (1780-1879). Скопје, 1961. С. 95.
- ¹⁹⁰ *Зографски Д.* Развикоот на капиталистичките елементи... С. 271.
- ¹⁹¹ *Кънчев В.* Указ. соч. Кн. XII. С. 234.
- ¹⁹² *Катарциев Ив.* Указ. соч. С. 99.
- ¹⁹³ АВПРИ.Ф. ГА VA2. Д. 1184. Л. 265.
- ¹⁹⁴ *Паскалева В.* Към историята на търговските връзки на Македония със Средна Европа през XIX в. // Известия на института за история. Т. II. София, 1962.
- ¹⁹⁵ АВПРИ. Ф.ГА VA2. Д. 185. Л. 365-365 об.; *Юрданов Ю.* Указ. соч.
- ¹⁹⁶ *Косев Д.* Новая история Болгарии. М., 1952. *Паскалева В.* За началния етап в образованието на българската нация. // Исторически преглед. 1962. № 2; *они же.* За някои особености и фактори в образованието на българската нация през първата половина на XIX в. // Известия на института за история. Т. 16-17. София, 1966 и другие работы болгарских историков.
- ¹⁹⁷ *Кънчев В.* Македония. Этнография и статистика. София, 1900.
- ¹⁹⁸ *Юрданов Ю.* Указ. соч. С. 159-160, 165.
- ¹⁹⁹ *Юрданов Ю.* Указ. соч. С. 165.
- ²⁰⁰ *Билјановски З.* Указ. соч.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² Кило от 80 до 90 ок.
- ²⁰³ АВПРИ. Ф. ГА IV-2, 1860-1871. Д. 11, Л. 399 об.
- ²⁰⁴ Там же. Л. 400.
- ²⁰⁵ АВПРИ. Ф.ГА. VA2. Д. 1185. Л. 364 об.
- ²⁰⁶ АВПРИ. Ф. ГА IV-2, 1860-1871. Д. 11. Л. 400.
- ²⁰⁷ Робевы имели акции в Австрийском биржевом банке, Австрийском центральном банке, Англо-австрийском банке. *Паскалева В.* Указ. соч.
- ²⁰⁸ *Косев К.* Указ. соч. С. 33.
- ²⁰⁹ Там же.
- ²¹⁰ *Косев К.* Указ. соч. С. 33.
- ²¹¹ *Юрданов Ю.* Указ. соч.
- ²¹² Там же.

Глава третья

Подъем Возрождения в Македонии

в 50-70-е годы XIX в.

Разложение феодализма, развитие капиталистических отношений, привело к формированию наций на Балканах. XIX в. уже в самом начале ознаменовался борьбой балканских народов за национальную свободу. Первыми сербы и греки, при поддержке европейских государств и прежде всего России, изгнали со значительной части своей территории чужеземных поработителей, заложили основы самостоятельных национальных государств. Сербское княжество, греческое королевство стали притягательными центрами для борцов против австрийского господства и турецкой тирании. Крепло национальное движение в хорватских и словенских землях, в Дунайских княжествах. Национальное пробуждение охватило оставшуюся часть турецких славян, населявших Болгарию, Фракию, Македонию, а также албанцев.

Бурный рост национально-освободительного движения балканских народов был обусловлен наступлением новой фазы в их общественно-политическом развитии, появлением и укреплением социальной группировки, способной организовать борьбу за освобождение в общенародном масштабе. Географические и демографические особенности, специфика положения отдельных областей в турецком государстве, система управления и аграрных отношений сказывались на характере и степени зрелости каждого национально-освободительного движения.

Национальное Возрождение, начавшееся в Болгарии и Фракии с конца XVIII - первой половины XIX в. вследствие развернувшегося процесса формирования болгарской нации, с некоторым опозданием получило отклик и в Македонии. Основным содержанием болгарского Возрождения была борьба за независимую национальную церковь, национальное просвещение и в конечном итоге - за политическую самостоятельность. Борьба болгарской буржуазии за автокефальную церковь, поддержанная широкими народными массами, была национально-политической борьбой за признание болгарской

народности в Турции¹, ибо в Османской империи только через церковь достигалась целостность этнических групп. Христианские народы Турции, подчиненные юрисдикции Константинопольской патриархии, были в глазах турецкого государства единой массой - греческим народом, греками ("рум-миллет", "ромен"). Борьба за национальную церковь автоматически являлась и борьбой за национальную школу и культуру, т.к. вопросы народного просвещения также находились в руках церкви, что в свое время помогло Константинопольской патриархии установить культурную гегемонию над населением Болгарии, Фракии, Македонии. С уничтожением власти константинопольской патриархии народные массы связывали также надежды на отмену разорительных церковных поборов, а буржуазия - на ослабление греческого конкурента на внутреннем рынке. Движение за национальную церковь и школу было необходимым подготовительным этапом грядущей болгарской национальной революции².

До освобождения Болгарии в результате русско-турецкой войны 1877-1878 годов, борьба за национальную церковь, национальное просвещение и политическую независимость являлись общим делом болгар и македонцев. Однако в Македонии весь этот процесс отличался замедленностью, особенно ожесточенным сопротивлением греков-фанариотов. Кроме того, у местной торгово-ремесленной буржуазии и интеллигенции обнаружилось, как мы увидим ниже, стремление сохранить свою областническую специфику, переросшее в дальнейшем у отдельных представителей в тенденцию к автономии и полной самостоятельности.

Причина отставания Македонии, помимо особенностей ее социально-экономического развития, крылась в ряде дополнительных факторов. На первом плане стояло глубокое греческое влияние, значительно более сильное, чем в Болгарии и даже Фракии. Греки рассматривали Македонию, особенно в южной и восточной части, как неделимую часть Эллады. В число греческих областей, оставшихся в пределах Османской империи и подлежавших воссоединению с Грецией, греческие политические круги наряду с Фессалией, Эпиром, Критом и другими островами Эгейского моря всегда включали Македонию, не забывали и Фракию³.

Стойкости греческого влияния в Македонии в значительной мере содействовала ее отдаленность от очагов родственного славянского воздействия: России, центров болгарского возрождения в Константинополе, Бухаресте, Одессе. Вплоть до 60-х годов XIX в. основным источником славянской культуры, образцов светской литературы, примером борьбы за национальную независимость было для Македонии Сербское княжество. Корни отношений с Сербией уходили в средневековье. Помимо традиций времен Стефана Душана, большое значение имели оживленные торговые связи, исстари существовавшие между

Македонией и Сербией. Кроме того, все товары, которые отправлялись из Македонии в Австрию проходили через Сербское княжество, во многих сербских городах и местечках, лежащих на главном торговом пути, постоянно проживало много купцов из македонских городов⁴. По мнению Селищева, давнее сербское влияние в Македонии имело место преимущественно в городе и церковной среде⁵. Однако связи с Сербией не могли парализовать греческую пропаганду. К тому же турецкое правительство всеми мерами стремилось воспрепятствовать контактам Сербского княжества с европейскими провинциями империи.

Длительное греческое воздействие, большая этническая пестрота населения отрицательно сказались на интенсивности и зрелости процесса возрождения Македонии. При распространенности здесь в рассматриваемый период мнения об общности македонцев с болгарским народом, наблюдалась в то же время зыбкость национальных представлений в современном понятии этого слова. Это подтверждается самыми разнообразными источниками. Например, Стефан Верхович, более 20 лет проживший в Македонии (с небольшими перерывами с 1850 по 1878 годы) указывал, что македонские славяне называли себя “болгарами”, а язык свой “болгарским”. Вместе с тем он отмечал, что многие представители интеллигенции употребляли только термин “славяно-болгары”, а в массе сельского населения совершенно отсутствовало “чувство истинного народного самосознания”⁶.

Аналогичны и данные известного македонского деятеля того периода К. Шапкарева. Говоря о деятельности Д. Миладинова в Западной Македонии во второй половине 50-х - самом начале 60-х годов XIX в., Шапкарев отмечал, что “родолюбие” Миладинова очень помогло “спавшему до этого народу, который ничего не знал, ничего не чувствовал в отношении народности”⁷.

В 50-70-е годы XIX в. в Македонии одним из основных разделительных признаков продолжала оставаться религия. Насколько стойко держались подобные представления говорит хотя бы тот факт, что даже в конце 60-х годов XIX в. П.Р. Славейков должен был втолковывать своим читателям, что у цивилизованных народов основными различиями являются различия национальные, а не религиозные⁸. А.Шопов прямо писал, что до русско-турецкой войны 1877-78 годов у македонских болгар почти отсутствовало народное самосознание и главную роль играла вера, которая одновременно была и народностью македонцев⁹. Созвучны этому и данные Хр. Стамболского, работавшего врачом в Константинополе в 60-70-е годы XIX в. Посещая больных македонцев, пришедших на заработки в турецкую столицу, доктор всегда задавал им вопрос о том, к какому народу они принадлежат. Многие отвечали, что не знают, другие говорили, что они “ортодоксы”, т.е. православные и т.п.¹⁰.

В Македонии прочны были также локальные, местнические тенденции - отечество в смысле места рождения, принадлежности к территориально узкой этнографической группе - охридчанин, мияк и т.д.

В целом можно констатировать, что в 50-60-е годы XIX в., а в отдельных районах и в 70-е годы, сознание о "болгарском единстве" было "затемнено" в Македонии¹¹. Особенно отставали районы Салоникский, Сересский, Леринский, Воленский, Битольский, Драмский¹², где христианская вера дольше нивелировала национальные различия, сливая македонцев и греков в одно племя "ромен"¹³. Поэтому Македония труднее приобщалась "к общеполитическим усилиям создания национальных училищ, литературы и духовенства. Так М. Хитрово в одном из своих донесений за 1861 г. отмечал, например, что христианское население Битольского санджака "далеко отстало от христиан других частей Болгарии и те чувства, которые там пробудились в последнее время, здесь еще спят глубоким сном"¹⁴.

Интересно, что настоящую ситуацию в Македонии отлично представляли себе русские ученые того времени. Например, В.И. Ламанский, бывший в 1865 г. доцентом Петербургского университета, в одной из своих лекций, опубликованной в газете "День", отмечал, что в Македонии наблюдается слабое пока пробуждение болгарской народности и что в силу этого определенные болгарские круги не хотят разрыва с Турцией, опасаясь тогда в борьбе с греками потерять Македонию¹⁵.

Представители македонской буржуазии, нарождавшейся интеллигенции с большим трудом освобождались от преклонения перед греческой культурой и всем греческим. Поэтому в Македонии долго ощущался недостаток в национально настроенных пропагандистах и просветителях народа.

Такое положение в Македонии весьма беспокоило ведущих деятелей болгарской колонии в Константинополе. В период, когда после Крымской войны, в связи с постановкой вопроса об автономной болгарской церкви, политическая сущность греко-болгарского церковного спора выступала совершенно открыто, вопрос о границах болгарской народности приобретал особую остроту. Все вместе взятое побудило болгарских лидеров в Константинополе направить концентрированные усилия к "насаждению болгарщины между македонцами"¹⁶. С этой целью в 1866 г. в Константинополе было основано общество "Читалиште", стремившееся "организовать культурные и пропагандистские силы в Македонии"¹⁷. Теми же мотивами руководствовался и П.Р. Славейков, приступивший в том же году к изданию своей газеты "Македония". Он стремился разбудить сознание "забытых болгар, глубоко уснувших в лоне греческой патриархии", вдохнуть в них идею, что они "часть болгарского народа, одного с ним происхождения и языка, находящиеся в одних и тех же условиях, имеющие ту же незавидную участь"¹⁸. М. Арнаутов в одной из своих послед-

них работ тоже пишет, что задачи, которые преследовал Славейков, носили преимущественно политический характер, определялись необходимостью особого внимания болгарских деятелей к “юго-западной области”, запоздавшей в своем приобщении к национальному движению¹⁹. Усилия, направленные к пробуждению национального самосознания в македонских селах предпринимались Константинопольской колонией и в начале 70-х годов²⁰. Однако в середине 1871 г. газета П.Р. Славейкова с грустью констатировала: “В Македонии, земле милой всякому болгарину, чувства самосознания нет у большинства наших”²¹.

С этими данными перекликаются сведения русского консула в Салониках Лисевича, писавшего в 1876 г. Игнатьеву, что в массе местного населения “чувство национального самосознания проявляется пока весьма слабо и смутно”²².

Отставание в вопросе становления национального самосознания отрицательно сказывалось на уровне общественного сознания. Развертывание церковной борьбы в Македонии происходило медленнее, чем в Болгарии. В самой Болгарии церковная борьба в целом увенчалась серьезными успехами еще к кануну Крымской войны. От первых чисто локальных конфликтов с высшим греческим клиром во Вратце в начале 20-х и в Самокове в начале 30-х годов XIX в., борьба против греческого духовенства со второй половины 30-х годов перешла в широкое политическое движение. С начала 40-х годов и до Крымской войны движение охватило всю северную и южную Болгарию. Его центрами были Пловдив и Тырново. В результате развернувшейся борьбы многие греческие епископы были низложены. Если они еще не всегда заменялись болгарскими, то во всяком случае новые греческие владыки умеряли свои злоупотребления. Греческий же язык был повсюду устарел из церковных служб²³.

В Македонии картина была несколько иной. Прозвучавшее в начале 30-х годов XIX в. в Скопье, вслед за Вратцой и Самоковым, требование замены греческих епископов местными уроженцами²⁴ долго оставалось почти изолированным. Только с конца 50-х годов XIX в. в движение приходят отдельные общины²⁵, а в 60-е годы церковная борьба на территории Македонии принимает более широкий характер.

В первых рядах борьбы против греческого духовного ига шли те районы, где в течение всего турецкого господства сохранялись традиции славянского языка и письменности, куда греческое влияние не проникало или не имело глубоких корней. К ним относились Скопский, Прилепский, Велесский, Дебарский районы. В Охридском районе помогали в борьбе предания о славном прошлом города²⁶. Позже и медленнее движение развертывалось в районах Битольском, Салоникском, Сересском, Леринском, Воденском,

Драмском. Нам представляется, что для отмеченных различий степень распространения в селах чифликчийства имела подчиненное, а не решающее значение, как это считает Х. Христов²⁷.

Церковная борьба в Македонии развивалась неравномерно, с переменным успехом, в ожесточенном единоборстве с яростно сопротивлявшимися греко-фанариотскими кругами, использовавшими покровительство турецких властей, помощь греческих консулов, разветвленную просветительскую и пропагандистскую сеть. Отставание от Болгарии все время сохранялось.

Р. Жинзифов, посетивший в 1866 г. Македонию, с горечью писал: "Словом сказать, положение болгарского народа в Болгарии и Фракии совершенно изменилось: народное чувство пробудилось, образование и развитие народа в смысле национальном, славянском, делает заметные успехи, и нет сомнения, что с течением времени оно все более будет крепнуть... Но нельзя сказать того же о Македонии, по которой мы путешествовали: там преследование церковно-славянского языка все еще продолжается, и фанариоты все еще действуют против него самыми энергичными и крутыми мерами; закрытие вновь устраиваемых болгарских училищ идет своим чередом..."²⁸.

Несколько обособленным в ходе церковной борьбы было радикальное выступление жителей г. Кукуша. Препятствия, чинимые греческим духовенством на пути становления народного просвещения, введения богослужения на славянском языке, злоупотребления местного епископа Мелетия, толкнули кукушан на переговоры с протестантской, а затем католической миссией в Салониках²⁹. Переговоры длились с конца 1857 до лета 1859 г.³⁰. Недовольство Д. Миладинова, приезд представителей Московского славянского комитета Южакова и Рачинского (конец 1858 - начало 1859 г.) с целью помешать заключению унии, успеха не имели, ибо Константинопольская патриархия не шла ни на какие уступки. 12 июля 1859 г. жители Кукуша обратились с письмом к папе Пию IX с просьбой, которая в сущности была актом принятия унии³¹. Главенство папы признавалось при условии сохранения всех православных обрядов, отправления церковных служб на славянском языке, введения выборности епископа, который, как и остальное духовенство, должен был быть "болгарином", а в училищах как основа обучения введен "болгарский язык со своими народными буквами и чертами". Помимо всего прочего испрашивалось покровительство Франции³².

Чтобы воспрепятствовать установлению унии Константинопольская патриархия поспешила убрать Мелетия. В кукушко-полянскую епархию был назначен Парфений Зографский, первый из уроженцев Македонии (с. Галичник, Дебарского района), занявший епископскую кафедру. 14 ноября 1859 г. он был торжественно встречен как настоящий народный пастырь³³.

П. Зографский тотчас уменьшил вдвое “владычину” (сбор в пользу епископа), стал отделять большую часть из собранных сумм на поддержание школ в округе, заменять греческий язык в церквях и училищах местным народным языком и т.п.³⁴. “Ереси и нововведения” Зографского раздражали духовное начальство и были причиной длинной цепи различных интриг фанариотов против него. Вскоре Парфений был вынужден покинуть свою епархию. В 1862 г. епископом был “избран” ненавистный населению Мелетий, что вызвало новую волну борьбы против Константинопольской патриархии³⁵.

Униатское движение в Македонии первое время не имело большого распространения. Оно затронуло лишь незначительное пространство в Южной Македонии между Кукушом - Енидже - Вардаром и несколькими гевгелийскими селами. Уния привлекала обещания облегчить униатам налоговое бремя, сохранить все православные обряды и пр. Но главной приманкой, по словам русского консула, было “бесценное в глазах здешнего народонаселения богослужение на славянском языке и преподавание в католических училищах славянской грамотности, изгнанной из здешних общественных училищ”³⁶.

Несмотря на непрочный успех своей пропаганды, католические, а вслед за ними и протестантские миссионеры, не снижали своей активности. За их спиной стояли правительственные круги Австро-Венгрии и Франции, стремившиеся ослаблением позиций православной церкви на Балканах подорвать среди славянских народов пугавшее их влияние России.

В период церковной борьбы в Македонии было популярным требование о восстановлении автокефальной Охридской архиепископии. Естественно, что сформулировано оно было в Охриде. В этом же городе и его окрестностях никогда не угасала память об Охридской архиепископии-патриархии, уничтоженной в 1767 г. турками благодаря проискам греков-фанариотов³⁷. “Не будет преувеличением сказать, - писал Ив. Снегаров, - что воспоминание о прошлом духовном величии Охрида передавалось из поколения в поколение через песни и предания и волновало душу каждого охридчанина до умиления. “Наша патрикана”, - эти слова произносились с благоговением...”³⁸. И если в результате длительной власти Константинопольской патриархии городское население в значительной мере эллинизировалось, в первую очередь зажиточные слои, то народная масса, особенно женщины в городах и сельское население хранили “родной язык и народное чувство”³⁹.

Недовольство произволом греческого духовенства нарастало в Охриде со второй половины XIX в. С конца 50-х годов город активно включается в церковную борьбу. Вместе со стремлением устранить с охридской кафедры грека, среди населения росла мечта о восстановлении своей родной “патриканы”⁴⁰. Развернувшееся в Охриде движение возглавили Д. Миладинов,

Янаки, Стрезов, а после ареста и смерти первого его ученик Гр. Прличев. В 1859 г. появилась и получила широкое распространение книга охридчанина М. Димицы об Охридской архиепископии, написанная на греческом языке. В ней доказывалась незаконность уничтожения архиепископии в Охриде.

Письмом от 9 апреля 1861 г. охридская паства, считая себя “частью болгарского народа”, уполномочила “народных представителей” в Константинополе действовать перед Высокой Портой в пользу восстановления Охридской архиепископии, которую “несправедливо и незаконно присвоил греческий клир”⁴¹. В начале 1867 г. в общем епархиальном прошении (махзаре) охридчане обратились к самому султану с просьбой восстановить Охридскую архиепископию, сообщив также о своем решении уполномоченным в Константинополь⁴². Последние письмом от 19 июля 1867 г. уведомили Охрид, что полностью принимают их требование о восстановлении Охридской архиепископии, чтобы та, как каноническая автокефальная церковь, руководила всем болгарским народом⁴³.

Официально требование о восстановлении Охридской архиепископии, как “главного места и центра церковного нашего управления” болгарские представители в Константинополе выдвинули в конце августа 1867 г. в связи с проектом патриарха Григория VI⁴⁴.

Идея о независимой Охридской церкви находила, по-видимому, широкое сочувствие в Македонии, но более всего она поддерживалась в ее западных и южных районах. Так, в 1867 г. прошение о восстановлении “Охридской патриархаты” подписали 17 еснафов Битоля⁴⁵. В этом городе бережно хранилась память об Охридской архиепископии⁴⁶. Чрезвычайно живы были воспоминания и предания об Охридской архиепископии-патриархии в Струге⁴⁷. По данным Ив. Снегарова эта идея волновала и передовых представителей славянского населения Салоник⁴⁸. По-видимому, не случайно в газете “Македония” была помещена специальная статья, посвященная требованию восстановления Охридской архиепископии⁴⁹, публиковались корреспонденции из Охрида на эту тему⁵⁰ и другие близкие по духу материалы. В частности в январе 1868 г. П.Р. Славейков опубликовал письмо к нему М. Дринова, в котором последний сообщал о находке в мюнхенском архиве интересного документа XVII века. Речь шла о письме Охридского архиепископа Гавриила и приводился обозначенный там его полный титул: “Патриарх, божьей милостью, Болгарии, Сербии, Македонии, Албании, Боснии и Угро-Валахии”⁵¹.

Однако болгарские лидеры в Константинополе вряд ли серьезно относились к поднятой проблеме, хотя бы потому, что на требование охридчан они прореагировали только через 6 лет после первого обращения! Вопрос об Охридской архиепископии затрагивался для того, чтобы поддержать влияние

Константинопольского руководства в Македонии, а также использовался как лишний аргумент в пользу создания самостоятельной болгарской церкви.

Вместе с тем настойчивое стремление македонцев восстановить Охридскую архиепископию со временем стало беспокоить константинопольских лидеров. Вопрос об Охридской архиепископии, требования, чтобы Охрид стал резиденцией Болгарского экзархата⁵², были одной из причин, вызывавших сомнение в желательности присутствия македонских представителей на Болгарском соборе 1871 года⁵³.

Однако в Охриде не успокаивались. 24 июня 1871 г. Охридская община направила в Константинополь новое письмо, в котором подчеркивала преимущество восстановленной церкви и предлагала, чтобы экзарх носил титул: "Охридский архиепископ и экзарх вся Болгарии". Болгарский собор 1871 г. отверг это предложение, отказавшись восстановить прежнюю Охридскую архиепископию. По словам известного современного болгарского историка "для охридчан оскорбление было тяжким".

В ходе церковной борьбы в городах происходило создание независимых от Константинопольской патриархии общин. В течение 60-х годов такие общины были созданы в Скопье, Прилепе, Велесе, Охриде, Штипе, Битоле, Неврокопе, Салониках и др. В целом же процесс создания независимых церковных общин в Македонии был длительным и продолжался до 90-х годов включительно⁵⁴. Как правило, все движение возглавлял город, но иногда городские общины создавались под давлением и при материальной поддержке окрестных сел, где имелись представители довольно крупных капиталов. Такие случаи имели место, например, в Сересе и Неврокопе⁵⁵.

Новые общины получали название болгарских церковных общин. Некоторые сохранившиеся данные позволяют высказать предположение, что в ряде случаев, во имя общей унификации названий в целях подчеркивания единства между Болгарией и Македонией, нивелировалась местная специфика. Так в отделе рукописей библиотеки Салтыкова-Щедрина в Ленинграде сохранилось письмо к Ив. С. Аксакову "Болгарской церковной общины в Сересе" от 1 февраля 1877 года. На ее печати значится то же название. Между тем в тексте самого письма говорилось о "македонских славяноболгарах", указывалось, что общины, отколовшиеся в ряде городов от греков, принимают имя славяноболгарских церковных общин. К таким городам, - указывалось в письме, - "принадлежит и наш город Серес"⁵⁶.

Новые общины сосредотачивали в своих руках попечение над церквями, школами и вообще все руководство общественной жизнью не только в своем городе, но и во всей округе (каза)⁵⁷. Они становились опорными пунктами в борьбе с греками-фанариотами. С конца 60-х годов новые общины порвали

связи с константинопольской патриархией, в подчиненных им церквях перестали упоминать имя греческого патриарха.

Церковные общины на территории Македонии известны с конца XVIII в. Самое первое и самое раннее упоминание сохранилось от 1758 г. об Охридской общине⁵⁸. Прежние общины создавались как христианские общины, подчинявшие своей юрисдикции все городское христианское население - македонцев, греков, валахов, албанцев-христиан и т.д. В селе их функции выполняли советы старейшин. Делами этих общин заправляли греко-валашские и чорбаджийско-грекоманские элементы, действовавшие в интересах укрепления и углубления греческой церковно-культурной гегемонии⁵⁹.

Новые общины объединяли только македонцев. Одновременно произошла смена социальных сил, стоявших во главе общественной жизни Македонии: с начала 60-х годов XIX в. чорбаджийские слои были оттеснены молодой активной ремесленно-торговой буржуазией. Особенно нагляден в этом отношении был пример Прилепской общины⁶⁰.

В некоторых городах как Прилеп, Велес и других, где славянское население было компактным, а сильная, но малочисленная греко-валашская буржуазия была потеснена со своих позиций, новые общины стали основным и определяющим фактором общественной жизни, несмотря на продолжавшиеся столкновения со своими противниками. Иначе обстояло дело в Битоле, Салониках, Сересе и других местах, в которых славянское население было ими малочисленно, или сильно эллинизировано. Здесь наряду с новыми общинами, еще неокрепшими и часто численно незначительными, продолжали сохранять силу и влияние прежние церковные общины, объединявшие сторонников патриархии - греков, валахов, албанцев - христиан, местных грекоманов. Так обстояло дело в Битоле⁶¹, в значительной части восточной Македонии, за исключением Неврокопского района и Разлога⁶². Подобной же была обстановка и в южной Македонии⁶³.

Таким образом, к моменту учреждения Болгарского экзархата церковный вопрос на территории Македонии оставался еще далеко не решенным.

Нерешенность церковного вопроса в Македонии закреплялась султанским фирманом 1870 г. Из македонских епархий в состав болгарского экзархата включалась только Велесская, а другие могли отделиться от патриархии лишь при условии согласия на то не менее 2/3 населения. Все это открывало широкое поле для дальнейшей борьбы соперников, к которым с 1868 г. прибавилось еще и сербское княжество⁶⁴.

В 1872 г. в результате всенародного опроса (истияма) к экзархии присоединились Скопская и Охридская епархии. В 1873 г. тревогу в Македонии вызвали переговоры между экзархией и патриархией об условиях отмены

схизмы⁶⁵. Слухи, что это произойдет за счет македонских епархий, способствовали новому оживлению униатских настроений.

Опасаясь снова очутиться в “оковах Фонара”, 6 общин южной Македонии, в том числе, по-видимому, и Салоникская, в начале 1874 г. обратились за покровительством к протестантам, а после их отказа к католическому епископу в Адрианополе⁶⁶. В сентябре 1878 г. сторонники унии снова начали действовать. Среди руководителей “новой волны” оказался охридчанин К. Шапкарев. В корреспонденции из Велеса в газету “Марица” сообщалось, что он и ряд других лиц, посланных епископом Нилом и снабженных рекомендациями некоторых салоникских консулов, ходили “из города в город, из села в село в Македонии” и убеждали население написать прошение о принятии унии, а также уверяли, что папа римский напишет австрийскому императору, чтобы он настаивал перед султаном о восстановлении Охридской архиепископии⁶⁷. Через три года, т.е. в 1881 году, из Салоник снова “подбросили” идею об Охридской униатской архиепископии. Незвестный корреспондент “Марицы” - “один македонский болгарин” - писал, что македонские болгары никогда не примут соглашения экзархии с Константинопольской патриархией, они “скорее предпочтут отделиться от северных своих братьев религиозно и политически, отказаться от православия”. Он продолжал: “Если северные болгары имели Тырновскую патриархию, то разве мы македонские не имеем Охридской, подтвержденной и признанной самими вселенскими соборами?” Ее может “трижды благословить и возобновить” папа, церковный глава “стольких миллионов западных славян”. Тогда посмотрим, что будут делать греки и их приятели-соглашатели⁶⁸.

Нельзя не отметить еще одного обстоятельства. Благодаря тому, что старые назначенные Константинопольской патриархией греческие митрополиты остались на своих церковных местах, несмотря на прибытие в епархии экзархистских митрополитов, создалось своего рода церковное двоевластие, ставшее очагом постоянных междоусобиц.

После создания Болгарской экзархии турецкие власти на местах стали подозрительнее относиться к сторонникам отделения от патриархии, выражая опасения, что если они будут способствовать устранению греческого духовенства, то через короткое время после удаления греческого попа за ним может последовать и турецкий мюдир⁶⁹. Подобные настроения не могли не усилиться во время событий 1875-1878 гг., способствуя вместе с другими факторами задержке дальнейшего перехода македонских епархий под юрисдикцию болгарской экзархии. Только к 1897 году почти все македонские епархии имели экзархийских митрополитов: Велес, Охрид, Скопье, Дебар, Битоль, Струмица, Неврокоп. В остальных городах имелись экзархийские архиерейские наместники, а в селах - экзархийские священники⁷⁰.

В целом общий итог церковной борьбы был не в пользу патриархии. Славяно-греческое столкновение в Македонии завершилось триумфом болгарской национальной идеи⁷¹.

Следует отметить, что с самого начала своей деятельности Болгарская экзархия выступила как представительный орган консервативной и реакционной части болгарской буржуазии.

* * *

Другой стороной борьбы с греческой гегемонией было культурно-просветительное движение. Борьба за становление народного просвещения и культуры так же, как и церковная, была выражением одного и того же процесса национального пробуждения. Крепнувшая буржуазия Македонии, как в Болгарии и Фракии нуждалась в светском образовании на родном языке. Она больше не хотела пользоваться греческой образованностью, которая на первых порах восполняла недостаток и низкий уровень национальных источников знаний.

Культурно-просветительное движение и церковная борьба тесно переплетались между собой. Там, где населению удавалось взять в свои руки церковные дела и освободиться от власти греческого духовенства, развитие народного просвещения протекало успешнее, поскольку новые общины брали в свои руки руководство школой. В свою очередь народные училища и учителя были активными организаторами и участниками борьбы против фанариотов.

Бороться с греческим влиянием, особенно на первых порах, было трудно. Греческая образованность распространялась не только через хорошо организованные греческие училища, которые к середине XIX в. функционировали почти во всех городах и ряде крупных сел Македонии. Большое влияние оказывала мощная греческая просветительная сеть с центрами в Эпире, Фессалии, на Ионических островах, в Малой Азии, привлекавшая молодежь из европейских провинций Турции. В Афинах и Янине получили образование большинство видных деятелей культурно-просветительного движения в Македонии: Димитр и Константин Миладиновы, Райко (Ксенофонт) Жинзифов, Григор Прличев. В церквях, школах, в общественной жизни, торговых сношениях преобладал греческий язык.

В. Григорович, посетивший в 1845 г. Македонию, отмечал засилие эллинизма во многих городах, в которых он побывал, и прежде всего в Салониках, Битоле, Охриде. В последнем он не нашел никого, кто бы мог разбирать самое крупное славянское письмо. Напротив, в чтении греческого, значительно более трудного многие были очень искусны⁷². Сильным оплотом

греческого культурного влияния были Серес, Мелник и ряд других городов. Иллюстрацией преобладания греческого просвещения может служить пример Битоля - в 1862 г. здесь было 10 греческих училищ и ни одного славянского⁷³. Во многих местах картина была аналогична⁷⁴.

Но хотя греческое влияние было велико, оно не было всеобъемлющим. Грекоманами становились преимущественно представители городской буржуазии, а беднейшие слои и особенно крестьянство прочно хранили "свой язык и свою народность славянскую"⁷⁵.

К тому же греческая экспансия не была повсеместной. Районы северной, северо-западной, центральной и северо-восточной Македонии были свободны от греческого засилья. Такие города как Дебар, Скопье, Прилеп, Велес, Штип, Банско, Разлог были хранителями славянской культуры, языка и письменности⁷⁶.

Вместе с тем следует все же учитывать, что греческое влияние не всегда было отрицательным. В первые десятилетия XIX в., когда проникновение нового светского греческого просвещения и культуры не приняло еще откровенно денационализаторской окраски, греческие школы в Македонии и за ее пределами были источником современного светского образования столь необходимого для становления идущего на смену феодализма буржуазного общества. По образцу греческих школ создавались первые македонские общинные училища. Но после образования Греческого королевства, греко-фанариотские круги, руководствуясь великогреческими идеалами, начали проводить все более националистическую политику, стремясь удержать свое традиционное влияние в восточной части Балканского полуострова и особенно в Македонии.

Считая Македонию частью Греции, местная греческая верхушка, опираясь на поддержку извне, всеми силами стремилась воспрепятствовать пробуждению национального самосознания у македонцев, добиваясь закрытия новых македонских училищ, преследуя македонских учителей, мешая введению народного языка в греческие училища и т.п.

Как в церковной борьбе, так и в деле становления нового светского просвещения и новой светской культуры на родном языке Македония значительно отставала от северной и южной Болгарии. Вся славянская культура Македонии до середины XIX в. сохраняла значительный церковно-религиозный отпечаток. Светская культура (при посредстве греческих и других инонациональных источников) была достоянием только узкого круга состоятельной торгово-ремесленной верхушки, связанной с балканским и европейским рынками. В целом же в первой половине XIX в. общественная мысль в Македонии не выходила еще за рамки религиозно-нравственных идеалов средневековья. Килийные школы, книги и деятельность

И.Крчовского и К.Пейчиновича, работа типографии Феодосия Синаитского в Салониках, печатавшей религиозно-назидательную литературу, не могут быть отнесены к компонентам новой светской культуры, ибо их проповедь не выходила за рамки прежних идеалов “жития праведного”⁷⁷. В значительной мере такое положение объяснялось тем, что Македония была отдалена не только от славянских центров культуры, она практически оставалась и вне воздействия европейской общественной мысли, в то время как в Болгарию, особенно Придунайскую, последняя проникала опосредствованным путем через соседей на северо-западе⁷⁸.

И если идеи европейского просвещения отразились на патриотическом труде Паисия Хилендарского, на некоторых сборниках Софрония Врачанского, то они совершенно не коснулись первых македонских книжников - Иоакима Ерчовского и Кирилла Пейчиновича⁷⁹.

Незрелость социально-общественных процессов в Македонии в тот период привела к тому, что патриотический призыв П. Хилендарского, обращенный к населению Болгарии, Фракии и Македонии, сравнительно быстро нашедший горячий отклик в Болгарии, в первой половине XIX в. не всколыхнул Македонии. Об этом говорят следующие факты. Переписка книги П. Хилендарского “История славяноболгарская” началась вскоре после ее создания и не прекращалась до середины XIX в. Из 25 известных науке рукописных копий труда Паисия или отрывков из него, только одна поздняя редакция, и то под вопросом, относится к Македонии⁸⁰.

Из 75 изданий, статей и заметок, касающихся “Истории славяноболгарской”, вышедших в свет с 1844 по 1913 годы, македонских авторов очень мало (не больше 3-4) и все они конца XIX - начала XX в.⁸¹.

О том, что труды Паисия и ближайших его последователей в свое время не оказали большого влияния на Македонию, говорят и данные болгарской прессы 60-х годов XIX в. В частности, газета П.Р.Славейкова “Македония”, оценивая заслуги Д.Миладинова, указывала, что в пробуждении интереса к родному языку, он сыграл для Македонии ту же роль, которую ранее (наипред) сыграли для Болгарии и Фракии “тезоименитые отцы Рилы и Холендара”, а с ними и Христати Павлович⁸².

Процесс формирования новой буржуазной идеологии, новой литературы, общенационального литературного языка охватывал первоначально преимущественно территорию Придунайской и Забалканской Болгарии. Деятельность Неофита Рильского, Бозвели, букварь Берона, книга Ю. Венелина, воодушевившая В. Априлова и других, создание Габровского училища - все эти события только глухим эхом отзывались в Македонии. До конца 50-х - начала 60-х годов XIX в. новая болгарская литература мало была здесь известна. Более распространены были сербские издания.

О разрыве между Македонией и болгарскими землями в деле формирования новой культуры наглядно свидетельствует хотя бы такой факт: к 1845 г., т.е. через 10 лет после открытия Габровского училища, светских школ, идущих на смену килийным училищам, в северной и южной Болгарии имелось около 50-ти, а в Македонии их было всего четыре⁸³.

Поэтому к 50-60-м годам XIX в., когда Македония начала по настоящему просыпаться, Болгария и Румелия успели уйти далеко вперед во всех областях, в том числе и в просвещении на родном языке. Здесь уже во всех городах были болгарские училища и в большей части из них - наставники из молодых людей, окончивших или начинавших свое образование в русских духовных или светских учебных заведениях.

Отставание Македонии, острая нужда немногочисленных еще народных школ в необходимых учебных пособиях и учителях "из природных болгар", побудила уроженцев Македонии - иеромонаха Натанаила Стояновича⁸⁴, окончившего в 1851 г. Киевскую духовную академию, и кандидата Петербургского университета Константина Д. Петковича⁸⁵ подать в 1852 г. в Азиатский департамент МИД России и в Министерство просвещения записку о бедственном, в деле народного образования, положении македонского населения⁸⁶. Они сетовали на то, что благодаря отдаленности македонских сел, до них не доходит русская помощь. Ее за последние десять лет получала только северная Болгария, хотя и здесь помощь России далеко не могла удовлетворить все местные разнообразные нужды и потребности. Тем не менее, она имела огромное значение, дав Болгарии подготовленных в русских учебных заведениях учителей - болгар, учебные пособия для руководства учащим и учащимся, а главное возбудила еще большее рвение к просвещению. Поэтому Придунайская Болгария, благодаря своему выгодному положению (соседство с Россией, Валахией, Молдавией) представляет теперь зрелище довольно утешительное для болгарина⁸⁷. Но у забытых юго-западных болгар, находящихся в глуши, народное образование далеко не то, что в придунайских землях; опасности, грозящие "отцовской вере и национальности", многочисленнее и разнообразнее. На эту страну, свою родину, авторы просили русских обратить внимание. Они подчеркивали, что многочисленные школы в этом крае, возникшие в последние годы, остро нуждаются в учебных пособиях и преподавателях из "природных болгар", поэтому Натанаил и Петкович просили: 1) отпустить для нескольких училищ необходимые учебные пособия и другие книги, чтение которых "было бы наставительно", открыть "казанное место" в Петербургском педагогическом институте для 1-2 юношей из Македонии ("тамошних болгар") с тем, чтобы они по окончании полного курса могли бы возвратиться на родину и стать учителями⁸⁸. В данном прошении вполне отчетливо выступает желание, опира-

ясь на помощь России, подготовить квалифицированные учительские кадры из местных уроженцев, чтобы вывести родной край из отсталости.

В первые десятилетия второй половины XIX в. среди македонской интеллигенции тоже появляются воспитанники русских учебных заведений, усиливается культурное воздействие соседних родственных народов. В результате упорной борьбы с греко-фанариотскими кругами к концу 60-х годов общинные школы в Македонии были созданы в Велесе, Штипе, Скопье, Прилепе, Охриде, Неврокопе, Банско, Кукуше, Струге, Битоле, Костуре, Салониках и других городах и некоторых крупных селах. Помимо училищ взаимного обучения (начальных школ) в некоторых городах впервые были открыты так называемые “классные училища”, соответствовавшие первым классам гимназии, а в Велесе кроме того в 1857 г. было открыто и торговое училище. В Македонии появились первые женские школы. В 1868 г. в Штипе открылось первое в Македонии педагогическое училище, которым руководил Иосиф Ковачев, получивший образование в России и Сербии. Кроме того, с середины XIX в. в Салониках, Битоле и других местах стали функционировать школы-интернаты при католической и протестантской миссиях. Для привлечения македонского населения обучение в них проводилось на местных говорах.

Помимо училищ в 60-е годы в Македонии были открыты первые читальни - в Прилепе, Велесе, Скопье, Штипе, Кукуше и др., ставшие дополнительными очагами просвещения и народного пробуждения. Читальни обычно работали по воскресеньям и в другие праздничные дни. На членские взносы и подарки в читальнях выписывались газеты, журналы, покупались книги. Примером деятельности читален может служить работа Прилепской читальни, описанная Еничеревым: “В народной читальне собирались по воскресеньям, читали болгарские, турецкие и другие газеты, выходившие в Константинополе, новые книги, а затем вместе обсуждали все прочитанное”⁸⁹. При читальнях нередко организовывались воскресные школы, но и там, где их не было, учителями велась работа среди взрослого населения.

В константинопольской печати с удовлетворением отмечалось, что наконец и в Македонии появились признаки развития по пути к “общему прогрессу”, что и здесь, хотя и позднее, чем в Болгарии и Фракии, “блеснуло просвещение”⁹⁰.

Несмотря на то, что развитие светской народной школы в Македонии ко второй половине 70-х годов XIX в. значительно продвинулось вперед, в целом положение народного просвещения не было блестящим. Сеть школ охватывала преимущественно города и лишь частично села. Основная масса крестьянства по-прежнему оставалась неграмотной. Интересна в этом плане характеристика состава отрядов Илю Малешевского и Г.Раковского, вхо-

дивших в первый Болгарский легион, данная известным болгарским буржуазно-либеральным деятелем того периода Ив. Касабовым. По его словам отряд Илю в большинстве своем состоял из македонцев, которые ходили с четой по Македонии, людей очень суровых и почти неграмотных⁹¹; в отряде же Раковского были молодые люди только из северной и южной Болгарии, которые почти все были грамотны и развиты⁹².

И более поздние отзывы об уровне развития македонских крестьян были безрадостны. Охридский экзархийский митрополит Синесий, в 1891 г. объехавший Охридскую, Флоринскую, Демир-Хисарскую, Крушевскую и другие нахии, вынес впечатление о “непроходимом невежестве” среди сельского населения названных районов⁹³. Исключение, по его словам, составляли только крестьяне, уходившие на заработки в Константинополь и соседние земли⁹⁴.

Помимо активного греческого противодействия, развитие народного просвещения в Македонии задерживалось слабой материальной базой большинства местных общин, которые не могли выделить достаточно средств на образование. Поэтому, многие македонские училища были бедны, не имели необходимых библиотек, везде чувствовался недостаток учебной литературы⁹⁵.

Македонцы обращались за помощью к России, Сербии, Болгарии. Из России в Македонию в разные годы были направлены отдельные комплекты книг, денежные субсидии. В 1860 г. “Славянской школе в Кукуше” было направлено 100 дукатов и сообщено, что эта сумма будет выдаваться школе в течение 5 лет⁹⁶. С конца 1864 г. школе в Охриде была выделена постоянная ежегодная субсидия в размере 300 руб., благодаря которой школа могла существовать. Есть данные о выплате этой субсидии до 1885 г.⁹⁷. В разное время для Салоник были выделены суммы Азиатским департаментом и СПб. славянским комитетом соответственно 100 червонцев и 200 рублей. Просьбы различных македонских общин о разрешении провести в России сбор средств в пользу бедных славянских училищ не всегда удовлетворялись.

Родственная русская культура была опорой для македонских просветителей в их борьбе с греческим засильем. С конца 40-х годов появляется, а после Крымской войны усиливается тяга среди молодежи к получению высшего образования в России. И если прежде для македонцев в этом плане звучали только Афины и Янина, то теперь притягательными стали Киев, Москва, Петербург и другие города России. Питомцы русских учебных заведений сыграли существенную роль в становлении народного образования в Македонии.

По-прежнему продолжались контакты с Сербией. Начиная с 50-х годов XIX в. за помощью к Сербскому княжеству - первому самостоятельному

славянскому государству на Балканах - обращаются общины Скопье, Де бара, Велеса, Струмицы, Тетова, Салоник. В Македонию из Сербии приходят посылки с учебниками, различными книгами, приезжают учителя (сербские учителя были в Велесе, Прилепе, Кичево и в некоторых других городах). Постепенно усилился приток молодежи в сербские учебные заведения. К концу 60-х годов XIX в. в последних обучались юноши из всех районов Македонии⁹⁸.

При этом следует отметить, что сербское влияние в Македонии до середины 60-х годов в целом не было враждебно Болгарии⁹⁹. Сербские правительственные и общественные круги на данном этапе разделяли взгляды болгарских политических деятелей на Македонию, как на одну из болгарских земель (наряду с Мизией и Фракией). Их главные усилия, как и болгарской стороны, были направлены на то, чтобы вырвать македонских славян из-под греческого влияния, помочь им доказать всему миру, что они славяне, а не греки. Именно так и формулировал свои задачи Стефан Веркович, выполнявший с 1862 г. функции постоянного сербского политического агента в Македонии: "Чтобы македонские славяне при решении восточного вопроса были признаны за славян, а не за греков"¹⁰⁰.

Но с конца 60-х годов сербское правительство отступает от своей внешне нейтральной позиции и развертывает борьбу против болгарского влияния в Македонии. В августе 1868 г. Регентство создает специальный Комитет для помощи сербскому просвещению в европейских провинциях Турции. Сербские правительственные круги хотели при его посредстве учредить в Македонии и Старой Сербии сеть своих училищ до сформирования экзархии¹⁰¹. В ответ болгарские газеты и в частности газета "Македония" ополчаются против всяких контактов с сербами, призывая македонцев отказаться от сербских книг, учителей и т.д.¹⁰².

С середины 60-х годов значительно усиливается поток болгарской литературы, поступающей в Македонию. Нарастает количество учителей, приезжающих из Болгарии - Н. Еничерев, Ст. Салганджиев и многие другие. В их задачу входило не только обучать грамоте, но и внушать населению, что болгары - сыны одного отечества, что все они единокровные братья и т.д.¹⁰³. Постепенно централизовалась денежная помощь македонским училищам - от отдельных пожертвований со стороны частных лиц (А.Тошков и др.), до более регулярной поддержки со стороны константинопольских организаций: "Читалища", "Македонской дружины" и, наконец, экзархии. Последняя с 1881 г. берет в свои руки руководство и верховный надзор над македонскими школами"¹⁰⁴.

Усилившиеся культурные связи с Болгарией обнаружили любопытные явления: настойчивое стремление части македонской буржуазии и интелли-

генции (в основном в западной и южной Македонии) сохранить в общем процессе свою индивидуальность и даже добиться ее отражения в общеполитическом масштабе. Это проявилось в вопросе о языке, в отношениях с экзархией, в реакции на наплыв учителей из Болгарии.

В Македонии проявилась также стойкость местных говоров, не подчинившихся взятому в Болгарии направлению на ориентацию на северо-восточные говоры, как основу складывавшегося болгарского литературного языка¹⁰⁵. На протяжении всего рассматриваемого периода в школьной практике Македонии, несмотря на отдельные нюансы, преобладающее значение в целом сохраняли местные диалекты, особенно в начальных училищах, которые не финансировались экзархией (последняя финансировала только гимназии).

Стремление экзархии подчинить своему контролю деятельность македонских общин в школьном вопросе с самого начала встретило противодействие со стороны самих общин и местного учительства. Ряд общин, причем таких городов как Прилеп, Штип, Велес, не хотели подчиняться экзархии, ревниво отстаивая свою прежнюю автономию в учебных делах. Например, прилепская община избегала даже формальных связей с экзархией, отказываясь подчиняться экзархийским инструкциям, давать ей сведения о количестве учеников, учебной работе по полугодиям и т.п. В ответ экзархия грозила лишить прилепские училища субсидий. Все это, по словам Хр. Шалдева, привело к тому, что в период с 1877/78 годов учебная жизнь в прилепских школах не была нормальной¹⁰⁶. Школьное настоятельство города Штипа вообще не хотело принимать никакой помощи от экзархии¹⁰⁷.

Помимо трений с экзархией, имелись, по-видимому, трения между местными учителями и преподавателями, прибывавшими из Болгарии. Во всяком случае, попытки Н. Еничерева собирать ежегодно в Прилепе съезды учителей не имели успеха. Так, в 1871 г. в Прилеп на задуманный им съезд прибыли из ряда городов - Битоля, Крушево, Велеса, Радовиште, Охрида - главным образом работавшие там учителя из Болгарии. Гр. Прличев¹⁰⁸, приехавший позже всех, поссорившись с организаторами съезда, тут же уехал. Н. Еничеров писал по этому поводу: "Не знаю, почему, но местные македонские учителя не смотрели благожелательно на эти прилепские собрания и ни один из них не только не принял в них живого участия, но даже не присутствовал!"¹⁰⁹.

Приведем еще пример. В 1871-73 годах в Велесе разгорелась борьба за место главного учителя в местной школе между И. Ковачевым, уроженцем Штипа и В. Поповичем, по-видимому, ставленником экзархии. Для успокоения умов экзархия решила послать в Велес "самого влиятельного болгарина" - П.Р. Славейкова. Он стал советовать оставить в Велесе Поповича, а

И. Ковачева рекомендовать другой общине. Однако миссия П.Р. Славейкова не увенчалась успехом: один из местных учителей заявил Славейкову, что его никто не звал, пусть лучше свои советы держит “для своих шопов”. Славейков покинул собрание и вернулся в Константинополь¹¹⁰.

Добавим, что после создания экзархии греко-фанариотские круги усилили эллинистическую пропаганду в Македонии, оказывали сопротивление распространению славянской грамотности среди македонского населения. В начале 70-х годов греческие националистические круги распространили сеть своих специальных обществ-силогосов на Македонию. Силогосы были созданы в Салониках, Сересе, позднее в Водене с целью распространения греческой культуры, подготовки греческих учителей в македонские школы. Они помогали деньгами и книгами прежним греческим школам и открывали новые. Сересский силогос патронировал учебные заведения Каваллы, Епиджи, Мелника, Неврокопа и их окрестностей¹¹¹. Силогос, находившийся в Салониках, следил за состоянием учебных дел в Водено, Гюмендже, Енидже-Вардаре, Ниусте, Струмице, Дойране, Велесе, Прилепе, Костуре, Крушево и Охриде¹¹².

Македонские силогосы подчинялись Афинскому силогосу, откуда получали деньги и книги. Кроме того, их субсидировали греческие буржуа Вены, Константинополя, Одессы, некоторые афонские монастыри¹¹³.

Главное внимание Сересский и Салоникский силогосы обращали на распространение своих училищ в селах. Нерешенность церковного вопроса в Македонии давала греческой партии полный простор и свободу действий среди неграмотной массы сельского населения, у которой “чувство национального сознания” проявлялось еще “весьма слабо и смутно”¹¹⁴.

Получал помощь и Битоль. Греческие силогосы в Афинах и Константинополе присылали сюда ежегодно для пособия греческим школам не менее 120 лир (до 700 руб.)¹¹⁵.

С конца 60-х годов с претензиями на защиту интересов владшского населения Македонии выступила Румыния. С этого времени в Македонии начинается румынская пропаганда, открываются румынские школы для владхов.

Соперничество Греции, Болгарии и Сербии, включение в этот спор Румынии, незаконченность церковно-культурной борьбы с греками, деятельность католической и протестантской пропаганды, местные противоречия превратили к началу 70-х годов Македонию в арену сложных национальных¹¹⁶ и религиозных противоречий.

Македония являлась спорной территорией еще в период средневековья. Она переходила от одного государства к другому - Византии, Болгарии, Сербии. Турецкое завоевание прервало борьбу за власть над Македонией. С укреплением балканской буржуазии, старые страсти, но на другой основе,

возродились снова. В свои планы внешнеполитической экспансии национальные буржуазные идеологи Греции, Сербии, Болгарии стали включать Македонию.

Зыбкость национальных представлений у значительной массы македонского населения создавала благоприятную почву для борьбы различных национальных течений за влияние в Македонии.

Однако, до русско-турецкой войны 1877-78 гг. македонский вопрос относился к внутренним делам Турции и не был еще поставлен в повестку дня международных отношений¹¹⁷.

* * *

Антифанариотское и культурно-просветительное движение породило народных будителей и просветителей, которые стремились вывести население из невежества. Одновременно пробудился всесторонний интерес к народу, его прошлому и настоящему, к его языку, быту и культуре. Одним из первых деятелей такого рода в Македонии был Йордан Хаджи Константинов (ок. 1818-1882), которого местное население называло Джинотом. Он сыграл большую роль в период Возрождения, был известен в Македонии повсюду и пользовался всеобщим уважением. Экзальтированный патриот, Джинот был учителем, агитатором, проповедником, писателем, собирателем древностей, фольклора и т.д.¹¹⁸.

Образование он получил в Велесе и в Самокове, продолжил его в Салониках в греческом училище, но, в отличие от большинства своих современников, не стал эллинофилом, хотя, как человек своего времени, хорошо владел греческим языком (знал также сербский и русский). Деятельность свою начал на рубеже 40-х годов в родном Велесе, в 1848 г. перебрался в Скопье, где долго работал и "создал там эпоху"¹¹⁹.

Джинот был хорошим учителем, много знал, много читал, имел хорошую библиотеку. Его училище получило известность, в него собирались дети из окрестных городов и местечек: Тетово, Куманово, Дебара, Реки, Призрена¹²⁰. В Скопье он ввел передовую для его времени ланкастерскую систему взаимного обучения, продолжал пользоваться учебными таблицами, составленными им на велесском народном говоре и т.п. В 1852 г. Джинот опубликовал полную учебную программу скопского училища. Для нас в ней наиболее интересны данные о преподавании языков. Приведем соответствующие выдержки из названной программы. Разделы:

а) маленькие дети - Букварь. Славянские пословицы.

б) дети среднего возраста - Букварь. Славянские разговоры... Сербские имена (сербский язык)... Русский пространный катехизис... Слова сербские, славянские и русские с правилами.

в) Первые (самые большие дети) - Грамматика... Славянская грамматика... Словарь 500 слов славяно-русско-болгарские с этимологией. Болгарские слова со славянско-грамматическим склонением¹²¹.

В Скопье Джинот развил весьма многостороннюю деятельность. Помимо работы в школе, он каждое воскресенье и праздник проповедовал в церкви, а после литургии собирал граждан в училище, где произносил перед ними речи, в большинстве случаев иносказательные, с патриотическим содержанием. Его восторженные проповеди увлекали молодежь.

Проповеди Джинота сосредотачивались вокруг проблем веры, народности и нравственности. На первое место в своих проповедях он ставил народность. Согласно его словам тот, кто отрекается от своей народности, не может быть хорошим человеком (многие из проповедей Джинота были напечатаны в газете "Цариградски вестник"). Помимо проповедей Джинот воздействовал на горожан и другими путями. Он сочинял небольшие сценки патриотического содержания, которые его ученики разыгрывали после окончания церковной службы¹²².

Джинот называл Македонию славяноболгарской или болгарской страной, себя считал болгариним, как и всех македонцев. По его словам, он с 18 лет начал любить "род наш болгарский"¹²³. Джинот восхвалял имя болгарина различными способами, гордился им и хотел, чтобы другие следовали его примеру. Вместе с тем он с сожалением констатировал, что в отличие от "Верхней Болгарии" (т.е. Придунайской) население "Нижней Болгарии" (т.е. Македонии) и части Албании "окончательно потеряно": это ни болгары, ни греки, ни влахи, ни албанцы, ни сербы, а особенно в Охриде, Велесе, Прилепе, Штипе, Скопье, Призрене, Приштене, Вране, Лесковце, Нише. "Боже, сохрани и сделай милость просвети их, - восклицал Джинот, - потому что они не знают, что делают!"¹²⁴. В другой, более поздней статье, он отмечал, что в "несказанной беде" - в "величайшем невежестве" находятся "дебарские болгары"¹²⁵.

Впечатления Джинота основывались на личных наблюдениях. В 1846 г. он обошел всю Македонию, посетил Велес, Скопье, Охрид, Дебар, Штип, Кратово, Куманово, Радовиште, Струмицу, Мелник, Неврокоп и ряд других городов и местечек. Сведения, собранные им во время этого путешествия, послужили основой для краеведческих статей, опубликованных в газете "Цариградски вестник" в начале 50-х годов¹²⁶.

Эти статьи и другие материалы, опубликованные Джинотом, обнаруживают нечеткость этническо-языковых представлений Джинота. Так, Скопье

Джинот называл старосербским городом, Велес, Прилеп он тоже относил к сербским городам, но население их считал болгарским¹²⁷. Язык велешан Джинот называл “болгаро-сербским (славянским)”¹²⁸. Заметим, что термин “Славянский” Джинот широко употреблял при этническо-языковых характеристиках. Эти особенности словаря Джинота отражали не только неразвитость процесса становления национального самосознания славянского населения, но и влияние сербской историко-культурной традиции, которая в северо-западных македонских районах была весьма ощутима.

Джинот любил сербов, в своей педагогической практике пользовался сербской литературой, обучал детей сербскому языку, имел сношения с некоторыми сербскими учеными, писал в “Гласник србске књижевности”, в минуту опасности искал в Сербии убежища¹²⁹. Вместе с тем это не было сербофильством, как позднее считали некоторые болгарские ученые. Джинот опирался на Сербию, как на родственную свободную страну, достигшую больших успехов, чтобы использовать ее достижения в своем родном крае. На данном этапе развития это было вполне закономерно. Вспомним, что в свое время, главным образом до Крымской войны, сербская литература, вместе с русской книгой, удовлетворяла нужды просветительского движения в Болгарии, а также помогала ускорению культурного развития болгарской патриотической интеллигенции¹³⁰.

В Скопье Джинот сгруппировал вокруг себя наиболее активных горожан, которые каждый вечер собирались у него дома. Здесь Джинот развивал свои своеобразные теории о древних болгарях, с которыми Александр Македонский покорил весь мир, ибо по представлению Джинота, болгары были известны на Балканском полуострове за 2000 лет до н.э.¹³¹.

Помимо основных обязанностей Джинот любил заниматься древностями. Он объезжал монастыри и искал древние рукописи. Многие из собранных материалов он отсылал в сербскую народную библиотеку¹³². Если верить отзыву А.Гильфердинга, посетившего в 1857 г. Сербию, то рукописи, найденные Джинотом, на каком то этапе были первыми и единственными материалами такого рода в Белграде. Вот что писал о своих впечатлениях по этому поводу в одном из писем известный русский ученый - славист: “...Никто в Сербии не подумал еще о необходимости собирать и сохранить рукописи, которых, вероятно, немало разбросано по церквям и монастырям княжества и гниет в неизвестности. Единственные исторические материалы, какие я нашел в Белграде, получены случайно от одного школьного учителя в турецком городе Скопле (Ушкюбе), занимающегося по охоте собиранием древностей. Замечательно, что эти материалы относятся не к сербской, а к болгарской истории. Я не замедлил войти в сношение с упомянутым собирателем и надеюсь получить от него какие-нибудь любопытные рукописи”¹³³.

И в "Цариградский вестник" помимо многочисленных корреспонденций всякого рода (описания городов, монастырей, поучительных диалогов и др.) Джинот направлял сведения о древних рукописях, публиковал некоторые из них¹³⁴.

Культурно-просветительная деятельность Джинота, его борьба против греческого епископа, побудили последнего энергично действовать против опасного учителя. Для очернения Джинота в глазах турецких властей были использованы его связи с местными торговцами братьями Поповичами, поддерживавшими какие-то отношения с Одесской болгарской колонией и пользовавшимися вдобавок русским покровительством (в 1850 или 1851 году один из братьев был назначен почетным русским консулом). В разгар Крымской войны епископу удалось добиться устранения Джинота из общинного училища, несколько позднее - в начале 1857 г., обвинив его в антиправительственных действиях, добиться его высылки из города¹³⁵.

Выехав из Скопье, Джинот направился в Белград, но через месяц вернулся в Скопье. Он тут же был арестован, выслан сначала в Призрен, а затем в Битоль со строгим приказанием не возвращаться на прежнее место жительства¹³⁶.

Несколько лет Джинот работал в Битоле и Велесе. В 1860 г. он был обвинен в антиправительственных связях с Сербией и в подготовке восстания против Турции. Последовал новый арест и высылка в Малую Азию¹³⁷. Вернувшись из ссылки, Джинот снова учителствует, но прежнее его влияние было потеряно. На первый план выдвинулись представители уже другого поколения.

Но самую решающую роль в период возрождения в Македонии сыграл Димитрий Миладинов (1810-1862). Путь его развития от учителя-эллиниста до крупнейшего славянского просветителя и народного будителя был характерен для большинства интеллигенции Македонии того времени. В годы ученичества не только Димитрия, но и его младшего брата Константина (1830-1862) господство греческой образованности было полным - греческий язык проник даже в килийные училища. Образование стремились получить в греческих гимназиях и университетах. Д. Миладинов тоже три года учился в Янине (1833-1836) и вышел знатоком-филологом: прекрасно изучил древне и новогреческий языки, хорошо знал итальянский, понимал и французский¹³⁸.

Идейное развитие Д. Миладинова одно время трактовалось слишком прямолинейно: сначала фанатик-грекофил, а после 1856 года не менее экзальтированный защитник славянства. Затем, начиная с работ М. Арнаудова¹³⁹, И. Хаджева¹⁴⁰, побеждает более верная точка зрения о по-

степенном идейном перерождении Д. Миладинова под влиянием целого ряда перекрещивающихся факторов.

Большое влияние на Д. Миладинова оказала встреча с В. Григоровичем, в 1845 г. посетившим Охрид. Русский ученый пробудил у Миладинова интерес к народному творчеству, народному языку, посоветовал ему собирать песни, а также написать грамматику стружского говора¹⁴¹.

С годами славянское чувство у Миладинова крепнет. Он переводит некоторые церковные молитвы на “народный язык”, но записывает их греческими буквами, чтобы их могли прочесть и произнести священники¹⁴². В 1848 г. Д. Миладинов делает первую попытку ввести в процесс преподавания в греческих училищах доступные народные говоры. Он говорил своим ученикам: “Любезные чада! Я учу вас на чужом языке, но несправедливо это учение... Никто нигде не получает начального образования на чужом языке, а учится на своем материнском и отцовском”¹⁴³.

Эта попытка, как и переводы церковных молитв, стала причиной столкновения Миладинова с греческим епископом и его приспешниками, в результате чего “смутьян” покинул Охрид и на некоторое время обосновался в с. Магарево. В воспоминаниях ученика, а впоследствии зятя Д. Миладинова Кузмана Шапкарева говорится, что только здесь у Миладинова немного “пробудилось чувство народное”¹⁴⁴. Но, как свидетельствуют вышеприведенные данные, это пробуждение началось несколько раньше.

С переездом в 1852 г. главным учителем в центральное греческое училище в Битоле Миладинов уже полностью проявляет себя “как славянист, а иногда даже и как фанатик”¹⁴⁵. Наблюдая расцвет образования в соседнем Сербском княжестве, Д. Миладинов не мог не мечтать о культурной свободе, о национальной школе и у себя на родине. Об этом свидетельствует его письмо Александру Экзарху от 20 августа 1852 г. В письме Миладинов восхищался успехами потомков Стефана Немани. Он мог это делать откровенно, ибо в его время культурные и политические связи между болгарами и сербами носили дружественный характер, сербы помогали болгарам в борьбе против высшего греческого духовенства, националистической греческой буржуазии и турецких порабитителей¹⁴⁶.

На Д. Миладинова не могли также не оказать влияние корреспонденции Й. Константинова Джинота в “Цариградском вестнике” за 1851-1852 годы, в ряде которых последний в духе Паисия восхвалял свою народность. В одной из них (от 21 июля 1851 г.) он заявлял: “Стыдно болгарину отказываться от своего рода и языка... Я сам болгарин, плачу о наших потерянных болгарях, которые находятся в Нижней Мизии, поэтому мы должны жертвовать собой за братьев наших, пресладких болгар!”¹⁴⁷.

Этот призыв, пессимистическая характеристика Джинотом славянского населения большинства городов Македонии как “потерянных болгар” могла служить для Д.Миладинова укором, что он бездействует в такой решительный момент¹⁴⁸. Во всяком случае упомянутое выше письмо Александру Экзарху свидетельствует о вполне уже осознанном стремлении Д.Миладинова к “славянскому прогрессу”, на пути которого, как следствие “других препятствий”¹⁴⁹, стояло греческое духовенство, яростный противник славянской культуры. Миладинов писал о необходимости борьбы против повсеместного распространения греческого языка и греческого влияния, сообщал А.Экзарху о первых шагах в этом направлении, предпринимаемых под его воздействием в родной ему Струге¹⁵⁰.

Письмо Д. Миладинова свидетельствовало также о появившейся у него вере в Россию и надежде на ее помощь славянским народам. Он называл ее “всеблистающей северной звездой”, предопределенной богом указывать путь “единородцам”. Миладинов видел в ней силу, способную “разбить прогнивший череп аномалии и разогнать мглу”, которая задерживала движение вперед¹⁵¹.

Итак, еще задолго до поездки в сербские земли в 1856 г. у Д. Миладинова начался отход от эллинофильства. Упомянутое путешествие явилось не переломным моментом во взглядах Миладинова, а завершающим этапом в формировании его нового мировоззрения.

С 1856 г. Д. Миладинов выступает как самоотверженный народный деятель. Он стремится пробудить у славянского населения национальное сознание, оградить народ от эллинизации, показать миру, что Македонию населяют не греки, а “македонские болгары” (“славяноболгары”, “болгаромакедонцы”).

Главной ареной национальной борьбы Д. Миладинов считал народную школу и церковь. Он видел как отстала Македония от болгарских земель в вопросах просвещения на родном языке. Трудности еще усиливались тем обстоятельством, что, если в Болгарии переход к национальному образованию произошел в результате сравнительно длительного предшествующего развития, то в Македонии он происходил вследствие резкого разрыва с греческой школой¹⁵².

Церковь в Македонии испытывала те же трудности, что и в школах: не было богослужебных книг, не было священников, умеющих читать по-славянски.

Исходя из насущных задач культурно-просветительного движения, Миладинов уделял много внимания внедрению народного и церковно-славянского языков в школы и церкви, обучению не только детей, но и взрослых (в том числе священников), подготовке из среды “Самих чад Ма-

кедонии” новых кадров учителей, способных бороться за национальные идеалы¹⁵³. Он отговаривал молодежь от поездок в Афины для получения образования, направляя их внимание к России, болгарским училищам в Константинополе и самой Болгарии¹⁵⁴. В 1856 г. Д. Миладинов посылает в Россию своего брата Константина, а в 1858 г. собирает целую группу молодежи: Р. Жинзифова, К. Станишева, Н. Делииванова и др. из различных городов Македонии. “Восемь болгаромакедонцев, собранные мною юноши, скоро уезжают на учение и нравственное перевоспитание в Одессу”, - писал он в апреле 1858 г. известному русскому ученому П.И. Севастьянову¹⁵⁵. Новую традицию - отъезда молодежи в Россию - Д. Миладинов поддерживал до самой своей трагической смерти.

Уезжавшие обычно брали обязательства после завершения образования вернуться на родину и работать на ниве просвещения, но возвращались далеко не все.

Направляя юношей в соседние славянские страны, Д. Миладинов мечтал и в самой Македонии создать учебные заведения более высокого типа, чем местные народные школы, дававшие только начальное образование. Он замыслил открыть в Кукуше “центральную славянскую гимназию” для трех сопредельных каз: Аврет-Хисарской (гл. город Кукуш), Полянской (гл. город - Дойран), Карадагской (гл. город - Снежес) - на север от Кукуша как “крепость против грекомании”, а также гимназию в Битоли или Охриде “для нравственного славянского развития”.

Деньги для создания гимназии в Кукуше Д. Миладинов надеялся получить в России, направив туда ходатаями специальную делегацию от заинтересованных общин¹⁵⁶. Хотя идея Миладинова о создании гимназии не была осуществлена из-за его внезапного отъезда из Кукуша (в связи с принятием жителями унии, которой Миладинов не одобрял), субсидии из России на развитие славянского образования в Кукуше были получены¹⁵⁷.

Д. Миладинов в своей деятельности шел, так сказать, по магистрали народного движения: народное училище, народная церковь, народное учительство и народное духовенство. Он хорошо понимал, что борьба, которая поднималась, была в сущности политической борьбой, жизненно важной для всего последующего развития. Основной силой этой борьбы он считал народ. Поэтому главное внимание Д. Миладинов обращал на работу среди народных масс: просвещал, будил сознание, заснувшую энергию, дремавшие силы. Именно как народный деятель он произвел неизгладимое впечатление на А.Рачинского, зимой 1858 г. посетившего Кукуш¹⁵⁸.

Д. Миладинов стремился привлечь к участию в культурно-просветительном движении возможно более широкий круг передовых представителей интеллигенции Македонии и торгово-ремесленной буржуазии. У

него сложились прочные и широкие связи в большинстве городов Македонии, в первую очередь в ее западных и южных районах. В Битоли, Охриде он поддерживал постоянные контакты с братьями Робевыми, Паунчевыми, Кацкаровыми, в Кукуше - с Нако Станишевым; в Салониках - с печатником Кирияком Даржиловичем, его братом Константином Дингой, сыном последнего Георгием. В Струге, Галичнике, Дебаре и других местах имелись аналогичные знакомства¹⁵⁹.

Д. Миладинов вел переписку и со Стефаном Верковичем, сыгравшем видную роль в развитии возрождения в Восточной Македонии.

Помимо разносторонних связей внутри Македонии Д. Миладинов поддерживал постоянную переписку с болгарской колонией в Константинополе, посылал корреспонденции в газеты "Цариградски вестник" и "Дунавски лебед", имел устойчивые контакты с русскими учеными, общественными деятелями, дипломатами, некоторые связи с Сербией. Поддерживал отношения с поляками - эмигрантами¹⁶⁰.

Идея служения народу обусловила возросший после 1856 г. интерес к памятникам старины и народному творчеству. Д. Миладинов с увлечением отыскивал старинные рукописи, монеты, усиленно и старательно записывал народные песни, пословицы, поговорки и т.д. Часть своих находок Д. Миладинов пересылал в Сербию, русским ученым П.И. Севастьянову, А.Ф. Гильфердингу¹⁶¹. Образцы народного творчества - "остатки потерпевшего кораблекрушение нашего материнского языка"¹⁶², собранные вместе с братом Константином, Д. Миладинов мечтал издать в виде отдельного сборника¹⁶³.

Для московского славянофила Я.Ф. Орла-Ошмянцева Д. Миладинов в 1857 году составил подробное описание Македонии, посылал ему также и этнографические материалы¹⁶⁴. Ст. Верковичу он направил географическо-статистические данные об Охридской и Ресенской казах¹⁶⁵.

Считая македонцев частью болгарского племени, стремясь распространить среди македонцев сознание об общеполгарском единстве с тем, чтобы добиться слияния "так разъединенных" ("тъй раздалечени") частей одного и того же народа, Миладинов действовал прежде всего на широкой славянской основе. Как показывает анализ сохранившейся части эпистолярного наследия Д. Миладинова, в его пропаганде на первом месте стояли мотивы славянские, а уже затем конкретно-национальные. Особенно характерно в этом отношении письмо Д. Миладинова, направленное им в октябре 1857 г. из Струги жителям Кукуша, приглашавшим его учителем в новое общинное училище. Он писал, что "с восторгом" узнал об их чувствах "относительно славянства", о решении учиться "славянскому языку", подчеркивал, что "наш славяно-пелазгический язык один из самых древних и богатых язы-

ков". Он учил кукушан показывать грекоманам "грудь славянскую", говорил об окрестном населении, как о славянах, писал о славянских чувствах, славянском духовенстве, славянских книгах. Призывал собирать "мысли и идеи сначала славянские, а потом и других языков"¹⁶⁶. Советовал также указывать на успехи других славянских народов. "Пальцем показывайте грекам славянских филологов, физиков, математиков и других ученых в России, Чехии, Далмации, Польше, Галиции, Словении, Хорватии"¹⁶⁷.

Следует обратить внимание также на то обстоятельство, что наряду с термином "болгарин" (в местном произношении "бугарин" "болгарин" и производными от него), Миладинов широко пользовался такими определениями как "пелазго-славянский народ", "славяноболгары", "болгаромакедонцы", "македоноболгары", "македонские болгары", "чада македонские" и т.д.¹⁶⁸. В письмах к Севастьянову (1858 г.) Д. Миладинов писал, например, о намерении своего брата издать в первую очередь "болгаро-македонские песни, сказки, пословицы и загадки"¹⁶⁹. Об образцах народного творчества, собранных им самим в Охриде, Струге, Костуре, Битоли, Велесе и Кукуше, Д. Миладинов писал, что все они - "македоноболгарские"¹⁷⁰.

Язык местного населения Д. Миладинов чаще всего называл славянопелазгическим, народным языком, материнским или отцовским, разговорным языком и т.д.

Приведенные примеры наглядно опровергают утверждение Н. Трайкова, что братья Миладиновы всегда называли собранные ими песни только "болгарскими"¹⁷¹. Также несостоятельно и другое утверждение Н. Трайкова, что Д. Миладинов никогда не употреблял слова "Македония", не прибавляя при этом прилагательного "болгарская"¹⁷². Оно, как и первое, не выдерживает проверки путем анализа писем, самим Трайковым собранных и опубликованных. Именно просто термин "Македония" как территориально-географическое понятие чаще всего употреблял Миладинов, используя и другие определения как "Македоно-Болгария", "Македонская Болгария" и т.п.¹⁷³.

Идеи славянской общности, характерные для мировоззрения Д. Миладинова, были двоякого происхождения. Будучи человеком большой культуры, владея несколькими языками, следя за болгарскими, сербскими, греческими и другими газетами, общаясь с большим количеством самых различных людей, в том числе с В. Григоровичем, московскими славянофилами А.В. Рачинским, Е.П. Южаковым, с учеником и последователем Людевита Гая Ст. Верковичем, Антуаном Михановичем и другими, Д. Миладинов не мог не познакомиться с популярными тогда в России и на Балканах теориями славянского единства. О том, что Д. Миладинов был "поклонником всеславянского единения" и действовал на "широкой славянской основе"

писали М. Арнаутов¹⁷⁴, Ив. Хаджов¹⁷⁵, наиболее всесторонне исследовавшие жизнь и деятельность братьев Миладиновых.

Кроме того, и это было, пожалуй, главным, основная масса славянского населения Македонии была еще крайне недеференцирована в национальном отношении. Для неграмотного крестьянина, мелкого ремесленника и торговца на данном этапе национального пробуждения пропаганда славянства в противовес эллинизму была ближе и понятнее других дефиниций. Д. Миладинов, все свое время проводивший в гуще народа, не мог не чувствовать этого. К тому же он сам во многих отношениях еще не преодолел местного автономизма, о чем свидетельствует его терминология, исторические представления, настойчивость, с которой он преподавал и писал на стружском народном говоре.

Летом 1859 г., уехав из Кукуша, где он работал около двух лет (1857-1859), Д. Миладинов обосновался в Струге. Он не ограничился просветительской деятельностью в родном городе, но активно занимался просветительством и в Охриде. В обоих округах он помимо всего прочего руководил борьбой против назначения епископом в Охрид всем ненавистного Мелетия. В этой обстановке Миладинов с особенной радостью воспринял известие о первом в Македонии назначении на епископскую кафедру местного уроженца Парфения Зографского¹⁷⁶.

Эта победа пробудила у него желание расширить свою деятельность по просвещению народа. Он хотел обойти “всю Македоно-Болгарию” с целью “высечь несколько искр и зажечь огонек и мало-по-малу разогреть замерзшую кровь славянскую”¹⁷⁷. Но он не располагал необходимыми для этого средствами (“сум слап от трошак”). При посредничестве своего знакомого иеромонаха Климента он надеялся получить необходимую помощь, чтобы “пройти повсюду и найти сторонников там, где и не надеешься”¹⁷⁸. Все эти мысли были изложены в письме от ноября 1859 г. к упомянутому Клименту в Дойране. 12 декабря 1859 г. Миладинов снова написал последнему. Затрагивая массу вопросов, связанных с “народными делами”, Миладинов снова подчеркивал, что ему нужно обойти всю Македоно-Болгарию”, на что потребуется до трех месяцев. Просил помощи игумена только на дорожные расходы¹⁷⁹.

По-видимому, о стремлении Д. Миладинова обойти всю Македонию стало известно лидерам болгарской колонии в Константинополе. Вряд ли просто счастливым совпадением можно считать обращение к Миладинову из Константинополя (6 февраля 1860 г.) с предложением принять участие в сборе денег на строительство болгарской церкви в столице Османской империи¹⁸⁰. Получив согласие Миладинова (в письме от 4 марта), представители болгарской колонии в Константинополе выслали ему рекомендательные письма патриархии в различные епархии, тетради для записи пожертвований¹⁸¹.

В течение 5-ти месяцев (май-сентябрь 1860 г.) Д. Миладинов объезжал города Македонии. Охридчанин Ефим Спространов свидетельствовал позднее, что Миладинов согласился объехать Македонию далеко не ради сбора денег для Константинополя, а для того, чтобы пробуждать народ и сеять “добрые семена и мысли”. Рекомендательные письма от церковных властей были для него средством, позволявшим маскировать истинные цели¹⁸². В своей пропаганде Д. Миладинов обличал злоупотребления греческого высшего духовенства, говорил о необходимости иметь пастырей из рядов собственного народа (“от народността ни”), вводить в училищах в церквях родной язык (“майчинийт ни язык”)¹⁸³. Попутно он собирал деньги, покупал старинные книги и рукописи.

В своих беседах перед широкой публикой Миладинов никогда не затрагивал политических вопросов, ограничиваясь лишь проблемами духовного освобождения и препятствий, стоявших на пути к нему. Но, если он не призывал население к политическому протесту, то, вопреки уверениям К. Шапкарева, по-видимому, думал о нем. Более близок к истине, пожалуй, М. Арнаудов, который считает, что Д. Миладинов в своей экзальтации не всегда соблюдал осторожность в беседах с представителями интеллигенции, выражая надежды на помощь России и т.п.¹⁸⁴

Чувства к России, надежды при ее помощи “разбить оковы закоренелого невежества”, высказанные Д. Миладиновым в 1852 году, со временем еще более окрепли. В письме из Кукуша от 27 мая 1859 года он писал о России, как о могущественной защитнице и покровительнице православия на земном шаре¹⁸⁵. В письме из Струги в ноябре 1859 г. Миладинов называл Россию “наша великая мать”¹⁸⁶. По-видимому, близкими к этим чувствам были и его высказывания во время последнего путешествия по Македонии.

Поездка Д. Миладинова дала решающий козырь в руки его врагов, давно с неприязнью следивших за деятельностью бесстрашного проповедника славянства. Еще в 1856 г. Миладинов был обвинен как русский агент и взят под стражу. Но тогда ему удалось оправдаться¹⁸⁷. Следующий удар последовал из Афин. В октябре 1858 г. в одной из афинских газет появилась статья некоего Димицы (Димзова), македонца-ренегата из Охрида, бывшего ученика Д. Миладинова. Димица, не называя имен, весьма прозрачно намекал на Д. Миладинова и Р. Жинзифова, учительствовавших тогда в Кукуше. Он называл их “орудиями панславизма”, писал, что они обманом вводят в местные училища славянский язык, склоняют молодежь для получения образования уезжать в Россию. Это было весьма ясно сформулированное обвинение в иностранной пропаганде, одинаково опасной для греко-фанариотских кругов и турецкого государства. Его хорошо запомнили те, кому это было нужно. Димица, оплакивая поставленное под угрозу положение эллинизма в Маке-

дони, предлагал изгнать виновников создавшегося положения, надеясь, что без их влияния "заблудшие" осознают свою тяжелую ошибку и вернуться в лоно эллинизма¹⁸⁸.

Греческие епископы Мелетий и Венедикт, давно настроенные против Д. Миладинова, пытались несколько раз схватить его во время последней поездки. Потерпев неудачу, они в конце 1860 г. состряпали донос турецким властям, в котором говорилось, что Д. Миладинов, учитель из Струги, не перестает обходить села и пропагандировать мирным турецким подданным восстание против султана и воссоединение с Россией, где у него находится брат¹⁸⁹. Ситуация для доноса была весьма выгодной. Положение в балканских владениях Османской империи накалялось, нарастал подъем национально освободительного движения угнетенных Турцией народов. Неблагоприятной для Порты была и международная обстановка - создавалась угроза создания международной комиссии по расследованию положения турецкого христианского населения. Все вместе взятое побудило турецкое правительство весной 1860 г. направить в балканские провинции Османской империи - Боснию и Герцеговину, Болгарию и Македонию великого визиря Кипризли-пашу со специальной миссией. Официальной целью его поездки была борьба с злоупотреблениями турецкой администрации на местах, на деле же - стремление уничтожить очаги возможных противоправительственных выступлений христиан. В Македонии во время пребывания великого визиря были произведены аресты в Битоле¹⁹⁰, в Велесе был схвачен Джинот. Завершающим и самым сокрушительным ударом был арест 16 февраля 1861 г. Д. Миладинова.

Обстоятельства ареста, суровость последующего содержания арестованного - все говорило о том, что Д. Миладинова власти рассматривают как опасного государственного преступника. "Этот Миладинов, - заявил Алипаша, - русский агент, как видно из корреспонденции и книг, захваченных при аресте и переведенных на турецкий, в этом не остается сомнений"¹⁹¹. Ни чьи ходатайства и вмешательства не помогли. После перемещения по местным тюрьмам Д. Миладинов был отправлен в Константинополь. Истощенный пребыванием в заключении Д. Миладинов не перенес тифа, которым заразился в тюрьме. В январе 1862 г. он умер в тюремном госпитале, где скончался и его брат Константин, схваченный турками при попытке увидеться с братом.

К числу выдающихся просветителей Македонии следует отнести и Стефана Верковича. Уроженец Боснии, он получил образование во францисканском училище в Сараеве и высшее философско-богословское - в Загребе. Первоначально он готовился к духовному поприщу, но позднее отказался от монашеского звания, решив посвятить себя борьбе за освобождение своей родины от турецкого ига. Будучи студентом, Веркович попал под влияние

вождя иллирийского движения Людевита Гая и стал горячим приверженцем его идей объединения южных славян, просвещения народа, разработки народного языка и поэзии¹⁹².

Проведя несколько лет в путешествиях по балканским странам, Ст. Веркович посвятил себя служению сербской политической пропаганде. В течение 1849-1850 г. он был сербским тайным агентом в Которе и Дубровнике. В 1850 г. уехал в Македонию первоначально просто как антиквар, собиратель всевозможных древностей. Первые пять лет он провел в поездках по стране, а в 1855 г. обосновался в Сересе, где прожил до 1877 года¹⁹³.

В 1862 г. он снова получил политическое задание от Гарашанина: добиваться того, чтобы македонцы в случае проведения опроса со стороны европейских государств показали, что они славяне, а не эллины¹⁹⁴. Уже хорошо зная страну и считая, что о вооруженной борьбе против турецких поработителей еще рано думать, Веркович направил свои усилия к пробуждению национального самосознания ее жителей. Наряду со своей политической деятельностью Веркович продолжал свои поиски и изучение страны¹⁹⁵.

Когда Веркович в середине 50-х годов прошлого века поселился в Македонии, то, по его словам, это была terra incognita не только для западных европейцев, но и для ближайших ее соседей - сербов. Все были убеждены в том, что Македония заселена исключительно греками, ее аборигенами, живущими в ней с незапамятных времен¹⁹⁶. Совершая многочисленные поездки по стране, ознакомившись с языком и обычаями македонских крестьян, Веркович вскоре убедился, что Македония далеко не принадлежит грекам, а населена преимущественно славянами, живущими вперемежку с турками, греками и куцовлахами¹⁹⁷. Все македонские славяне, составлявшие подавляющее большинство населения, исключительно называли себя "болгарами"¹⁹⁸. Поскольку по численности они превосходили все остальные народы, населявшие Македонию, то Веркович приложил особенное старание к изучению их быта. Лучшим способом для достижения этой цели он считал знакомство с сельскими жителями. Это знакомство с македонскими деревнями дало неожиданный результат. Веркович все более и более убеждался, что "в массе сельского населения совершенно отсутствует чувство истинного народного самосознания и гордости своим прошлым"¹⁹⁹. Веркович приводит один из примеров. На его вопрос, зачем в сельских церквях богослужения совершаются на непонятном греческом языке, а не на народном старославянском, крестьяне с удивлением отвечали: "Зачем на старославянском, не все ли равно по-гречески или по-славянски". Такие ответы Веркович получал во всех деревнях, которые он посетил в течение 1850-1860 годов²⁰⁰.

Веркович был удивлен и озадачен подобным равнодушием к столь важному вопросу. Он постоянно думал "о тех причинах, под гнетом которых

могло у болгар угаснуть чувство национального самосознания”²⁰¹. Корень всего он видит в уничтожении Охридской архиепископии и установлении власти Константинопольской патриархии. Богослужение на славянском языке было заменено греческим, масса славянских книг и рукописей была уничтожена. Открытие греческих школ в городах, местечках и больших селах довершили, по мнению Верковича, эллинизацию славянского населения. Особенно преуспели фанариоты в городах²⁰².

Веркович считал своим долгом пробудить и укрепить у македонцев чувство болгарского самосознания и славянской взаимности. Поэтому Веркович самым деятельным образом содействовал развитию в Македонии, особенно в Восточной, где он жил²⁰³, антифанариотского движения, но главное внимание он уделял просвещению народа, изучению страны, сбору ее богатого фольклора. Он снабжал училища букварями и другими учебниками из Болгарии и Сербии, церкви - богослужебными книгами из России, распространял болгарские газеты, выходившие в Константинополе (“Македония”, “Време”, “Век”, “Напредък”, “Съветник”, “Право”, “Турция”), хорватские газеты и журналы и др. Был посредником в сборе средств для училищ и церквей; добивался стипендий для молодежи в Сербии и Москве²⁰⁴.

У Верковича были широкие связи среди населения Македонии. Он вел оживленную переписку с большим кругом известных македонских деятелей: Йорданом Х. Константиновым-Джинотом, Димитрием Милadinовым, К. Шапкаревым, Нако Станишевым, А.Ф. Кушували, Георги Динковым, Димитрием Поп-Георгиевым, В. Мачуковским и многими другими. Всех его корреспондентов трудно перечислить²⁰⁵. Отовсюду он получал разнообразные материалы, статистические данные, описания различных районов Македонии. Г. Динков, “пламенный македонский патриот”, по выражению Верковича, помимо других ценных сведений, сделал полное географическое описание Македонии²⁰⁶. В предисловии к своей книге “Топографическо-этнографический очерк Македонии”, Веркович выражал благодарность “всем тем благородным македонским патриотам”, которые содействовали осуществлению его труда²⁰⁷. Заметим, что все материалы, поступавшие к Верковичу из различных пунктов Македонии, были написаны их составителями на соответствующих местных говорах, причем часто греческими буквами²⁰⁸.

Сбор географо-статистических данных о Македонии не всегда проходил гладко. Так, например, во время поездок по Македонии был арестован Г. Динков и выпущен на свободу только после тщательной проверки документов.

Русский консул в Салониках А.Лаговский в одном из своих донесений за 1863 г. писал, что Веркович “работает неустанно в пользу славян и пользуется

ся огромным влиянием не только в Сересе, но и в Салониках, Битоле и даже дальше²⁰⁹.

В ходе борьбы с греческой патриархией за народную церковь и школу одним из главнейших был, естественно, вопрос о языке. Вытеснение греческого языка из обучения, богослужения, торговли и других сфер общественной жизни было необходимым условием для формирования основ рождающегося буржуазного общества и новой светской культуры. Поэтому вполне закономерно, что в Македонии, как и в Болгарии, много внимания было уделено укреплению и развитию родного языка. По форме этот процесс проходил в рамках общеполитических усилий за создание единого литературного языка для всех болгарских земель, но с характерным для Македонии отставанием и наличием значительных местных особенностей.

Филологический спор об основе болгарского литературного языка разгорелся в 30-40-е годы прошлого столетия²¹⁰. Но тогда он не затронул Македонии. Македонские просветители первой половины XIX в. Иоаким Кочовский и Кирилл Пейчинович стояли вне этого спора²¹¹. Они не выдвигали общеобязательности языка своих произведений даже для “Дольней Мизии”, т.е. Македонии, они только старались, каждый по-своему, подойти к простому народу, поучать его на “Простейшем, некнижном языке”²¹².

Такое узколокальное развитие продолжалось довольно долго. Использование народных говоров, начатое Й.Кочовским и К.Пейчиновичем, получило бурное развитие во второй половине XIX в. в результате деятельности Й. Константинова Джинота, Д.Миладинова, Ст. Верковича и их соратников. Народные говоры широко вводились в школьную практику, использовались при переводах церковной литературы, официальных турецких документов²¹³. Но все эти народные говоры отличались большим разнообразием, обладали узкой коммуникативностью, не могли обеспечить исторически необходимой задачи преодоления остатков феодальной изолированности и сплочения народа в одно целое. Однако, ни один из упоминавшихся нами македонских деятелей, в том числе и Джинот, и Д. Миладинов не рассматривали над языковую проблему в таком плане.

Опыт Константина Петковича в 1852 г. использовавшего для поэтических образов язык, построенный на основе широко распространенных диалектных черт, в первую очередь центральных македонских говоров²¹⁴, остался неизвестен большинству его современников. К тому же Петкович действовал чисто практически, не ставя перед собой каких-либо полемических или теоретических задач.

Ученики и последователи Д. Миладинова - Парфений Зографский, Кузман Шапкарев (Пасхалов), Григор Прличев и другие уже по иному относятся к языковым вопросам, активно включаясь в общую полемику о путях ста-

новления болгарского литературного языка. Но если в Болгарии процесс становления общенационального языка в 50-е - 70-е годы XIX в. принял зрелые формы, то в Македонии дело обстояло иначе. Языковые представления здесь были еще очень нечетки и расплывчаты. Не только простое население, но и интеллигенция обозначали свой язык самыми различными терминами. Они называли его болгарским, славянским, славяноболгарским, македоноболгарским, македонским, имея при этом в виду прежде всего свои локальные говоры. Интересно, что в Прилепе до второй половины 50-х годов XIX в. церковнославянский язык называли болгарским, а каждая книга, напечатанная гражданским шрифтом по-русски или по-болгарски, считалась сербской. В Охриде влияние сербской традиции ощущалось еще сильнее. Здесь до середины 60-х годов староболгарский язык, т.е. церковнославянский, называли сербским, язык же восточной Болгарии именовался шопским²¹⁵. Если вдруг кто-нибудь призывал в церкви служить по-болгарски, тотчас раздавались крики: “Не хотим сербский... пусть служат по-болгарски, сиречь македоно-болгарский хотим все”²¹⁶.

До Крымской войны и известное время после нее, в Охриде, Струге и других местах Македонии пользовались только сербскими букварями и учебными пособиями; болгарских книг не было вовсе и никто тогда не помышлял о них²¹⁷.

Следует попутно заметить, что многие передовые представители македонской интеллигенции считали македонские диалекты наиболее чистыми²¹⁸ и красивыми из всех болгарских диалектов. Это мнение разделял и П. Зографский, первый из македонцев выступивший в печати по вопросам языка. В 1857-1858 годах он опубликовал следующие статьи: “Болгарская грамматика”²¹⁹ и “Мысли о болгарском языке”²²⁰. В первой статье проводилась мысль, что необходимо сначала изучить все наречия, а затем уже на прочной базе создать “один общий литературный язык”²²¹. Другая начиналась с аналогичных посылок о необходимости при выработке общего литературного языка учитывать все местные наречия, о недопустимости использовать только одно из них. “Как известно, - писал П. Зографский, - наш язык делится на два главных наречия, на одном из которых говорят в Болгарии и Фракии, а на другом - в Македонии. Первое уже известно, так как все, что писалось до сих пор на болгарском языке, писалось только на первом наречии”²²², а на другом ничего, благодаря тому, что развитие болгарской литературы началось “сверху вниз” (“се почна осгора на долу”). В силу этого не только иностранные слависты, но и болгарские ученые, “не принадлежащие к македонскому наречию”, не имеют о нем никакого основательного и глубокого представления. Чтобы вывести македонское наречие из безвестности, П. Зографский намеревался составить сравнительную грамматику двух ос-

новных диалектов - македонского и болгарского. Он считал, что македонское наречие не должно и не может быть исключено из общего литературного языка, наоборот, оно должно - в лице юго-западных македонских говоров - составить его главную основу, ибо македонские диалекты более звучны, плавны, стройны и во многих отношениях полнее и богаче²²³. Д. Зографский отмечал наиболее существенные различия между двумя диалектами в ударении, произношении или опускании отдельных букв, в грамматике²²⁴.

Помимо названных статей перу П. Зографского принадлежит еще ряд работ. Все они написаны в период 1857-1858 годов на македонском диалекте с преимущественным использованием галичского говора. Из них наибольший интерес представляют "Краткая славянская грамматика" и другие книги, предназначенные для общинных училищ: "Краткая священная история", "Начальное обучение для детей" и другие²²⁵.

Язык работ П. Зографского вызвал резкую отповедь в константинопольской болгарской печати, считавшей, что Зографский пользовался смесью болгарского и сербского языков, "болгарско-сербским наречием"²²⁶.

Л. Димитров, исследователь жизни и деятельности П. Зографского, писал в начале XX столетия по этому поводу следующее: "Тогдашним литераторам в Константинополе бывшим исключительно из Фракии и Мизии, не хотелось, чтобы и македонское наречие было отражено в складывавшемся тогда литературном языке, с одной стороны потому, что тогда не знали македонского наречия и считали его смесью сербского и болгарского, а с другой - чтобы не создать течения в македонской среде у ученых за внедрение и утверждение западно-болгарского наречия как литературного, тем более, что такое течение уже было: первые книжники - Кирилл Пейчинович и Иоаким Кырчовский положили начало таким стремлениям. Из той школы были и Константин Джинот из Велеса. Г. Пыличев из Охрида и Р. Жинзифов. Наиболее ревностным и упорным учеником этой школы являлся Х. Парфений"²²⁷.

Ту же тревогу о возможности утверждения македонского диалекта как самостоятельного литературного языка выражал и Г. Раковский. Подчеркивая в одной из своих статей за 1860 г. необходимость создания единого литературного языка, он указывал, что главная задача состоит в том, чтобы этот язык был "понятен всем болгарам, а более всего ("най-паче") македонцам"²²⁸. В противном случае македонская молодежь, обучающаяся в разных местах, а особенно в России, вскоре начнет писать на "тамошнем (т.е. македонском - К.С.) разговорном языке, что приведет к еще большему раздору среди болгар по вопросам языка"²²⁹.

А надо сказать, что в этот период Раковский более других болгарских деятелей был осведомлен о положении в Македонии, где его имя пользова-

лось заслуженной известностью. Среди его корреспондентов было много македонцев, в том числе братья Миладиновы. К. Даржилович, Д. Паунчев, К. Шапкарев и другие. Некоторые из них стремились познакомиться Раковско-го с македонскими говорами. В частности, К. Миладинов, ободренный положительным отзывом Раковского об его переводе книги О. Флерова “Православные братства”²³⁰ и одновременно узнав о желании Раковского “ознакомиться с македонским наречием”, в январе 1859 г. направил Раковскому один из своих новых переводов на стружский говор²³¹. К. Шапкарев в своем письме от 10 декабря 1860 г. к Раковскому подчеркивал: “...Пишу вам на нашем наречии, чтобы вы знали, как мы говорим здесь, точно так же и из песен узнаете”²³².

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, обратим внимание на одну важную деталь. Нам представляется, что в первой половине XIX в. полемика о болгарском языке в существе своем сводилась к борьбе 2-х мнений: что должно лечь в основу новоболгарского языка - церковнославянский или народные говоры²³³. В этой борьбе с самого начала преимущество было на стороне защитников народного языка. При этом, уже начиная со знаменитого “Рыбного букваря” Петра Берона, вышедшего в 1824 г., наблюдалась стремление к преимущественному использованию северо-восточных болгарских говоров²³⁴. К концу 50-х годов XIX в. эта тенденция стала еще четче. Появившиеся на арене македонские деятели выступили с требованием отражения в общем языке особенностей своего диалекта. С этого времени и до середины 70-х годов прошлого столетия эта борьба, как нам представляется, пошла в основном по новому руслу: представители Болгарии и Фракии стремились сохранить в формирувавшемся литературном языке доминирующую роль восточно-болгарских диалектов, а представители Македонии хотели добиться отражения в нем, в той или иной степени, своих говоров и, по-видимому, серьезность этой полемики так, как Раковский, понимали очень немногие. Нежелание принять во внимание требования македонской стороны явилось причиной дальнейших и при том многочисленных попыток в Македонии привести болгарский литературный язык в большее соответствие с лексическим и грамматическим строем македонских говоров (преимущественно западных и центральных).

Следы этих попыток мы находим повсюду. Любопытные сведения содержатся в одной из статей Жинзифова в московской газете “День”²³⁵. Говоря о значении празднования 11 мая - дня “общеславянских просветителей и учителей”, Р. Жинзифов сообщал о намерении некоторых чехов составить “Всеславянский сборник”, в котором будут представлены следующие статьи “на всех без исключения славянских наречиях”: 1) Славяне до Кирилла и Мефодия по-чешски, по-польски, по-сербски и по-русски. 2) Описание горо-

да Солуна, родины Кирилла и Мефодия, на болгаромакедонском наречии. 3) Жизнь и деятельность апостолов славянских Кирилла и Мефодия на языке церковном, т.е. древне-славянском. 4) Описание Цариграда и храма св. Софии с взглядом на славян Турции, по-русски с переводом сербским и болгарским. 5) Жизнеописание славянских учителей, действовавших в Болгарии по смерти Кирилла и Мефодия, по-болгарски...²³⁶. Мы видим, что в проектировавшемся сборнике “болгаромакедонское наречие” не только представлено как равноправный член среди других славянских языков, но даже поставлено на одно из первых мест.

Поместивший заметку Р. Жинзифов был, конечно, наиболее вероятным автором задуманной статьи на “болгаромакедонском наречии”.

Этот факт косвенно подтверждает предположение, что у Л. Димитрова были осязательные причины отнести впоследствии Р. Жинзифова к сторонникам самостоятельного литературного развития “западноболгарского наречия”, хотя на более позднем этапе Жинзифова скорее можно рассматривать как последователя П. Зографского.

Одно несомненно - до середины 70-х годов XIX в., а особенно в 50-60-е годы никто из македонцев на родине и за ее пределами не пользовался болгарским литературным языком. В ходу были, главным образом, местные говоры и различные варианты комбинаций 2-х главных диалектов - болгарского и македонского. Известный болгарский историк Ив. Снегаров, сам уроженец Охрида, заметив, что несколько корреспонденций из Салоник в газету “Турция” от 1864 года были напечатаны на болгарском литературном языке, подчеркивал: “Следует думать, что корреспондент был из Восточной Болгарии или редакция газеты поправила его язык”²³⁷.

Широкое продвижение с 60-х годов XIX в. в македонские училища болгарских учебных пособий, постепенно нарастающее внедрение болгарского литературного языка как языка преподавания, подтверждало вполне ощутимые практические неудобства его употребления, особенно в первых классах; ярче выявило желание местных жителей давать и получать образование на более понятном и близком языке. Эти настроения четко и конкретно выразил К. Шапкарев в обращении “К читателям!”, предпосланному его учебнику²³⁸. В нем он сообщал, что неизбежная нужда в ряде первоначальных учебных книг на наречии более понятном “македонским новоосвещаемым болгарчатам” побудила его составить ряд таких книг для македонских училищ²³⁹, где детвора еще “очень хрупка и не может усвоить никакой другой более твердой и далекой пищи, кроме самого близкого молока своей естественной и домашней кормилицы”. Он намеревался помимо новых учебных пособий издать также “грамматику с достаточными замечаниями о македонском наречии и сравнениями его с верхнеболгарским”²⁴⁰.

Основой для учебников Шапкарева послужили книги, изданные “на восточноболгарском наречии” и некоторые греческие учебники. В первых он “только несколько изменил наречие”, стремясь, чтобы оно, насколько возможно, было понятнее его маленьким соотечественникам. Поступая так, - заверял Шапкарев, он не имел намерения отдалиться совсем от восточноболгарского, он не думал об особом македонском наречии, как некоторые из восточных братьев совсем напрасно боятся. Он не назвал язык своих книг “македонским” еще и потому, что тот и не является полностью таковым, а представляет собой “западномакедонское смешанное с современным письменным болгарским наречием”²⁴¹. Сделал он это “из нужды”, чтобы как-то помочь своим соотечественникам²⁴². Шапкарев выражал также желание, чтобы болгарские составители учебников для старших классов “добавили в свое наречие и немного сольцы македонской, чтобы дети Македонии встречали меньше трудностей в изучении родного языка”. Это послужило бы также “сближению и соединению двух главных болгарских наречий - верхнеболгарского и македонского - в один общий болгарский письменный язык”²⁴³. Для облегчения процесса слияния Шапкарев готовил сравнительный македоно-болгарский словарь²⁴⁴.

Это печатное выступление характеризует Шапкарева как последователя П. Зографского. Но есть данные, заставляющие думать, что в действительности Шапкарев был настроен гораздо радикальнее²⁴⁵.

Как и учебники Зографского²⁴⁶, пособия Шапкарева были тепло встречены в македонских училищах. Есть сведения, что они быстро разошлись по всей южной и центральной Македонии²⁴⁷. В Ресене даже имел место случай возврата болгарских учебников, приобретенных в лавке Хр. Данова²⁴⁸, и покупки вместо них пособий Шапкарева²⁴⁹. По свидетельству Еничерева работы Шапкарева вызвали в Македонии “глухой ропот против верхнеболгарского наречия”²⁵⁰.

Когда в начале 70-х годов в болгарской печати появились нападки на пособия Шапкарева, то из ряда городов Македонии в газеты поступили заметки в его защиту. В корреспонденции из Кукуша говорилось, что учебные книжки Шапкарева “принесли в наших местах большую пользу и много послужили нашей стране”²⁵¹. Из Охрида писали, что “только одна зависть может порицать” Шапкарева за его книги²⁵². Из Прилепа тоже раздавались голоса в поддержку Шапкарева²⁵³.

Шапкарев не был одинок в своих исканиях. Почти одновременно с ним - в 1867-1868 годах издал три учебника “для македонских училищ” Димитрий Македонский, учительствовавший в те годы во Влахо-Клисуре, Струге и Битоле²⁵⁴. Попытку приблизить болгарский литературный язык к македонским говорам предпринял также другой известный македонский педагог

Иосиф Ковачев. Работая в Прилепе в начале 70-х годов, он составил “практическую грамматику”, выбросив из болгарского алфавита буквы “ъ, ь, ы и я”²⁵⁵. Вениамин Мачуковский, вернувшийся в 1869 г. из России, учительствовал в Салониках, а затем в Кукуше. Здесь он подготовил “болгарскую грамматику македонского наречия”, убедившись на практике, что македонские ученики не успевали по грамматике благодаря тому, что употреблявшиеся болгарские грамматики были несообразны с грамматическими формами македонского наречия²⁵⁶. Рукописная грамматика В. Мачуковского использовалась в школах Кукуша²⁵⁷.

Стафан Салганджиев, посланный в Салоники в конце 60-х годов Настоятельством Константинопольского читалишта как редактор болгарского отдела официальной вилайетской газеты “Селяник”, был свидетелем борьбы председателя Салоникской общины охридчанина Д. Паунчева, торговца-комиссионера, и некоторых членов общины - Георгия Линкова, К. Даржиловича против учителя из Болгарии Божкова, присланного Цариградским читалищем. Салганджиев объяснял эту борьбу желанием общины ввести в местное училище македонские учебники. Он писал в связи с этим: “В то время повеял ветер давно задуманного некоторыми учителями в Западной Македонии плана, согласно которому следовало ограничить обучение и развитие македонской молодежи исключительно македонским наречием и с этой целью начали издавать и издали несколько учебников на том наречии, часть из которых находилась в магазине одного из противников Божкова”²⁵⁸.

Противникам Божкова вскоре удалось добиться его отъезда. Тогда, по словам Салганджиева, председатель общины назначил вместо уехавшего учителя “одного негодяя” из Охрида. Мать его была болгарской, - пишет Салганджиев, а отец - куцовлахом. Когда его спрашивали к какой из двух упомянутых народностей он принадлежит, новый учитель отвечал: “Я ни болгарин, ни грек, ни циндарин; я чистый македонец, какими были Филипп и Александр Македонский и Аристотель - философ”²⁵⁹.

Такое положение, создавшееся в конце 60-х начале 70-х годов в ряде городов западной, центральной и южной Македонии не могло не вызвать реакции болгарских лидеров в Константинополе. В ноябре 1870 г. в газете “Право” появилась статья, в которой прежде всего подвергся резкой критике наиболее популярный македонский деятель К. Шапкарев за создание и распространение своих учебников. Ему приписывалось и более решительные высказывания, в частности следующая фраза: “Для того ли мы едва освободились от греков, чтобы теперь стать шопами!” В статье отмечалось также, что некоторые учителя в Македонии, в том числе и Шапкарев, пытались убедить “Македонских наших братьев” в том, что болгары и болгарский

язык это одно, а македонцы и македонский язык - это другое. В результате некоторые осмеливались даже говорить: “Мы македонцы, а не болгары!”²⁶⁰

Вскоре появилась другая, не менее любопытная статья, под названием “Македонский вопрос”. Она была опубликована в газете “Македония” 18 января 1871 г.²⁶¹ и принадлежала перу ее редактора П.Р. Славейкова. Ввиду ее важности остановимся на ней подробно. Она начиналась так: “наконец македонский вопрос обнаружился и появился в печати. Мы говорим наконец потому, что этот вопрос дело не новое. Мы его слышали еще лет десять тому назад от некоторых в Македонии. Вначале слова этих молодых патриотов мы отнесли к нашим не особенно серьезным препирательствам. Так мы и думали до последних двух лет, когда новые разговоры с некоторыми македонцами нам показали, что это не только голые слова, а убеждение, которое многие хотят претворить в жизнь. И грустно и тяжело было нам слушать такие слова, но мы не решались говорить о них в печати, потому что считали дело достаточно деликатным и особенно в настоящих условиях. Сейчас этот вопрос вышел на поверхность благодаря неосмотрительности одного из наших братьев²⁶², и мы теперь вынуждены, хочешь не хочешь, выступить... Мы никогда не стали бы говорить по этому вопросу, если бы он не состоял только в отделении учебных книг, потому что мы не видим вреда в том, что некоторые хотят учить детей на родном наречии...” Но дело в том, как считал Славейков, что под завесой разговоров о языке и наречиях, скрывалось желание отпадения и именно это заставляло его выступить по македонскому вопросу. Далее Славейков писал: “Много раз мы слышали от македонцев, что они не болгары, а македонцы, потомки древних македонцев... Македонисты... упорствуют в своем македонском происхождении!” Затем автор развивает свою мысль, что сейчас сила в объединении, а не разъединении. Когда настанут другие времена и наступит равноправие всех народов, больших и малых, тогда деление может быть оправдано. Человечество идет к таким формам общежития и политической жизни, но осуществление их еще далеко впереди. А пока самостоятельность можно получить только в результате объединения. Что касается того факта, обижающего македонцев, “что “верхние болгары” до сих пор пишут “на своем наречии без малейшего внимания к македонскому”, то это происходит по одной простой причине: “Мы пишем на нашем наречии потому, что его знаем, а не из-за пренебрежения к македонскому”. Македонцам не следует также опасаться численного превосходства “верхних болгар”, их “более раннего пробуждения”, что якобы ведет к господству последних²⁶³. В итоге Славейков заключал: “...нам нет причин делиться и мы не должны делиться, если любим народ и думаем о его благе”²⁶⁴.

Приведенная статья не вызвала одобрения, так как время было неподходящим для таких шекотливых дискуссий: в связи с созданием Болгарской экзархии борьба за македонские епархии разгорелась с особенной остротой. В ответ появились другие статьи в самой газете “Македония”, а также в газете “Право”, утверждавшие, что никакого македонского вопроса не существует и т.д.²⁶⁵. Кроме того, в 1872 г. в газете “Право” появилась серия статей Петра Иванова из Старой Загоры, направленных против работ Шапкарева и ему подобных. По словам Еничерева Иванов “хорошо их изобличил и вынудил притаиться”²⁶⁶. Последнее заключение Еничерева вряд ли до конца справедливо, так как Шапкарев, в частности, продолжал свою издательскую деятельность до конца 1874 года. В 1875 г. выступил в печати еще один новый “македонист”. Г. Пулевский, “Мияк галичский”, издавший в Белграде словарь трех языков: македонского, албанского и турецкого²⁶⁷.

Вместе с тем выступления константинопольской печати безусловно не могли не оказать влияния на македонскую интеллигенцию, которая в большинстве своем была искренне убеждена в принадлежности македонцев к болгарскому народу. При таком положении многие, конечно, соглашались с тем, что в условиях неоконченной борьбы с греческой патриархией и сохранявшегося господства султанской Турции важнее сплотить все силы для победы над общими врагами, отодвинув на задний план другие нерешенные проблемы.

А что проблема языка для македонцев, при игнорировании особенностей их диалектов, имела огромное значение, говорят данные последующего исторического развития. Несмотря на продвижение болгарского литературного языка в македонские учебные заведения, особенно в финансировавшиеся экзархией, и расширявшееся его распространение в Македонии, простой народ по-прежнему предпочитал свое “македонское наречие”. Приведем один характерный пример. Т.Кусев, возвращаясь домой с экзархийского собора, состоявшегося в мае 1871 г. в Константинополе, по дороге остановился в Солониках, где в это время во вновь открытой церкви и народном училище торжественно отмечался день Кирилла и Мефодия. Как писал Еничерев, Т. Кусев произнес пламенную речь для поощрения местного населения. Слушатели были в восхищении, так как впервые с ними говорили “так умно, так воодушевленно и к тому же на простом прилепском говоре”. Тогдашние болгарские учителя, - добавлял Еничерев, старались (“се мъчеха”) говорить с народом все как-то “изысканно-научно”²⁶⁸. Но дело было, конечно, не в “изысканности”, а в далекости восточноболгарского диалекта для Македонии.

В рассматриваемый нами период ни один из уроженцев Македонии, пробовавший силы на литературном поприще, не владел болгарским литературным языком. Это относится и к таким фигурам как Д. и К. Миладиновы,

Р. Жинзифов, Гр. Прличев. Д. Миладинов, например, чувствовал себя очень несчастным по сравнению с П. Славейковым или Г. Раковским, ибо “не владел как они органом письменного изложения, болгарским литературным языком”²⁶⁹. Миладинов считал, что причиной были “греческие духовные воспитатели”²⁷⁰. Так ли это было в действительности? Ведь и Г. Раковский испытал на себе греческое влияние, учился в Афинах, не раз наезжал туда, но это не помешало ему в усвоении родного языка.

Причиной ограниченного литературного успеха К. Миладинова, Р. Жинзифова были те же языковые трудности. Но особенно показательна судьба Прличева. Увенчанный в 1860 г. в Афинах на конкурсе поэтов лавровым венком за стихотворение на греческом языке, он позорно провалился при попытке перевести на болгарский язык “Илиаду”²⁷¹. Главной причиной неудачи был “славяно-охридский язык” переводчика. По собственному признанию Прличева, он был слаб в болгарском языке, переводил “не как хотел, а как мог”²⁷². Прличев остро страдал, понимая, что не владеет языком для болгарских поэтических образов. Он сам говорил, что за перевод “Илиады” надо было взяться кому-нибудь другому, вспоминая при этом Петко Славейкова²⁷³. И это происходило тогда, когда Болгария дала такие имена как Л. Каравелов, Хр. Ботев и другие.

Как показывает статья П.Р. Словейкова “Македонский вопрос” и совокупность других данных, проблемы языка в Македонии тесно переплетались с вопросом о национальной принадлежности македонцев. Попытаемся выяснить основу, на которой базировались те или иные взгляды.

Мы уже отмечали, что, несмотря на распространенность среди македонцев представления о том, что они болгары, основная масса населения отличалась еще неопределенностью национальных симпатий в современном понятии этого слова. Среди интеллигенции и торгово-ремесленных слоев уровень национального сознания был выше, но он не отличался единообразием. Помимо ориентации на Болгарию сохранялось эллинофильство, появились “македонисты”. Наряду с другими причинами, обусловившими такую пестроту, немалую роль играло отсутствие четких государственно-исторических традиций. Сложность исторической судьбы Македонии, в течение веков находившейся на стыке различных политических и культурных влияний, до вторжения турок неоднократно переходившей от одного государства к другому (Византия, Болгария, Сербия), обусловила наличие различных исторических наслоений.

Обратимся к фактам. Известно, что в Македонии долго сохранялись многочисленные местные племенные названия. На это указывал в своих работах Ст. Веркович²⁷⁴, отмечал позднее П. Драганов²⁷⁵. Каждое такое колено или род имело свои этнографические особенности и свойства говора,

отличавшие их от других соотечественников, свои родовые предания²⁷⁶, а иногда и родовые знамена²⁷⁷. Наиболее значительны были мяйки, поляне, копановцы, барзаки, пианцы, бандовцы, пуливаковцы и ряд других. Мяйки, жившие в Дибрском районе, в северо-западном углу Македонии, считали себя потомками Скандербега. Они гордились своим происхождением, хранили родовое знамя, не вступали в браки с другими родами²⁷⁸. Копановцы, населявшие районы Скопье, Куманово и Врани, верили, что они “суть колёно божие”²⁷⁹. Бандовцы, населявшие всю Касторийскую область и часть Горицкой (около 500 сел) считали себя самыми древними болгарам²⁸⁰. У пуливаковцев, занимавших всю юго-западную Македонию (Негуш, Воден, Моглен и все земли по нижнему течению Вардара) существовало предание, что они чистые македонцы и потомки Александра Великого²⁸¹.

Хотя племенные деления в Македонии во второй половине XIX в. в целом были не так уж значимы²⁸², сохранявшиеся родовые предания донесли до нас ту существенную разногласицу в исторических представлениях, которая бытовала в народе, отражалась на взглядах интеллигенции.

Интересны сведения английских путешественниц, в 1868 г. совершивших поездку по славянским землям Европейской Турции²⁸³, позволяющие еще более уточнить обстановку. Они отмечали, что в Прилепе - городке королевича Марка - исторические воспоминания связывали город с сербской историей (здесь был учитель из Сербии, население проявляло большой интерес к сербскому прошлому), в то время как в Велесе, по их словам, исторические воспоминания были “совсем болгарские”²⁸⁴. Путешественницы указывали также на постоянное общение с Сербией в г. Скопье²⁸⁵.

После всего сказанного становятся понятными причины шаткости исторических концепций Джинота, Д. Миладинова и других македонских деятелей. Не вызовет удивления и заключение, к которому пришли члены македонского литературного общества “Лоза”, функционировавшего в Софии в начале 90-х годов прошлого столетия: “Наша история настолько слаба, чтобы нас связать и воспитать как нечто целое, что от нас требуется большая тактичность, если хотим сохранить нашу целостность”²⁸⁶.

С другой стороны, несмотря на все большую ориентацию по мере успехов в развитии церковно-просветительного движения на Болгарию, вполне четко проступал, особенно в западной и южной Македонии, местный македонский патриотизм, чисто областнические тенденции. Например, в 1868 г. на совместных весенних экзаменах 2-х общинных училищ Охрида (центрального училища св. Климента и женского училища) одна ученица сказала: “О госпожа учительница! Вы все из Верхней Болгарии много обязаны нам, македонским (болгарам), так как известно, что от нас взяли вы православную христианскую веру, а не от греков, как те бесстыдно хвастаются”²⁸⁷. Вспомним также, как

гордились македонцы Охридской архиепископией, с какой настойчивостью стремились ее возродить; как считали свои говоры непосредственным продолжением языка Кирилла и Мефодия, таким образом более древними, чистыми, более полнозвучными и богатыми! Нет никакого сомнения, что мнение о том, что “апостолы славянские Кирилл и Мефодий” были “первоучители македонские” глубоко укоренилось в Македонии, хотя в этом плане мы располагаем пока только косвенными данными²⁸⁸. “Мать Македония”, “Наше отечество Македония”, “македонская юность” (о детях), “македонская кровь” и т.п. Терминология имела широкое распространение в македонских районах в рассматриваемый нами период²⁸⁹. Славянское население Салоник называло свой город “столицей македонской”²⁹⁰.

Этот патриотизм питался славой о величии античной Македонии, преданиями о подвиге солунских братьев Кирилла и Мефодия, остатками средневековой обособленности. Интересно, что в средневековье Македония, как и другие земли на Балканах - Болгария, Босния, Сербия, Хорватия, Словения, Далмация и т.д., имели свой герб. Это был, как и на болгарском гербе, стоящий на задних лапах лев. Окраска варьировалась, но преобладали два типа: желтый лев на красном поле или огненный лев на желтом поле (более поздний вариант). Совпадая по форме герба и эмблеме (лев), болгарский и македонский гербы всегда отличались цветом: если македонский герб был с желтым львом и красным полем, то болгарский - с красным львом и желтым полем и наоборот²⁹¹.

В средневековье подчас македонцы трактовались как отдельный народ. Именно так они были обозначены в середине XVIII в. наряду с другими народами, представителей которых вывел из Австрии в Россию полковник Хорват. Это оставило след в своде законов Российской империи, некоторых исторических исследованиях, посвященных военным поселениям Новороссийского края²⁹². Тогда наряду с сербскими, хорватскими и болгарскими полками был создан отдельный македонский полевой гусарский полк со своим собственным знаменем и полковым штандартом с гербом. В многолетней работе А. Висковатого имеется фотография штандарта, а также гусара македонского полка²⁹³. В конце XVIII в. все балканские полки влились в русские воинские части²⁹⁴.

Для нового времени была характерна такая черта: уезжавшие на чужбину македонцы обычно придерживались принципа землячества. Так, македонские гурбетчи в Константинополе селились вместе, то же делали и македонские студенты в России. Например, все юноши, прибывшие в 1858 г. в Москву из Македонии (“македончина” по выражению К. Миладинова), не только жили в одной квартире, но все вместе сидели на занятиях и К. Миладинов имел над ними “всеозможное попечение”²⁹⁵.

Помимо термина “македонцы” широко употреблялись другие: “болгаро-македонцы”, “македоно-болгары”, “славяно-болгары”, “македонские болгары”, просто “болгары”. Шапкарев называл, например, братьев Миладиновых “болгарско-македонскими подвижниками”²⁹⁶. “Македонско-болгарским” называл он и свой задуманный огромный этнографический сборник, хотя издать его намеревался под названием “Болгарски народни старини”²⁹⁷.

Полемика о языке показала упорство местных говоров, неспособность болгарского литературного языка обеспечить широкое практическое языковое единство для Болгарии и Македонии²⁹⁸.

Все эти факторы вместе с преданиями об Александре Македонском послужили отправными моментами для “македонистов”, заявивших, что македонцы самостоятельный народ, имеющий право на независимое национальное развитие и культуру²⁹⁹. Они были использованы также сербскими политическими кругами, хорошо представлявшими обстановку в Македонии благодаря своим агентам и другими связям. Мы уже говорили, что в период борьбы за македонские епархии, включившаяся в нее Сербия перестала признавать Македонию болгарской областью. Понимая бесперспективность прямой сербской пропаганды, сербские буржуазные круги объявили македонцев “старейшими славянами на Илирском полуострове”, отмечая при этом их промежуточный характер между болгарами и сербами (Географија за средне школе. 1871). Через четыре года - в 1875 г. - в Белграде был издан известный словарь трех языков Г. Пулевского³⁰⁰. На эти идеи сербы опирались и в 80-е годы XIX в.

Не только сербские политики играли на тенденциях к местному сепаратизму, безусловно существовавших в тот период, его не прочь были использовать, как мы убедились выше, представители католических миссий, не остались в стороне и греческие националисты. До сих пор ученые как-то не обращали внимания на один интересный документ. В период Берлинского конгресса Константинопольский силогос предложил всем македонским силогосам высказать свое мнение о том, как должны действовать греческие общества, чтобы “вернуть в лоно эллинизма его заблудших чад во Фракии и Македонии”. Салоникский силогос разработал развернутый план, первый пункт которого гласил следующее: “скрыть ненависть к обманутому населению, которое признает экзархию, и убеждать, что все население Македонии ни болгарское, ни греческое, а македонское, в силу чего нет причин для ненависти и раздела. На это указывает история; и Европа на Берлинском конгрессе решила, что так и будет”³⁰¹.

Как мы показали ранее, болгарская буржуазия задолго до Берлинского конгресса прекрасно представляла слабость своих позиций в Македонии и серьезность борьбы по национальным вопросам в этой области. Еще в начале 60-х годов сторонники эволюционного развития Болгарии считали, на-

пример, что прежде, чем призывать болгарский народ к восстанию, нужно “поискать, где этот народ находится, чтобы определить его этнографические границы и оживить его”³⁰². Не только туркофилы, но и некоторые представители болгарских буржуазно-демократических кругов считали “совершенно необходимым” сохранение верховной власти султана в Европейской Турции, чтобы под его покровительством “соединить различные части нашего разорванного и полузаснувшего народа и придать ему нужное единство”. Известный корреспондент “Македонии” писал далее: “Имеются целые области болгарские, которые еще не знают, каковы они есть: они пробудятся и прилепятся к другим своим братьям. Тогда увидит каждый, чьей является Македония и кто ее населяет, когда сегодня греческие и сербские притязания находят большую вероятность в молчаливом поведении жителей этих мест”³⁰³.

Чтобы полностью представить всю сложность и недостаточную дифференцированность исторических процессов в Македонии в рассматриваемый нами период, необходимо отметить, что многие “македонисты”, а позднее так называемые “сепаратисты” и др., при всем своем стремлении к самостоятельному и независимому развитию, сохраняли представление о крепких узах и родстве с болгарским народом. Например, Д.Македонский, отвечая на статью Н.Р.Славейкова от 18 января 1871 г. уверял, что никакого македонского вопроса” в действительности не существует, с негодованием опровергал раздававшиеся голоса, что македонцы якобы не болгары, а цинцары! Он считал, что эти инсинуации распространялись некоторыми из боязни, чтобы “македонцы когда-нибудь не возродились и не стали, как в древности, крепкими и сильными” и не завладели бы болгарами. Он убеждал представителей в Константинополе не бояться македонцев и вместе с тем советовал им лучше ознакомиться с историей, чтобы убедиться, что “македонцы - не цинцары и никакой другой народ, а чистые болгары, как вы”³⁰⁴. Однако, по мнению Д.Македонского, история свидетельствовала также, что “македонцы не исчезли с лица земли, как позволяют себе говорить некоторые, ибо, насколько известно, они никогда не грешили до такой степени, чтобы земля разверзлась и поглотила их”³⁰⁵.

Есть основания считать, что взгляды Г.Пулевского, изложившего первыми в печати идеи “македонистов” в своем словаре трех языков (македонского, албанского, турецкого) были еще не до конца отточены и четки. В его идеологии обнаруживались следы органической связи с Болгарией наряду с сербским воздействием. В этом плане любопытен следующий факт. В анонсе словаря Пулевского, помещенном в приложении к газете “Српске новине” от 9 мая 1875 г. несколько иначе было сформулировано его заглавие, чем то, которое мы знаем по типографскому изданию. Объявление гласило: “Новая

книга! Словарь трех языков. I. Старосербский и мяцкий. II. Албанский или арнаутский. III. Турецко - карамандийский”³⁰⁶. Подпись: “Георгий М. Пулевски. Мияк”. Это также свидетельствовало об отсутствии твердого представления о македонцах как самостоятельной национальной единице.

Д. Драганов, бессарабский болгарин, с 80-х годов XIX в. активно и последовательно защищавший языковую и этническую самобытность македонцев, также не смог полностью освободиться от психологического воздействия “болгарщины” на свою терминологию.

Македонское литературное общество “Лоза”, о котором мы уже упоминали, выступая с пожеланиями некоторой реформы болгарского литературного языка с целью сделать его “насколько возможно более народным в самом широком значении этого слова”³⁰⁷, руководствовалось стремлением создать обоюдно приемлемые условия для общего культурного развития болгар и македонцев.

Поп Арсов в своей книге “Стамболовщина в Македонии”³⁰⁸, стремился защитить права “македонцев в собственном нашем отечестве - Македонии”³⁰⁹, он считал учебный отдел экзархии в Константинополе “североболгарским иезуитским орденом с известной задачей... содержащей в себе еще и тенденцию - создать в Македонии болгар”³¹⁰. Говоря о болгарской пропаганде в Македонии³¹¹, он называл в то же время македонцев и “болгаромакедонцами”, слово “сепаратисты” брал в кавычки³¹², писал о македонцах как о большей части болгарского народа³¹³. То же можно сказать и о К. Мисиркове, в 1903 г. выступившем с довольно подробно разработанной идейной платформой об исторической необходимости и оправданности самостоятельного национального и культурного развития македонцев как отдельного народа³¹⁴. Его высказывания как в названной работе и других последующих трудах, так и в частной переписке свидетельствовали о том, что после Македонии Болгария оставалась для Мисиркова самой близкой страной.

Подъем Возрождения в 50-70-е годы XIX в. в Македонии сопровождался огромным культурно-созидательным процессом. Лучшие представители македонской интеллигенции, такие как П. Зографский, Л. и К. Миладиновы, Р. Жинзифов, К. Шапкарев и многие другие, стремились пробудить интерес у жителей края к Македонии, ее языку, нуждам и т.д. “Македония должна стать более известной для нас и мы должны обратить на нее большее внимание”, - писал в октябре 1858 г. К. Миладинов³¹⁵. Следствием этого было начавшееся изучение Македонии. Особенно большое внимание было обращено на собирание фольклора, в первую очередь народных песен. Ст. Веркович, первым опубликовавший песни, собранные в Македонии (1860 г.) отмечал в предисловии к своему сборнику, что славяне этой области, несмотря на свою печальную судьбу

и жестокий иностранный гнет, “песенного чувства не потеряли, и богатством прекрасных народных песен равны остальным своим соотечественникам”³¹⁶.

Помимо Ст. Верковича, братьев Миладиновых, чей сборник до сих пор считается наилучшим, собиранием песен и других образцов народного творчества занимались не только представители македонской интеллигенции, как Р. Жинзифов, Кирияк Дазжилович, Георгий Динков, К. Шапкарев и другие, но и такие едва грамотные люди, как Марк Цепенков. К сожалению, большая часть собранного ими материала так и не увидела свет. Например, результаты неутомимой 30-летней работы М. Цепенкова, начатой под непосредственным влиянием Д. Миладинова, были опубликованы только частично, при чем первое издание появилось лишь в 1889 году. Обработка огромного рукописного наследства М. Цепенкова начата учеными Республики Македонии³¹⁷.

Почти аналогична судьба упоминавшегося нами македонско-болгарского сборника К.Шапкарева, материал для которого он начал собирать с 1860 года. Данные, собранные Шапкаревым, касались южной, центральной и северо-западной Македонии, конкретнее районов Охридского, Стругского, Кисевского, Дебарского, Битольского, Прилепского, Костурского, Леринского, Воденского, Гевгелийского, Салоникского, Тыквишского, Велесского, Дойранского, Штипского, Кочанского и даже Самоковского³¹⁸.

Из-за полного равнодушия в освобожденной Болгарии к его этнографическим занятиям, Шапкарев сумел только в 1884-1885 годах издать три небольшие книжки³¹⁹. Между тем у него были готовы к печати три части большого труда:

1. Простонародная Болгарско-Македонская поэзия. В виде добавления некоторые исторические предания и поверья в Македонии.

2. Простонародная Болгаро-Македонская философия: сказки, пословицы, загадки.

3. Обычай, игры, суеверия и одежда западно-македонских болгар. Названия болезней и простонародный способ их лечения. Македонско-болгарский глоссарий - более 2.000 слов, которые вовсе не употребляются в других местах болгарщины или слышатся очень редко, или же имеют совсем другое значение³²⁰.

Кроме того, Шапкарев обрабатывал уже готовый материал с намерением издать его в следующем виде:

1. Описание некоторых городов и урочищ македонских и перечисление более 2.000 географических названий.

2. Заметки о македонско-болгарском наречии.

3. Зоологические, ботанические и другие македонско-болгарские термины: названия птиц, рыб, злаков, трав, цветов, винограда, деревьев и т.д.

4. Указатель имен собственных и личных, употребляемых в Македонии³²¹.

Шапкарев через С.-Петербургское славянское благотворительное общество обращался ко всем друзьям славянства и радателям “науки славянской этнографии” с просьбой оказать ему содействие в открытии по университетским городам России и за границей подписки для сбора средств, дабы “не оставить во снедь мышам его многолетний этнографический труд”³²².

Ценное собрание записей народных песен, преданий, сделанных на различных местных говорах сотрудниками Верковича, хранится в его архивном фонде в Софии³²³.

Не менее усердия было проявлено к сбору географических и статистических сведений о Македонии. В мобилизации этих данных, как известно из предшествующего текста, участвовали Джинот, Д. Миладинов, Ст. Веркович, Г. Динков, К. Шапкарев и многие другие “пламенные македонские патриоты” (по определению Верковича).

Было положено начало сбору и прочих научных данных. В статьях Джинота, Шапкарева и других македонцев, опубликованных в газетах “Цариградски вестник”, “Дунавски лебед”, “Македония” и др. содержались интересные сведения о положении македонских крестьян, произволе турецкой администрации на местах, бесчинствах полевых сторожей, характере землевладения и т.п.

Выявление древних рукописей, книг, монет на территории Македонии было начато И. Константиновым - Джинотом, Д. Миладиновым.

Горячий патриотизм толкнул Г. Пулевского к созданию объемной “славяно-македонской истории”, оставшейся в рукописи.

Своей периодической печати в Македонии создано не было, да собственно говоря, в тот период вопрос об этом даже не возникал, так как в целом македонцы стремились влиться в общеполитический поток, догнать в культурном развитии “братьев болгар и фракийцев”, вполне довольствуясь теми органами печати, которыми располагали последние. В “Цариградски вестник”³²⁴, как мы знаем, поступали корреспонденции и из Македонии, преимущественно из городов Велеса, Скопье, Прилепа³²⁵. Среди корреспонденций с мест во французскую газету “Presse d’Orient” с 1856 г. предоставившую свои страницы болгарам, имелись также корреспонденции из Скопье, Битоля, Салоник, Прилепа, Велеса³²⁶. Но самой популярной газетой у македонцев была, естественно, газета П.Р. Славейкова “Македония”, бывшая выразительницей демократического течения “молодых” среди болгарских деятелей возрождения. В одной корреспонденции из Битоля (28.I.1867 г.) читаем следующее: “Господин редактор “Македонии”! Ваша газета самим своим именем изумляет всякого македонца до такой степени, что каждый из любопытства хочет увидеть газету, какова она, которая носит имя нашей

страны". Естественно, что газета получила много корреспонденций из македонских городов и некоторых сел.

Интересно, что в "Македонии" использовались одновременно болгарский литературный язык и македонские говоры, а текст части материала (почти в каждом номере) набирался греческим шрифтом.

Известностью пользовалась и газета Раковского "Дунавски лебед", выходившая в 1860-1862 гг. в Белграде. В Македонии читались и другие болгарские газеты, преимущественно издававшиеся в Константинополе.

В 1867 г. в Салониках была основана официальная турецкая областная газета "Селяник"³²⁷. Вначале она имела 4 отдела, печатавшихся на различных языках - турецком, греческом, европейском и болгарском. Однако вскоре, под давлением греко-фанариотских кругов, болгарский отдел был ликвидирован³²⁸.

Представители македонской интеллигенции активно сотрудничали в журнале "Български книжици", который с 1858 г. стало издавать общество "Българская литература" в Константинополе. Здесь помещал свои статьи о языке и некоторые фольклорные материалы П. Зографский, печатался К. Миладинов и другие македонцы³²⁹. Общество "Братский труд", основанное в Москве болгарскими и македонскими студентами, обучавшимися в России (В. Попович, Р. Жинзифов, Н. Бончев, К. Миладинов и Н. Козлев), в 1860-1862 годах издавало свой журнал того же названия³³⁰.

Большое значение имела широкая публицистическая деятельность Р. Жинзифова, который сотрудничал во многих болгарских и русских газетах и журналах. Из болгарских это были газеты "Българска пчела", "Време", "Дунавска зора", "Македония", "Народност", "Свобода", "Век" и др.; журналы - "Български книжици", "Общ труд", "Читалище", "Периодическо списание", "Градинка" и пр. Из московской периодики это были "День", "Москва", "Московские ведомости", "Современная летопись", "Православное обозрение", "Научное обозрение" и др.³³¹.

Надо сказать, что с середины XIX в. постепенно нарастало число газет и журналов, распространяемых в Македонии. Помимо болгарской прессы, сюда поступали сербские, русские, греческие, турецкие, а также известное число западно-европейских газет и журналов. Естественно, что основным их "потребителем" был город.

Первыми представителями новой светской литературы в Македонии были К. Миладинов и Р. Жинзифов. Их произведения обладали художественными достоинствами и отличались современным содержанием. Оба были наделены поэтическим талантом, но у К. Миладинова он был значительнее. Стихотворений К. Миладинова немного - всего около 15. Перу Р. Жинзифова, помимо публицистических статей принадлежали поэтические

и прозаические произведения - поэма “Кровавая рубашка”, рассказ “Прогулка” и др. Кроме того, им опубликованы в сборнике “Родное пламя” путевые очерки: “Из заметок путешественника по Македонии в 1866 году”³³².

Из литературного наследия Р. Жинзифова наиболее значимы стихотворения. Жинзифов в свое время считался видным поэтом. Но очень быстро его стихотворения приобрели только историческое значение. Первое препятствие, которое мешало “болгарскому читателю непосредственно их воспринимать, было то, что Жинзифов писал на западноболгарском наречии. На его языке сильно сказалось влияние родного говора”³³³.

К зачаткам драматургических произведений следует отнести театрализованные диалоги Джинота.

* * *

Подводя итог изложенному в данной главе материалу, можно сказать следующее. Возрождение в Македонии, как показывают самые разнообразные источники, развивалось в общем русле болгарского возрождения, отличаясь, однако, неравномерностью, отставая по степени зрелости и интенсивности. Вместе с тем оно, как в Болгарии и Фракии, было движением за смену средневекового мировоззрения современным, являлось - в широком смысле - идеологической борьбой демократической буржуазии и интеллигенции против отживших феодальных устоев. Тем самым оно было частью мирового процесса разложения старого общественного порядка, подточенного глубокими внутренними противоречиями, и появления сил, создающих новый тип общества, прогрессивного на данном историческом этапе.

Важным результатом подъема Возрождения в Македонии было формирование основ новой светской культуры, существенные сдвиги в национальном и общественном сознании македонцев. Однако, в силу отсталости социально-общественного развития, процесс национального становления был недостаточно зрелым, он проходил в значительной мере под знаком борьбы “звучного славянизма” с эллинизмом, при этом проявлялась значительная стойкость различных областнических тенденций. Современники отмечали также своеобразие на данном этапе этнографическо-лингвистического облика Македонии. Например, Н.Г. Еничерев так резюмировал свои впечатления при переезде из южной Болгарии в Македонию: “Покинув Самоков, я простился с Фракией. Другая одежда, другие обычаи, другое ударение; иногда даже отдельные новые слова”³³⁴.

Примечания

- ¹ *Благов. Д.* Принос към историята на социализма в България. София, 1949. С. 50.
- ² *Косев. Д.* Априлското въстание – връхна точка на българската Национално-демократическа революция // Априлското въстание. 1876-1966. София, 1966. С. 12.
- ³ Насколько традиционной была подобная линия в Греции наглядно указывает следующий любопытный факт. Осенью 1870 г. у одного греческого купца в Янине турецкие таможенники изъяли и разбили десяток тарелок! Каждая тарелка была настоящей прокламацией: в центре ее были портреты греческого короля и королевы. Одна из надписей под портретами гласила: “Единство эллинского племени”. По ободку тарелки в отдельных венчиках заключались названия всех греческих земель и островов. В числе их значились “Македония” и “Фракия” (АВПРИ. Ф. ГА. VA₂. Д. 1111. Л. 94).
- ⁴ *Веркович Ст.* Топографическо-этнографический очерк Македонии. СПб., 1889. С. 10.
- ⁵ *Селищев А.М.* Македонские кодичи XVI-XVIII вв. София, 1933. С. 163.
- ⁶ *Веркович Ст.* Народне песме македонских бугара. Къ. прва. у Београду. 1860. С. XIII. *Его же.* Топографическо-этнографический очерк Македонии. СПб., 1889. С. 1-2.
- ⁷ “...Заспалия ни до тогава народ, който на гри не знаеше, нито нешо чувствуваше за народност”. См.: *Арнаутов М.* Братя Миладинови. Живот и дейност (1810, 1830-1862). София, 1943. С. 49.
- ⁸ “Македония”, Цариград, 1867, 13 мая. Статья “Народность и религия”.
- ⁹ *Шопов А. (Офейков).* Материали за българското възраждане в Македония. Периодическо списание Т. XVIII. 1885. С. 440.
- ¹⁰ *Стамболски Хр.* Автобиография, дневници и спомени. Кн. II (1867-1877). София, 1927. С. 20.
- ¹¹ *Хаджов Ив.* Братя Димитър и Константин Миладинови. София, 1944. С. 127.
- ¹² *Снегаров Ив.* Солун в българската духовна култура. София, 1937. С. 26; *Арнаутов М.* Веркович и “Веда Словена”. // Сб. за народни умотворения и народопис. Кн. LII. София, 1968. С. 152.
- ¹³ *Георгиев Й. и Шишков Ст.* Българите в Серското поле. Пловдив, 1918; *Арнаутов М.* Веркович и “Веда Словена”.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф.ГА VA₂. Д. 1184. Ч. 1. Л. 137 об.
- ¹⁵ “День”, Москва, 1865, 18 декабря.
- ¹⁶ *Чилингиров Ст.* Български читалища пред освобождението. София, 1930. С. 533-561.
- ¹⁷ *Начов Н.* Цариград като културен център на българите // Сб. НУНК. Кн. XIX. София, 1925. С. 53-54; *Стойков В.* Из живота на цариградското читалище. Българска сбирка. Кн. 10. София, 1915. С. 562.
- ¹⁸ *Славейков Ив.П.* Библиотека на П.Р. Славейков. // Български преглед. София, 1896. № 5. “Забятая страна” - так даже в 1869 г. называлась одна из статей в газете Славейкова, посвященная положению в Македонии (“Македония”, 1869, 3 окт.). Интересно, что П.Р. Славейков, как свидетельствует его сын, никогда не был в Македонии, которая долгое время была для него terra incognita. Только связи, установленные им во время издания “Гайлы” с македонцами, живущими в Константинополе и находившимися внутри Турции, убедили его, что в Македонии живут “забытые болгары”. Это пробудило Славейкова, по словам его сына, обратить внимание болгарских деятелей из Болгарии и Фракии на необходимость включить в рамки их деятельности “македонское поле”.
- ¹⁹ *Арнаутов М.* Поети и герои на българското възраждане. София, 1965. С. 284.

- ²⁰ Пловдивски Кирил. Натанаил, митрополит Охридски и Пловдивски (1820-1906), София, 1952. С. 337-339.
- ²¹ "Македония", 1871 г., 13 июля.
- ²² АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2274. Л. 31 об.
- ²³ *Косев Д.* Новая история Болгарии. Москва, 1952. С. 158-169. АВПРИ. Ф. ГА, IV-2, 1859-70. Д. 11. Л. 19-19 об.
- ²⁴ *Арнаутов М.* Указ. соч. С. 25. *Кънчев В.* Град Скопие. Периодическо списание. Кн. 55-56. Средец, 1898. С. 111.
- ²⁵ В своей книге "Народные песни македонских болгар", вышедшей в 1860 г., Ст. Веркович писал, что в Македонии едва сейчас пробудилось в отдельных общинах народное сознание и желание требовать богослужения на языке, который может понимать население (стр. X).
- ²⁶ Пловдивски Кирил. Указ. соч. С. 277.
- ²⁷ *Христов Х.* Аграрните отношения в Македония... С. 149-150.
- ²⁸ *Жинзифов К.* Из заметок путешественника по Македонии в 1866 г. С. 208-209.
- ²⁹ Салоники и Битоль были главными центрами католической пропаганды в Македонии.
- ³⁰ *Влахов Т.* Кукуш и неговото историческо минало. София, 1963. С. 65-66, 79.
- ³¹ Там же. С. 72-79.
- ³² Там же. С. 79-81.
- ³³ Там же. С. 85.
- ³⁴ *Влахов Т.* Указ. соч. С. 85. См. также с. 61, 62, 100, 101.
- ³⁵ Там же. С. 86-96.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. ГА VA₂ Ч. II. Л. 617 об. То же самое писал в своих "Заметках путешественника..." Р. Жинзифов (см. С. 214).
- ³⁷ *Снегаров Ив.* История на Охридската архиепископия-патриаршия от падането под турците до нейното уничтожение (1394-1767). София, 1932.
- ³⁸ *Снегаров Ив.* Град Охрид. // Македонски преглед. 1928. № 1. С. 121-122.
- ³⁹ Там же. С. 122.
- ⁴⁰ Там же. С. 72.
- ⁴¹ *Снегаров Ив.* Указ. соч. С. 75.
- ⁴² Там же. С. 77-78.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Снегаров Ив.* Указ. Соч. С. 76; "Македония", 1867, 7 окт.
- ⁴⁵ "Македония", 1867, 22 июля.
- ⁴⁶ "Македония", 1870, 10 янв.
- ⁴⁷ *Хаджов Ив.* Братя Димитър и Константин Миладинови. София, 1944. С. 99.
- ⁴⁸ *Снегаров Ив.* Солун в българската духовна култура. София, 1937. С. 32.
- ⁴⁹ "Македония", 1867, 7 окт., статья "Пак българский въпрос".
- ⁵⁰ "Македония", 1869, 18 окт.
- ⁵¹ "Македония", 1868, 13 янв.
- ⁵² Учрежден фирманом султана от 28 февраля 1870 г.
- ⁵³ "Македония", 1871 г., 16 февраля: "...че македонските представители не бывало да присъствуват в тоз събор, защото уж шелы да претендират да искат да стане седалище на Българский екзарх в Охрид? Или че шелы да ся отделият от другите българи и шелы да искат особита ераршия?" Правда, автор этой заметки Д.В. Македонский называл такие подозрения "нелепыми" и призывал "братьев представителей" не бояться, ибо "македонские ваши братья всегда будут вас уважать и почитать за то, что вы раньше пробудились" и тем дали пример к борьбе против "фонарских притеснителей" (там же).

- ⁵⁴ Димевски С. Црковна историја на македонскиот народ. Скопје 1965. С. 110.
- ⁵⁵ Салгандџиев Ст. Лични дела и спомени. Пловдив, 1906; Даскалов А. Из миналото на Неврокопско и близките му покрайнини. // Македонски преглед. 1931. № 1.
- ⁵⁶ ОРБСЩ, Ф. 14. Д. 418. 1879-1880.
- ⁵⁷ Ников. Црковни борби и постижения. София, 1929. Катарциев. Сереската област. Скопје, 1961. С. 45; Даскалов А. Указ. соч.
- ⁵⁸ Димевски С. Указ. соч. С. 92.
- ⁵⁹ Там же. С. 93. Еничеров Н.Г. Указ. соч.
- ⁶⁰ Влахов Д. Историја Македонији. Скопје, 1950; Еничеров Н.Г. Указ. соч. С. 125-126; Лапе Љ. Протоколи од заседанијата на Прилепската община (1882-1886) Скопје, 1956.
- ⁶¹ Еничеров Н.Г. Указ. соч. С. 165.
- ⁶² Два санджака от источна Македония. Продолжение. Периодическо списание. София, 1891. Кн. 37-38. С. 79; ОРБСЩ, упоминавшееся письмо Сересской общины.
- ⁶³ "Македонски преглед". 1925. кн. 5-6. С. 102-103.
- ⁶⁴ Теплов В. Греко-болгарский спор по неизданным источникам. СПб., 1889.
- ⁶⁵ Споры о македонской территории были одной из главных причин затяжки в решении вопроса об экзархии и провозглашении в 1872 г. схизмы болгарской церкви.
- ⁶⁶ "Екзархията опровергава слуховете за спогодба с Цариградската патриаршия и осъжда движението за уния в южна Македония". Снегаров Ив. Указ. соч. Притурки XXVI. 17. С. 283, 285.
- ⁶⁷ "Марица", 1878 г., 20 септември, с. 6. См.: Снегаров Ив. Указ. соч. Притурки XXIV. С. 256.
- ⁶⁸ "Марица", 1881 г., 28 август, с. 3-4. Там же.
- ⁶⁹ "Македонски преглед". 1925. Кн. 5-6. С. 102-103.
- ⁷⁰ Бождаров Г. Македонскиот въпрос вчера и днес. София, 1927. С. 177-178.
- ⁷¹ Ристовски Б. Крсте П. Мисирков (1874-1926). Прилог кон проучуването на развитокот на македонската национална мисла. Скопје, 1966. С. 44.
- ⁷² Григорович В. Очерки путешествия по Европейской Турции. Изд. 2-е. М., 1877. С. 166-167.
- ⁷³ Еничеров Н.Г. Указ. соч. С. 359-368.
- ⁷⁴ В юго-восточной Македонии главным центром греческого влияния и пропаганды стал постепенно Серес, в южной Македонии - Солун, в западной Македонии - Битола.
- ⁷⁵ Веркович С. Указ. соч.
- ⁷⁶ Кънчев В. Град Скопие. Периодическо списание. Кн. 55-56. Средец, 1898, статья "Два санджака от Источна Македония". // Периодическо списание. Кн. 37-38. София, 1891.
- ⁷⁷ Селищев А.М. Указ. соч. С. 134.
- ⁷⁸ Там же. С. 131, 134.
- ⁷⁹ Селищев А.М. Указ. соч. С. 134. Противопоставление П. Хилендарского И. Крчовскому и К. Пейчиновичу в данном случае вполне оправданно, т.к. место его рождения (село Банско по наиболее распространенной версии) имеет только подчиненное значение, ибо его идейное формирование происходило вне Македонии (ее он покинул подростком).
- ⁸⁰ История славяноболгарская. Собрана и нареджана Паисием Хилендарским в лето 1762. Откъми за печат по първообраза Йор. Иванов. София, 1914. С. IX. Рукописные копии в Болгарии были сделаны в Котеле, Симокове, Риле, Жеравне, Елене, Русе (дважды), Габрово, Чирпане, Дрянове (дважды), Старой Загоре (дважды), Тырново (четыре раза) и др. (там же).
- ⁸¹ Там же. С. IX-XV.
- ⁸² "Македония", 1869 г., 11 септември. С. 1. Статья "Народните учители". Добавим, что Христка Павлович, уроженец Дупнищи, в 1844 году выпустил первое печатное изда-

- ние истории Паисия Хилендарского, несколько подправив ее и назвав "Царственик". См. История славяноболгарская. Собрана и нареджана Паисием Хилендарским в лето 1762. Откъми за печат по първообраза Йор. Иванов. София, 1914. С. IX. *Драганов П.Д.* Юго-славянские книги и статьи, напечатанные греческими буквами. СПб., 1905.
- ⁸³ *Бобчев С.С.* Българска периодическа печат. С. 7. Юбилеен сборник по случай петдесет годишната на българската журналистика. София, 1894.
- ⁸⁴ Будущий митрополит Натанаил Охридский и Пловдивский.
- ⁸⁵ В будущем русский консул на Балканах.
- ⁸⁶ Приложение I к "Записке о мерах образования в России славян". Типографский экз. ЦГИА. Ленинград.(Петербург) Ф. 733. Д. 311. Л. 78 а, 78 б.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ *Еничерев Н.Г.* Указ. соч. С. 114-115.
- ⁹⁰ "Македония", 1869 г., 16 августа; "Право", 1871, 28 июня.
- ⁹¹ Заметим, что по данным Х. Христова (Аграрните отношения в Македония през XIX и началото на XX в. София, 1964) в чети в Македонии уходили преимущественно крестьяне.
- ⁹² *Касабов И.* Моите спомени от възраждането на България с революционни идеи. София, 1905. С. 31.
- ⁹³ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1443. Л. 18-19 об.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ АВПРИ, Ф. Посольство в Константинополе, д. 1425. Л. 148.
- ⁹⁶ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2258. Л. 29, 42-42 об., 47-47 об., 94-94 об.
- ⁹⁷ АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 1542. Л. 8; *Спространов Е.* По възраждането в град Охрид. // Сб. НУНК. Кн. XIII. София, 1896.
- ⁹⁸ *Цамбазовски К.* Културно-општествените врски на македонците со Србија во текот на XIX век. Скопје, 1960.
- ⁹⁹ Хотя первые признаки зарождения великосербской националистической политики в отношении Македонии появились уже в начале 60-х годов. При тайных сербо-греческих переговорах в 1860-1861 гг. были предприняты первые попытки раздела Македонии на сферы влияния. При подготовке сербо-греческой конвенции (так и не подписанной договаривавшимися сторонами), по предложению Гарашанина была намечена линия, которая определяла районы сербского и греческого влияния (она затронула и часть албанской территории). Действия сербских агентов распространялись на районы Драча, Эльбасана, Охрида, Прилепа, Велеса, Штипа, Кратово, Джумаи до горы Балкан на севере. Греческих - на Берат, Горицу, Битоля, Демир-Капир, Радович, Разлог до Балкан на юге (*Јакшић Гр. и Вучковић В.* Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Београд, 1963. С. 75). В 1863 г. видный сербский либерал Светозар Милетић, в опубликованной в Новом Саде статье "Восточный вопрос", говоря о праве сербов, болгар, греков и румын создать на развалинах Турецкой империи на востоке Европы самостоятельные государства, указывал на целесообразность для болгар уступить Сербии часть Македонии до Охрида и Битоля, включая Салоники (См. Никола Петровић Светозар Милетић и народна странка. Граѓа 1860-1885. Књига I. 1860-1869. Сремски Карловци, 1968. С. 207). Началом открыто великосербских выступлений в печати явились статьи Милоша Милоевича "Пропаганды в Турции", опубликованные в Белграде газетой "Световид" в конце 1865 - начале 1866 годов. В них Милоевич нападал на деятельность Московского славянского комитета, который, по его мнению, способствовал расширению болгарского влияния в Македонии (*Цамбазовски К.* Указ. соч. С. 90).

- ¹⁰⁰ *Дамбазовски К.* Указ. соч. С. 70. *Велева Д.* Архивният фонд на Стефан Веркович. Известия на научен архив. Кн. III. София, 1966.
- ¹⁰¹ *Дамбазовски К.* Указ. соч. С. 93.
- ¹⁰² "Македония", 1868 г., 16 октябрия.
- ¹⁰³ *Еничеров Н.Г.* //сб. НУНК. Т. 20. С. 34-35.
- ¹⁰⁴ Два санџака от Источна Македония. Продолжение. Кн. 37-38. С. 81.
- ¹⁰⁵ Подробнее на языковой проблеме мы остановимся ниже.
- ¹⁰⁶ *Халдев Хр.* Град Прилеп за своите училища (продолжение). // Македонски и преглед. София, 1924. Сн. 2.
- ¹⁰⁷ *Завоев П.* Град Штип. // Македонски преглед. 1927. Кн. 3.
- ¹⁰⁸ Известный македонский просветитель и педагог.
- ¹⁰⁹ *Еничеров Н.Г.* // Сб. НУНК. Т. 20. С. 45.
- ¹¹⁰ Там же. С. 66. Об этом случае было напечатано в приложении к газете "Право" от 25 августа 1873 г.
- ¹¹¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2271. Л. 61-61 об.
- ¹¹² Там же. Л. 61 об.-62.
- ¹¹³ Там же. Ф.Посольство в Константинополе. Л. 62; Д. 2274. Л. 30. С середины 60-х годов XIX в. греческий силогос функционировал в Константинополе.
- ¹¹⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2274. Л. 31-31 об.
- ¹¹⁵ АВПРИ. Ф. ГА VA₂. Д. 144. Лл. 3-4.
- ¹¹⁶ Напомним, что северо-западные части Македонии (районы Скопье, Дебара, Тетово, Охрида), где имелись компактные массы мусульман (в основном албанцев-гегов и местных потурченцев), находились в сфере воздействия албанского национально-освободительного движения.
- ¹¹⁷ *Ристовски Б.* Указ. соч. С. 44.
- ¹¹⁸ *Кънчев В.* Град Скопие. "Периодическое списание". Кн. 55-56. Средец, 1898. С. 117.
- ¹¹⁹ Там же. С. 117-118.
- ¹²⁰ Там же. С. 120.
- ¹²¹ Там же. С. 121.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ "Минало". 1909. Кн. 2. С. 194.
- ¹²⁴ "Цариградски вестник". 1851, 18 авг.
- ¹²⁵ "Цариградски вестник". 1859, 1 янв.
- ¹²⁶ *Кънчев В.* Указ. соч.
- ¹²⁷ "Цариградски вестник". 1853, 21 марта, 19 сент.; Там же. 1854, 18 дек.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ *Кънчев В.* Указ. соч. С. 124.
- ¹³⁰ *Конев И.* Българо-сръбски литературни взаимоотношения през XIX в. София, 1964; *Баева С.* Някой момента от развитието на сръбската литература и творчество на Петко Славейков. // Известия на Института за литература. Кн. XVI. София, 1964.
- ¹³¹ *Кънчев В.* Указ. соч. С. 130.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ АВПРИ. Ф. ГА 1-9. 1815-1873. Д. 1. Л. 608.
- ¹³⁴ "Цариградски вестник". 1859 г., 18 августа.
- ¹³⁵ *Кънчев В.* Указ. соч.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ *Поленакović Хр.* Страници од македонска книжевност.
- ¹³⁸ *Хаджов Ив.* Братя Димитър и Константин Миладинови. София, 1944. С. 25.

- ¹³⁹ Арnaudов М. Братя Миладинови. Живот и дейност. (1810, 1830-1860). София, 1963.
- ¹⁴⁰ Хаджев Ив. Указ. соч.
- ¹⁴¹ Братя Миладинови. Преписка. Издирил, коментирал и редактирал Н. Трайков. София, 1964. С. 21.
- ¹⁴² Хаджев Ив., Указ. соч., стр. 23, 26-27.
- ¹⁴³ Спространов Е. По възраждането в град Охрид. // Сб. НУНК. Кн. XIII. София, 1896. С. 261.
- ¹⁴⁴ Шапкарев К. Автобиография. С. 60. Хаджев Ив. Указ. соч.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ Арnaudов М. Указ. соч. С. 40-41. Братя Миладинови. Переписка. С. 15-21.
- ¹⁴⁷ Арnaudов М. Указ. соч. С. 44.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Здесь прямой намек на турецкое владычество, т.к. всем было ясно, что если бы не было турок, то не было бы и греческой церковно-культурной гегемонии.
- ¹⁵⁰ Братя Миладинови. Преписка. С. 15-21.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Хаджев Ив. Указ. соч. С. 119.
- ¹⁵³ Велешанин. Димитр и Константин Миладиновы. // "День", Москва, 1862 г.; 17 ноября. Хаджев Ив. Указ. соч. С. 157.
- ¹⁵⁴ Хаджев Ив. Указ. соч.. С. 155-156.
- ¹⁵⁵ Братя Миладинови. Преписка. С. 42. Из Одессы эта группа молодежи, встреченная Г.С. Раковским, направилась в Москву, где поселилась в одной квартире с К.Миладиновым. Архив на Г.С. Раковски. Т. II. С. 400.
- ¹⁵⁶ В июне 1858 г. Миладинов послал через Севастьянова соответствующие прошения на имя русского императора и Синода. См. Братя Миладинови. Преписка. С. 49, 57-58.
- ¹⁵⁷ Влахов Т. Указ. соч.
- ¹⁵⁸ А.Р. Печальные вести из Македонии. // "День", 1962, марта 3.
- ¹⁵⁹ Хаджев Ив. Указ. соч. С. 148.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 46, 157-158; Братя Миладинови, Преписка.
- ¹⁶¹ Там же. С. 44, 49, 68.
- ¹⁶² Там же. С. 69.
- ¹⁶³ Издан в Загребе в 1861 г.
- ¹⁶⁴ Братя Миладинови. Преписка. С. 69. Хаджев Ив. Указ. соч. "День", Москва, 1862 г., 22 октября.
- ¹⁶⁵ Веркович С.И. Топографическо-этнографический очерк Македонии. СПб., 1889, Предисловие.
- ¹⁶⁶ Велешанин. Указ. соч. Братя Миладинови. Преписка. С. 37-39.
- ¹⁶⁷ Преписка. С. 38-39.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 44.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 69.
- ¹⁷¹ Там же. С. 33. Сноска 1,2.
- ¹⁷² Там же. С.33. Сноска 3.
- ¹⁷³ Там же. С. 33, 38, 44, 57-58, 69 и др.
- ¹⁷⁴ Арnaudов М. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁷⁵ Хаджев Ив. Указ. соч.С. 169.
- ¹⁷⁶ Переписка. С. 94-95.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ Там же.

- ¹⁷⁹ Там же. С. 103-104.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 145-146. До сих пор в историографии путешествие Миладинова по Македонии в 1860 г. считалось следствием инициативы из Константинополя.
- ¹⁸¹ Переписка. С. 146-147.
- ¹⁸² *Арнаулов М.* Братя Миладинови, Живот и дейност. (1810-1862), София, 1943. С. 87-88.
- ¹⁸³ *Шапкарев К.А.* Материалы за животописанието на братя Миладинови Димитрия и Константина с прибавление нешо и за живота на Нака С.Станишев. Пловдив, 1884. С. 45. *Арнаулов М.* Указ. соч. С. 89.
- ¹⁸⁴ *Шапкарев К.* Указ. соч.; *Арнаулов М.* Указ. соч. С. 92-93.
- ¹⁸⁵ Преписка. С. 88.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 94.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 36.
- ¹⁸⁸ *Арнаулов М.* Указ. соч. С. 61-62.
- ¹⁸⁹ *Шапкарев.* Указ. соч.. С. 36.
- ¹⁹⁰ Подробнее о событиях в Битоле, см. гл. IV.
- ¹⁹¹ Приложение к письму Ч. Калверта от 24 июля 1861 г. См. Преписка.
- ¹⁹² *Велева Д.* Указ. соч.
- ¹⁹³ Там же. Во время своих поездок Веркович нашел и собрал большое количество славянских и греческих рукописей, монет и др. Записал много народных сказок и преданий, главным образом, в юго-восточной Македонии. В 1860 г. он издал в Белграде часть собранного материала. "Народне песме македонске бугара. Књига прва. Женске песме." Это был первый сборник македонских народных песен, вышедший за год до сборника Миладиновых.
- ¹⁹⁴ Там же. *Цамбазовски К.* Указ. соч.
- ¹⁹⁵ В 1868 г. в Москве вышла его книга "Описание быта болгар, населявших Македонию". В 1889 г. в Петербурге он издал еще один труд "Топографическо-этнографический очерк Македонии". Кроме этих работ Веркович издал два тома (первый в Белграде в 1874 г., второй в Петербурге в 1881 г.) печально знаменитого сборника "Веда словена", песни которого оказались подделкой. Веркович стал жертвой мистификации со стороны своего сотрудника Ивана Гологанова, учителя села Крушева (Македония).
- ¹⁹⁶ С.И. Веркович. Топографическо-этнографический очерк Македонии. Спб, 1889, стр. 1
- ¹⁹⁷ Заметим, что в данном случае Веркович говорит о юго-восточной Македонии.
- ¹⁹⁸ *Веркович С.И.* Указ.соч.. С. 1.
- ¹⁹⁹ Там же.
- ²⁰⁰ Там же. С. 2.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² Там же. С. 5-7.
- ²⁰³ Преимущественно Серский и Неврокопский округа.
- ²⁰⁴ *Велева Д.* Указ.соч.
- ²⁰⁵ Там же.
- ²⁰⁶ *Веркович С.И.* Указ. соч. *Велева Д.* Указ. соч.
- ²⁰⁷ *Веркович С.* Указ. соч.
- ²⁰⁸ *Велева Д.* Указ. соч.
- ²⁰⁹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе, 1863. Д. 2261. Лл. 31-31 об., 43.
- ²¹⁰ История на българската литература. Т. 2. София, 1966. С. 113.
- ²¹¹ *Селищев А.М.* Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектографические очерки северо-западной Македонии. София, 1929. С. 167.

- ²¹² Там же. Письменный язык того времени - церковно-славянский язык русской редакции - был непонятен простому народу. Я. Кочовский и К. Пейчинович пытались приблизить письменный язык к живой народной речи, включая в него местные говоры (в основном кратовский и тетовский).
- ²¹³ Переводы церковных книг и молитв на местные говоры делали Д. и К. Миладинови, более образованные священники. Из последних переводов наиболее известны Кониновское евангелие иеромонаха Павла Божигробского (1852 г., Воденская епархия), воскресное евангелие с. Колакия (1863 г., низовья Вардара), сборник церковных проповедей священника Ивана из с. Высокое (1868 г.). В 1851 г. в Салониках был издан на западно-македонском наречии закон о битольских чифлигарских селах. При написании и издании этих работ была использована греческая графика. См.: Снегаров Ив. Солун в българска духовна култура. С. 31-32; *Иванов И.* Български старини из Македония. София, 1931. С. 195-198.
- ²¹⁴ Во время пребывания в России К. Петкович перевел на родной язык чешскую песнь о суде Любуши. См.: *Толстой Н.И.* Страничка из истории македонского литературного языка. История славянских литературных языков. // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 43. Москва, 1965.
- ²¹⁵ *Пърличев Гр.С.* Автобиография. // Сб. НУНК. София, 1894. С. 371; *Хаджев Ив.* Братя Д. и К. Миладинови. С. 128.
- ²¹⁶ Газета "Съветник", 1864, 30 мая. С. 3. Цитирую по: *Хаджев Ив.* Братя Д. и К. Миладинови. С. 128.
- ²¹⁷ *Шпанков К.* Автобиография. // Македонски преглед. III. 2.; *Снегаров Ив.* Принос към историята на просветно дело в Македония. // Македонски преглед. 1927. Кн. 1; *Конески Б.* Кон македонската преродба, Македонските учебници од 19 век. Второ издание. Скопје, 1959. С. 14-15.
- ²¹⁸ Т.е. более свободными от последующих (после Кирилла и Мефодия) чуждых влияний и наслоений.
- ²¹⁹ "Българска граматика" // "Цариградски вестник". 1857, январь-август.
- ²²⁰ "Мислы за болгарскийот язык". // Български книжици. Цариград. 1858. Ч. 1.
- ²²¹ "Българска граматика".
- ²²² Этот факт подчеркивался как современниками, так и в позднейшей историографии. См. в частности *Тодоров Ив.* Происход и развитие на българския книжовен език и въпросът за книжовен език. // Годишник на Софийския университет. Историко-филологическият факултет. Т. 43. София, 1947.
- ²²³ "Мислы за болгарскийот язык".
- ²²⁴ Там же.
- ²²⁵ *Димитров Л.* Обществена и книжовна дейност на хаджи Партения Зографски. // Известия на семинаре по славянска филология при университета в София за 1904 и 1905 год. София, 1905; *Томов Р.* Живот и дейност на Хаджи Парфения... // Македонски преглед. 1936. Кн. 1 и 2.
- ²²⁶ "Български книжецы", 1858 г. См. также Конески Б. Указ. соч. С. 36.
- ²²⁷ *Димитров Л.* Указ. соч. С. 379. *Конески Б.* Указ. соч. С. 37.
- ²²⁸ "Дунавски лебед" ("Прибавка"). 1860 г., 27/X.
- ²²⁹ Там же.
- ²³⁰ Сделан в 1858 г. по настоянию А. Рачинского, для противодействия униатским тенденциям в Южной Македонии.
- ²³¹ Братя Миладинови. Преписка. С. 132-133.

- ²³² Шапкарев упоминал в письме о собранных им македонских песнях и желании издать их. См. Архив на Г.С. Раковски. Том II. Писма, София, 1957. С. 794-797.
- ²³³ История на българската литература. Т. 2. С. 113.
- ²³⁴ *Тодоров Ив.* Указ. соч.
- ²³⁵ *Велешанин.* По поводу тысячелетней годовщины св. Кирилла и Мефодия. // "День". 1963, 4 мая. С. 17-18.
- ²³⁶ Всего перечислено 10 названий.
- ²³⁷ *Снегаров Ив.* Указ. соч. Притурки. VI. С. 228. Примечание 3.
- ²³⁸ Голяма българска читанка или втората част на българският букварь на наречие по разумително за македонските българи. Наредил един Македонец, Цариград, 1868. С. 3-6.
- ²³⁹ Называет 8 учебных пособий: таблицы для чтения и счета, букварь, хрестоматию и др. Они были изданы в течение 1866-1874 годов. См. *Конески Б.* Указ. соч.
- ²⁴⁰ Голяма българска читанка...
- ²⁴¹ Последнее замечание еще раз подтверждает то обстоятельство, что болгарский литературный язык к этому времени обрел уже вполне осязаемые контуры и что его основу составляли восточноболгарские говоры.
- ²⁴² Там же.
- ²⁴³ Там же.
- ²⁴⁴ Там же.
- ²⁴⁵ Об этом см. ниже.
- ²⁴⁶ Ими пользовался и рассылал по школам Д. Миладинов и др. деятели просвещения. О их популярности у местного населения писал Р. Жинзифов.
- ²⁴⁷ "Ил. Светлина", 1898, ин. VII, с. 2; см. *Конески Б.* Указ. соч. С. 48.
- ²⁴⁸ Филиал книжной лавки известного болгарского издателя Хр. Данова имелся в Велесе.
- ²⁴⁹ "Право". 1870 г., 30 ноября; 1871 г., 8 февр.
- ²⁵⁰ *Еничерев Н.Г.* Спомени. С. 98.
- ²⁵¹ "Право". 1871, 22 февр.
- ²⁵² "Македония". 1871 г., 27 июля. Были заметки из Охрида в защиту Шапкарева и в газете "Право". 1871 г., 8 февр.
- ²⁵³ "Право". 1871 г., 5 апр.
- ²⁵⁴ *Конески Б.* Указ. соч. С. 46.
- ²⁵⁵ *Еничерев Н.Г.* // Спомени... С. 66-68.
- ²⁵⁶ "Право". 1872 г., 18.IX. С. 4, объявление Мачуковского. См.: *Снегаров Ив.* Солун в българска духовна култура. Сноска 28 к главе V. С. 98; *Еничерев Н.Г.* Спомени... С. 98.
- ²⁵⁷ *Влахов Т.* Указ. соч. С. 108.
- ²⁵⁸ *Сълганджиев Ст.* Указ. соч. С. 34. *Конески Б.* Указ. соч. С. 49.
- ²⁵⁹ *Сълганджиев Ст.* Указ. соч. С. 34-35. *Конески Б.* Указ. соч. С. 49-50.
- ²⁶⁰ "Право". 1870 г., 30 ноября.
- ²⁶¹ Первым внимание научной общественности обратил на эту статью Б. Конески, см. указ. соч.
- ²⁶² По-видимому имеется в виду указанная выше статья газеты "Право".
- ²⁶³ Славейков пытался разубедить "македонистов" в справедливости их заявления: "Оторвались от греков для того ли, чтобы попасть под других?"
- ²⁶⁴ "Македония". 1871, 18 января.
- ²⁶⁵ По македонскийот въпрос. // "Македония". 1871 г., 16 февр. Отговор на "Македонскийот въпрос". // "Право". 1871 г., 22 февр.
- ²⁶⁶ *Еничерев Н.Г.* Спомени. С. 98 (подстрочник).

- ²⁶⁷ Речник от три језика. С. македонски, албански и турски. Књига II. Написал Ђорђе М. Пулевски, Мияк галчики. У Београд, 1875, см. *Конески Б.* Указ. соч. С. 87.
- ²⁶⁸ *Еничеров Н.Г.* Спомени от мосто учителство в Прилеп. // Сб. НУНК. Т. 20. София, 1904. С. 64.
- ²⁶⁹ *Арнаудов М.* Указ. соч. С. 53.
- ²⁷⁰ Там же.
- ²⁷¹ Начало перевода, опубликованное в журнале “Читалище”, подверглось очень резкой критике в рецензии Нешо Бончева, появившейся в Браильском “Периодическом описании” в 1871 г. (кн. 4).
- ²⁷² Автобиография. // Сб. НУНК. Т. 20 София, 1904.
- ²⁷³ *Пърличев Гр.* Сочинения. София, 1930. Предисловие. С. 10-11.
- ²⁷⁴ *Веркович Ст.* Описание быта болгар, населяющих Македонию. Москва, 1868 г.
- ²⁷⁵ *Драганов П.* Этнографический очерк славянской части Македонии // Известия СПб. Славянского благотворительного общества. СПб, 1888. № 1.
- ²⁷⁶ *Веркович Ст.* Указ. соч. С. 5.
- ²⁷⁷ *Трайков.* Книга за мяяците.
- ²⁷⁸ *Веркович Ст.* Указ. соч. С. 7, 13.
- ²⁷⁹ Там же. С. 16.
- ²⁸⁰ Там же. С. 22.
- ²⁸¹ Там же. С. 27.
- ²⁸² *Шотов А.* Материалы по новата история на Македония. Периодическо списание. Средец, 1889. Кн. XXXI. С. 112.
- ²⁸³ *Макензијева Г.М. и Ирбијева А.Т.* Путовање по словенским земљама Турске у Европи. У Београду. 1868.
- ²⁸⁴ Там же. С. 88. В том же плане описал Велес и русский консул в Битоле в начале 60-х годов М. Хитрово.
- ²⁸⁵ *Макензијева Г.М. и Ирбијева А.Т.* Путоване по слов. земљама..., стр. 105.
- ²⁸⁶ “Лоза”. Год I. Кн. II. С. 67. Статья “Два врага”, посвященная взаимоотношениям болгар и македонцев в Болгарском княжестве. Имелось в виду “целокупность” населения Македонии и Болгарии.
- ²⁸⁷ *Стамбольски Хр.* Автобиография, дневники и спомени. Т. I (1852-1868). София, 1927. 67.
- ²⁸⁸ “Македония”. 1868, 23 апреля. С. 3.
- ²⁸⁹ Такие выражения употребил в своем письме от 29 марта 1859 г. к Н.А.Попову А. Рачинский, только что побывавший в Кукуше, Салониках, проехавший через “деревни и города Македонии”. Безусловно навеяны они были местными впечатлениями. См. ЦГАОР. Ф. 1750. Д. 79. Л. 7 об.
- ²⁹⁰ См. газету “Македония”. 1866-1872 гг. *Снегаров Ив.* Солун в Българската духовна култура. Братя Миладинови. Преписка и т.д.
- ²⁹¹ *Матковски А.* Грбовите на Македонија. Скопје. 1970. С. 120-121, 146 и др.
- ²⁹² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Том XIII (1749-1753). СПб., 1830. С. 552-588. Док. № 9919; *Скальковский.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1731-1823. Т. I. Одесса, 1836. С. 34-35; *Попов Н.* Известие и похождение Симеона Степановича Пищевича (1731-1785). Москва, 1884. *Его же.* Военные поселения сербов в Австрии и России. // Вестник Европы. Т. III. 1870; *Матковски А.* Указ. соч. С. 191-194.

- ²⁹³ Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками. Часть V. СПб., 1899. Рис. 638 и 639. Знамена этих полков не сохранились; гербы на штандартах македонском и болгарском различны.
- ²⁹⁴ *Матковски А.* Указ. соч. С. 194.
- ²⁹⁵ Преписка. С. 132-133.
- ²⁹⁶ *Шапкарев К.А.* Материали за животописанието на брата Миладинови Димитрия и Константина. С прибавление нешто и за живота на Ника С. Станишев. Пловдив, 1884. С. 1.
- ²⁹⁷ Известия С.Петербургского славянского благотворительного общества. 1888. № 4-5, раздел "Объявления". С. 263-264. На характеристике названного сборника Шапкарева мы остановимся ниже.
- ²⁹⁸ "Лоза". Год I. кн. П. С. 91-96. Статья "Едно кратко обяснение". Посвящена вопросам языка.
- ²⁹⁹ *Конески Б.* Указ. соч.; *Ристовски Б.* Крсте. П. Мисирков (1874-1926). Прилог кон проучуването на развитокот на македонската национална мисла. Скопје, 1966. С. 42-43.
- ³⁰⁰ *Рисовский Б.* Указ. соч. С. 43, 46-47.
- ³⁰¹ "Марица". 1878 г., III августа. С. 7 См. *Снегаров Ив.* Солун в българската духовна култура. С. 174-175. Сноска 23 к гл. VII.
- ³⁰² *Стамболски Хр.* Указ. соч. С. 67.
- ³⁰³ "Македония". 1871 г., 30 ноября. Статья "Съединието на источните народы".
- ³⁰⁴ "Македония". 1871 г. 16 февраля. Статья "По македонскийот въпрос".
- ³⁰⁵ Там же.
- ³⁰⁶ "Српске новине". 1875, 9 мая. Приложение к № 103.
- ³⁰⁷ "Лозаристы" предлагали: отбросить в конце слова "ъ, ь", как излишние; для членной формы мужского рода ввести "от" вместо "ъ", "ь" заменить "а", как подсказывает живое произношение; дифтонги "ю, я" писать по новому: "ју", "ја"; уничтожить в некоторых случаях иѣтацию; предлоги "във", "със" писать "во, со и т.д. См "Лоза", указ. книга и статья.
- ³⁰⁸ *Вардарски.* Стамболовщина в Македонии. Написана в Салониках в 1894 г. Издана в Вене. 1894.
- ³⁰⁹ Там же. С. 4.
- ³¹⁰ Там же. С. 26.
- ³¹¹ Там же. С. 49.
- ³¹² "А эти крещенные кумом Кынчевым "сепаратисты" суть все интеллигентные болгаро-македонцы, чей "сепаратизм" состоит в том, что они против централизации церковно-училищной власти, другими словами это молодая болгаро-македонская партия, которая защищает самоуправление и старые права болгаро-македонских общин" (С. 41).
- ³¹³ Там же. С. 53.
- ³¹⁴ *Мисирков К.П.* "За македонските работи". София, 1903.
- ³¹⁵ Братя Миладинови. Преписка. С. 130-131.
- ³¹⁶ *Веркович Ст.* Народне песме... С. XVII. Попутно заметим, что сбор народных песен в Болгарии был начат в 30-е годы XIX в. Первые сборники песен вышли в начале 40-х годов.
- ³¹⁷ См.: *Марко Цепенков.* Сказни и сторенја. Редактирал Блаже Конески. Скопје, 1954.
- ³¹⁸ Известия С.Петербургского славянского благотворительного общества, 1888 г. № 4-5. Раздел "Объявления". С. 263-264.
- ³¹⁹ Материалы для истории братьев Миладиновых, книга о русалках в Македонии и болгарско-македонские сказки и поверья. См. там же.
- ³²⁰ Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества, 1888 г.. № 4-5. Раздел "Объявления".

- ³²¹ Там же.
- ³²² Там же.
- ³²³ *Велева Д.* Архивни фонд на Стефан Веркович. С. 91.
- ³²⁴ Начал выходить в Константинополе в 1848 г. Болгарский историк Д. Мишев характеризовал эту газету как “инертного летописца”, лишь автоматически фиксировавшего события. См.: *Мишев Д.* Възраждане чрез печата. България, 1000 години, 927-1927. I. София, 1930. С. 619.
- ³²⁵ Там же.
- ³²⁶ Там же. С. 625.
- ³²⁷ Первая официальная турецкая областная газета появилась в Мизии - газета “Дунав” (1865), затем во Фракии - “Удирне” (1867) и потом в Македонии. См.: *Мишев Д.* Указ. соч.. С. 659. Первый номер газеты “Селяник” вышел в 1868 г. См.: *Сьлганджиев.* Указ. соч.
- ³²⁸ *Сьлганджиев.* Указ. соч.
- ³²⁹ *Филипов Н.* Възраждане чрез литература. България 1000 години. С. Ристовски. Една вонредна Мисиркова студија во списанието “Вардар” од 1905 година. // Разглед. Скопје. 1966. № 4.
- ³³⁰ Там же.
- ³³¹ *Жинзифов Р.* Избрани сочинени. София... Предисловие. С. 7-10.
- ³³² *Радев С.* Македония и българското възраждане в XIX в. Ч. I. София. 1927. С. 129-139. Анталогия на македонската лирика. Предисловие.
- ³³³ *Жинзифов Р.* Избрание съч. С. 7-10.
- ³³⁴ *Еничерев Н.Г.* Спомени и бележки. Глава “От Пловдива до Велеса”.

Глава IV

Национально-освободительная борьба против османского ига в 50-70-е годы XIX в.

Выше мы отмечали, что основным содержанием общественно-политической жизни Македонии с 50-х до середины 70-х годов XIX в. было движение против греческой церковно-культурной гегемонии, в то время как в Болгарии (северной и южной) 50-е годы уже ознаменовались переходом к активной политической деятельности. В центрах болгарского национально-освободительного движения - Константинополе, Бухаресте, Одессе - с развитием Восточного кризиса началась лихорадочная разработка политических программ и планов повстанческой деятельности в болгарских землях. В записках, поданных русским государственным и военным лицам в 1853-54 годах, несмотря на отдельные разночтения, четко проступило основное политическое требование: получение национальной автономии по примеру соседних народов¹. Одновременно вполне определенно была намечена этническая территория: “между нижним Дунаем и Архипелагом”, т.е. Болгария (географическая), Фракия, Македония. Настойчиво обращалось внимание на то, что Болгария заключается “не в одних пределах, очерченных географией политически пристрастной”, а простирается далеко за Дунай: на юг до Салоник и Кавалы, на юго-запад до Охрида, на восток до Черного моря, на запад до р. Тимок². Авторы подобных записок - в основном представители либерально-буржуазного направления - все свои надежды в достижении намеченных целей возлагали на Россию³.

Следует заметить, что среди лидеров болгарской буржуазной эмиграции в России, Дунайских княжествах, болгарской колонии в Константинополе в этот период (как, впрочем, и позднее) было очень мало выходцев из Македонии. Мы можем назвать только единицы - Константина Петковича, выпускника Петербургского университета, приехавшего в турецкую столицу в начале 1853 года⁴, иеромонаха Нафанаила (Натанаила), закончившего в 1851 г. Киевскую духовную академию (до этого учился в Кишиневе и Одессе), принимавших активное участие во всех начинаниях болгарской буржуазии в Константинополе.

Намерение русского правительства, в отличие от прежних войн с Турцией, сочетать военные действия с повстанческим движением среди христианских народов Османской империи, было фактором первостепенной важности, повлиявшим на появление различных планов подготовки болгарского восстания. Нам представляется, что новая тенденция русской политики стала ясна болгарским буржуазным кругам еще до воззвания Паскевича к балканским славянам в апреле 1854 г.

Чтобы направить в нужное русло нараставшее народное движение в Болгарии, представители болгарской буржуазной эмиграции в Одессе намеревались до перехода русских войск за Дунай послать в турецкие провинции через Сербию под видом торговцев, специальных эмиссаров: Найдена Герова, Савву Радулова, Савву Филаретова. В Македонию должен был выехать одесский торговец Симо Андреевич, родом из Призрена⁵. Был тщательно продуман список лиц, с которыми эмиссары должны были установить связь. В первую очередь рекомендовались воспитанники светских и духовных учебных заведений России. В Северной Болгарии опорными пунктами намечались Шумен, Тырново, Трявна, Елена, Габрово, Свиштов, где должны были действовать Иван Богоев (Богоров), Стефан Пенювич Ахтар, Николай Михайловский, Петко Славейков. Никифор Мудрон, Илья Грудов, Апостол Конкович, Цветко Родославов. В списке упоминались и представители духовенства - епископ Врачанский Дорофей, епископ Ловчий Иларион, начальник его канцелярии Митрофан⁶.

В южной части Болгарии, за Балканами, главным организатором подготовки населения к приходу русской армии намечался отец Христо Ботева Ботю Петков. Он же был избран русской и бухарестской эмиграцией руководителем движения во всей Фракии. В Ески-Загре работу мыслилось поручить Захарию Княжескому, в Сливно - Добре Чинтулову, в Казанлыке - Стоянчо Груену. Из духовенства собирались привлечь игумена Рильского монастыря Иосифа, игумена монастыря в Татар-Пазарджике Галактиона. Через иеромонаха Нафанаила надеялись заручиться поддержкой духовенства Зографского монастыря на Афоне⁷.

Приведенные выше данные показывают, что продуманный план, опиравшийся на вполне реальные внутренние силы, имелся только для севера и юга Болгарии. На Македонию и "всю Фракию" пока была сделана только формальная заявка.

Весьма близкая картина вырисовывается и при анализе деятельности радикально настроенной болгарской буржуазии, представителем которой выступал Г.С.Раковский. "Тайное общество", образованное Г.С. Раковским в 1853-54 годах с целью действенной подготовки болгарского народа к всеобщему вооруженному восстанию, опиралось на довольно разветвленную сеть отдельных групп своих единомышленников в различных городах Болгарии, среди

них: Видин, Свиштов, Тырново, Елена, Дряново, Габрово, на юге страны между Казанлыком и Колофером⁸. То есть главными районами восстания были избраны округа, прилегающие к Балканам с севера и юга, а также северо-западная часть Придунайской Болгарии⁹. В этих местах, особенно в городах Северной Болгарии, имелись прочные традиции повстанческой борьбы против турецких угнетателей, определенные кадры общественно-политических деятелей.

С целью выяснить возможность выступления в “македонских пределах”, соседних со Св. Горой и, кроме того, установить связь с руководителями готовившегося восстания греков в Эпире и Фессалии, Павел Грамадов посетил иеромонаха Нафанаила в Зографском монастыре на Афоне. Он действовал не только по заданию Г.С. Раковского, но и по поручению русского командования¹⁰. Нафанаил и Зографские старцы, хорошо знавшие “действительное положение в Македонии” и, сознавая трудности предпринять что-либо реальное для подготовки восстания, посоветовали отдать предпочтение составлению отрядов в Валахии, которые вместе с русскими перешли бы Дунай¹¹. Другими словами ситуация в Македонии была совсем иной, чем в Придунайской и Забалканской Болгарии: здесь не было ни одного опорного пункта внутри македонских районов, ни одного общественно-политического деятеля, пользующегося нужным авторитетом, помимо все того же иеромонаха Нафанаила на далеком Афонском полуострове.

Как показывают различные материалы, Раковский и его соратники в понятие “вся нация”¹², включали и македонцев. Однако, “Тайное общество” только теоретически можно рассматривать как попытку создания первой болгарской общенациональной революционной политической организации, имея в виду Болгарию, Фракию и Македонию¹³. Фактически деятельность общества была значительно уже, ибо не только Македония, но и большая часть Фракии остались вне рамок его практических усилий. Ведь посещение П. Грамадовым Нафанаила носило, в сущности, чисто информативный характер и не выходило за рамки общих переговоров, которые велись в частности также с греками и сербами.

Выпадение Македонии, как серьезного и равноправного партнера, из тактических планов обеих группировок болгарской буржуазии не было случайным. Македонцы были еще очень слабо дифференцированы в национальном отношении, кадры интеллигенции почти равны нулю, общественная мысль только начинала вырываться из рамок средневековых идеалов и морали, подниматься на борьбу за родной язык, культуру, независимую от Константинополя церковь. Такое положение было вполне естественным, т.к. вплоть до 40-х годов XIX в. Македония представляла собой конгломерат полунезависимых, мало связанных друг с другом владений всемогущих турецких феодалов, та-

ких как Али-паша Янинский, Джеладин-бей Охридский, Исмаил-бей Сереский и им подобных, где христианская райя, за незначительным исключением, была низведена до положения безгласных рабов. Понятно, что в таких условиях общественно-политическое развитие не могло прогрессировать должным образом. Кроме того освободительная борьба в Македонии осложнялась наличием значительной мусульманской прослойки (около 1/3 всего населения), присутствием постоянных контингентов турецких регулярных воинских единиц (Битоль был стратегическим центром, где помещалась главная квартира румелийской армии), частой переброской через территорию Македонии правительственных войск в соседние балканские провинции.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие серьезных попыток организовать население Македонии на сознательную борьбу с турецкой феодально-бюрократической властью как политической системой, в среде македонцев росло стихийное недовольство. Тяжелые чрезвычайные налоги продуктами и скотом, вызванные военными нуждами Османской империи, большие злоупотребления, допускавшиеся правительственными чиновниками при их взимании, порождали жалобы и протесты в адрес высшей местной администрации. Взрыв недовольства вызвало распоряжение султана о призыве в армию и христиан. В знак протеста из Костурского района и других мест Македонии, близких к греческой границе, в свободную Грецию и частично в Валахию бежало около 400 человек¹⁴. Часть недовольных общим положением уходила в горы, пополняя гайдуцкие отряды. Подобно соседним балканским провинциям, гайдучество, как старейшая форма отпора турецким насильникам, не прекращалось в Македонии с момента утверждения здесь власти османов, оживляясь в период внешних и внутренних затруднений Турции. Так было и в настоящий момент. Например, чета Илю воеводы (деда Илю Малешевского, капитана Илю), одного из старейших и наиболее популярных гайдуков нового времени не только в Македонии, но и за ее пределами, действовавшая в Малешевском Балкане и Пирине (узле гор, лежащих на границе Болгарии, Фракии и Македонии) с 40-х годов, в период Крымской войны возросла до 70-ти человек¹⁵. Нет сомнения, что в 50-е годы деятельность Илю была такой же, какой описал ее в 1861 г. Н. Геров: “Со своей многочисленной дружиной он охраняет, по возможности, край от разбойников, провожает купцов и караваны по опасным дорогам, при случае, наказывает насильников за притеснения их относительно христиан”¹⁶. То есть гайдучество в Македонии продолжало сохранять свой прежний характер разрозненного, частного отмщения туркам.

Крымская война оживила в Македонии давние симпатии к русским и веру в помощь России¹⁷. “Если бы вы находились в Македонии во время Восточной войны, - писал в начале 60-х годов Р. Жинзифов, - то увидели бы горожан и селян, окружающих учителя, который им читает газету с извест-

тиями об успехах и неудачах России. “Что еще ли москвичи не перешли Балкан?” - спрашивали одни. “Взята ли Силистрия?” - осведомлялись другие. “Скоро ли они будут к нам?”¹⁸.

Свобода была желанна, но получить ее мечтали из чужих рук. Мысль о возможности собственными силами сбросить власть многовекового тирана еще не возникала. Даже участие уроженцев Македонии в болгарских добровольческих отрядах русской армии в период Крымской войны было, по-видимому, минимальным. Во всяком случае, в списках добровольцев, награжденных русским правительством за храбрость, значилось только одно имя некого Петра Горофу из Восточной Македонии (Разлог)¹⁹. Известен также факт создания в 1853 г. на собственные средства конного взвода болгарских волонтеров неким Кирияком Араковским, уроженцем Македонии, проживавшем в Одессе. Араковский со своим взводом участвовал во многих боевых операциях и был награжден золотой медалью “За храбрость” на Георгиевской ленте²⁰.

Надо сказать, что болгарские лидеры не придавали Македонии серьезного значения в данном плане. Например, Н. Палаузов, высказавшись за создание за Дунаем “собственных” дружин добровольцев (в отличие от формирования в княжествах на деньги русского правительства), стремился мобилизовать с этой целью средства только “для задунайцев и забалканцев наших”²¹.

В 50-е годы Македония осталась в стороне и от такого вида выражения протеста, как посылка на имя русского императора и высокопоставленных русских должностных лиц различных обращений с жалобами на тяжесть своего положения, а также с просьбами об освобождении от турецкого ига, в то время как из районов по обе стороны Балкан такие заявления поступали непрерывно как от отдельных лиц, так и от целых общин²². Под прошениями общин стояли многочисленные подписи. Так, под обращением Свиштовской общины подписалось 209 человек²³. За своих собратьев - “болгар задунайских” - просили русских болгары-эмигранты из Джуруджево (Гюргово)²⁴.

Приведенные факты всей своей совокупностью свидетельствуют о недостаточном уровне общественного развития македонцев в 50-е годы XIX в. и об отсутствии здесь, в этот период, серьезного влияния болгарской политической мысли. В этом нет ничего удивительного. Руководящие политические деятели Болгарии были еще сами недостаточно сильны, находились преимущественно вне пределов страны (в Константинополе, Бухаресте, Одессе), искали поддержки не только у великих держав, но и у Сербии и Греции (деятельность Раковского, “Добродетельной дружины”, Каравелова и других). Поэтому вполне закономерно, что они поддерживали тесную связь с областями, более окрепшими в национальном отношении, и не имели еще достаточной базы для расширения своего политического влияния на другие регионы. Для Македонии

в силу самого географического ее положения более непосредственными оставались все еще, как и в первой половине XIX в., контакты с Сербией и Грецией, усиленные в данном случае одним и тем же фактором - военным столкновением России с Турцией. По крайней мере возможность восстания в городах Македонии и самом Скопье весной 1854 г. турецкие власти связывали с происками, по их мнению, русских и сербского князя, а также с распространившимися слухами о подготовке в Сербии 60 000 отряда, готового перейти границу²⁵.

Надо сказать, что на территории Македонии, за исключением самых южных районов, с конца XVII в. не было восстаний. Помимо чет, самые недовольные обычно уходили сражаться "против общего врага христиан" в ряды сербских и греческих повстанцев. Во время греческих движений против турок в первой половине XIX в., агитаторы ходили по македонским селам и записывали молодежь, которая хотела биться "за веру"²⁶. Как писал А.Шопов, все, что было в Македонии "живого, сильного, богатого", устремлялось тогда помогать грекам²⁷. Греческая революция 1821 г. имела непосредственный отзвук в Македонии. В 1822 г. в г. Нюста вспыхнуло восстание, жестоко подавленное турецкими властями²⁸. В 1839 г. центральная этерия готовила восстание для освобождения Македонии и присоединения ее к Греции. Агенты этерии и ее филиалы имелись во многих городах Македонии. По словам Динго Дражиловича, который представлял этерию в Ламии, в разные места Македонии было послано 140 человек, в основном местных уроженцев; но они ничего не смогли сделать. Некоторые из них были схвачены турецкими властями, другие сумели бежать и вернуться в Грецию²⁹.

В 1853-54 годах, под влиянием политической агитации, идущей из Греции, сильное брожение проявилось в южной Македонии. Главный тайный комитет, созданный в Афинах осенью 1853 г. "для освобождения всей греческой нации", желая использовать благоприятную международную ситуацию, начал готовить восстание, намереваясь путем "вторжения свободной Греции в Фессалию, Эпир и Македонию", добиться присоединения к королевству населенных греками провинций³⁰. По плану, одобренному руководством Главного комитета, после успешных операций в Эпире и Фессалии, в Македонию немедленно должен был отправиться отряд Тсами Каратассо, уроженца Македонии, сына одного из руководителей революции 1821 г.³¹

Восстание греков против турок началось действиями в Эпире 15/24 января 1854 г. Операции были начаты в январе с тем, чтобы турки с Дуная не могли придти на помощь мусульманам в Македонии и с тем, чтобы восстание христианского населения совпало с переходом русской армии через Дунай³². В прокламации, подписанной Караисаки в Арте 30 января 1854 г., с пафосом отмечался широкий диапазон событий; "как дракон с семью головами, уже воспрянули

Ионические острова, Эпир взволновался, Фессалия пришла в движение, Македония всколыхнулась, Фракия ждет; свободная Греция похожа на действующий вулкан, низвергающий лаву: она бросает отважных воинов в свои земли" ("sur ses montagnes"). Караисаки призывал повстанцев к смелости ("смелость и еще раз смелость!"), указывал, что 6-ти миллионам свободных греков, ионийцев, эпиротов, фессалийцев, македонцев и фракийцев противостоят слабые варвары, разбитые у берегов Дуная большой и грозной армией³³. На знамени повстанцев была начертана эмблема: "Е.Θ.Μ." - Эпир, Фессалия, Македония³⁴.

Несмотря на ограниченность восстания в Эпире и движения в Фессалии, рейд Каратассо в Македонию в район Салоник был все же осуществлен³⁵. Повстанцы хотели занять Афон, но не смогли этого сделать, хотя там восстали многие монахи и миряне-ремесленники, работавшие в монастырях. В восстании святогорцев участвовали и монахи болгарского монастыря Зограф. Одним из деятельных участников восстания был известный нам иеромонах Нафанаил. Позднее, спасаясь от турецких репрессий, провинившиеся монахи бежали в Валахию и Молдавию³⁶. Вскоре после ультиматума Порты греческому правительству в марте 1854 г. Каратассо, вместе с остальными отрядами, ушел за греческую границу³⁷.

Сильное брожение в рассматриваемый период наблюдалось в Македонии в богатых влашских селах в Битольском районе³⁸.

После временного затишья, вызванного победой антирусской коалиции в Крымской войне, национально-освободительная борьба балканских народов вновь оживилась. Провозглашенный Портой под влиянием европейских держав хатт-и-хумаюн 1856 г., обещавший равноправие христиан и мусульман и реформу управления, так же, как Гюльханейский хатт-и-шериф 1839 г. не дал почти никаких практических результатов. По-прежнему не обеспечивалось равенство христиан и мусульман, безопасность личности и имущества, свобода вероисповеданий, справедливость судопроизводства. Росли налоги, произвольные поборы, эксплуатация со стороны государства и феодалов. Безнадежность добиться какого-либо улучшения в рамках Османской империи, глубокие социально-экономические изменения, укрепление класса буржуазии, рост интеллигенции, влияние демократической мысли Запада, требовавшей освобождения всех народов от рабства, создания национальных государств, и особенно борьба за освобождение и объединение Италии были причиной новой волны выступлений против турецкого владычества на Балканах. Уже в 1857-58 годах в Боснии и Герцеговине вспыхнуло второе восстание Луки Вукаловича, вызвавшее черногорско-турецкую войну 1858 г. Под влиянием этих событий Раковский, находясь в Одессе, разрабатывает в ноябре-декабре 1858 г. новый план освобождения Болгарии, пишет обращение к патриотам-болгарам³⁹. Призывая к вооруженной борьбе за свободу, Раковский мечтал об общем антитурецком фронте всех бал-

канских народов. Он хотел, чтобы вслед за Черногорией, Боснией и Герцеговиной поднялись болгары, вступили в борьбу Сербия и Греция. В случае отсутствия условий для всеобщего восстания внутри Болгарии, Раковский считал необходимым обязательно поднять Видинскую и Тырновскую области, как стратегически важные в борьбе с турецкими силами. Македонию в своем плане 1858 г. Раковский упоминает только один раз и то в связи с Грецией, которая в случае восстания «направит свои отчаянные четы в Фессалию, Эпир и Македонию»⁴⁰.

Но особенно богаты событиями оказались 60-е годы. Балканские политические деятели пришли к убеждению, что настал удобный момент для решительных действий против Турции. Сербия, Греция, Черногория стремились, опираясь на освободительное движение других балканских народов, поднять на Балканах всеобщее восстание, разрушить остатки турецкой власти. Интересы национально-освободительного движения балканских народов определенным образом сближались с интересами внешней политики России. Стремясь укрепить свое влияние на Балканах, поколебленное Крымской войной, русская дипломатия отказалась от прежней ориентации на исключительное поддержание православия⁴¹ и, проявив усиленный интерес к национально-освободительной борьбе на Балканском полуострове, выразила готовность оказывать ей содействие в меру своих возможностей, определявшихся интересами России и международной обстановки⁴². В 60-70-е годы XIX в. Россия определенным образом содействовала ликвидации турецкого гнета и становлению национальных буржуазных государств на Балканах.

Центральную роль русская дипломатия отводила Сербии, которая должна была стать ядром, собирающим вокруг себя славянские элементы Турции. Эти же цели, но из других побуждений, преследовал новый князь Сербии Михаил Обренович, вступивший на престол в сентябре 1860 г. Второе правление Михаила Обреновича (1860-1868) отличалось резкой активизацией внешней политики Сербии, опиравшейся на помощь и поддержку России. Князь Михаил являлся выразителем интересов сербской буржуазии, которая еще в 1844 г. пером Илии Гарашанина формулировала свои объединительные, а в существе своем великодержавные претензии⁴³.

В целях реализации внешнеполитических замыслов кн. Михаила И. Гарашанин развил энергичную деятельность, создав широкую сеть тайных агентов, ведших подготовку восстания в славянских областях Османской империи и Австрии: Боснии и Герцеговине, Старой Сербии, Македонии, Военной Границе и Хорватии. Белград сделался местом формирования повстанческих чет.

Бурный период 60-х годов был открыт очередным выступлением герцеговинцев и черногорцев: в январе 1861 г. в Герцеговине вспыхнуло третье восстание под руководством Л. Вукаловича, вскоре началась черногоро-турецкая война

(апрель 1862 г.) на развитии национально-освободительного движения сказались также широкая пропаганда на Балканах планов итальянских и венгерских революционеров о совместном со славянскими народами выступлении против Австрии и Турции. Гарибальди, чье имя пользовалось большой популярностью в балканских странах, после объявления Турцией войны Черногории, опубликовал в апреле 1862 г. воззвание, в котором от имени Италии приветствовал порабощенные народы Востока, призывая их к "общей и одновременной революции"⁴⁴.

В этой обстановке всеобщего подъема и новых надежд Раковский, по-прежнему воодушевленный идеей союза балканских народов, разработал тактическую основу болгарского восстания. К концу 1861 г.⁴⁵ он составил "План освобождения Болгарии", где указал, что "народный дух повсюду подготовлен к восстанию против турок"⁴⁶. В важнейших городах и многих селах Болгарии, Фракии и Добруджи - Видине, Свиштове, Рушуке, Силистре, Тулче, Варне, Врце, Севлиево, Ловече, Трояне, Габрово, Тырново, Шумене, Разграде, Анхиало, Бургасе, Айтосе, Карнобате, Ямболе, Сливене, Казанлыке, Шипке, Габарчеве, Калофере, Карлово, Сопоте, Копривштице, Клисуре, Самокове, Софии, Пловдиве, Старой и Новой Загоре, Чирпане и других - в значительном количестве уже заготовлены оружие и порох. В большинстве названных городов созданы тайные комитеты, которые распространяют среди народа идею восстания, ожидаемого весной 1862⁴⁷. Сигналом к восстанию послужит вторжение из Сербии хорошо вооруженного отряда в 1000 человек, который по Балканскому хребту пройдет до Тырново и Черного моря⁴⁸.

В этом детально разработанном плане Македония упоминается в самом конце, в разделе, где анализируется наличие в болгарских землях турецких сил. О ней говорится только следующее: "Из Македонии турки не смогут получить ни помощи, ни арнаутов, т.к. тамошние места разбужены и не останутся мирными"⁴⁹. Таким образом, Македония и на этот раз оказалась вне рамок активной подготовки к восстанию, охватившей придунайскую и забалканскую территорию. В случае успеха общего восстания болгарские лидеры рассчитывали здесь, по-видимому, на стихийный подъем масс, ибо имя Раковского, его идеи были в какой-то мере известны в Македонии. Почитателями Раковского были братья Миладиновы, К. Шапкарев, Г. Икономов и К. Даржилевич и ряд других, в целом, однако, весьма узкий круг интеллигенции и ремесленно-торговой буржуазии, знакомство которых с идеологией Раковского носило к тому же чисто познавательный, а не действительно-пропагандистский характер. По всей вероятности, Раковский гораздо более надеялся на связи с македонскими гайдуками, часть которых в лице четы Илю Малешевского прибыла в Белград зимой 1861/1862 годов⁵⁰. Более того, Илю-воевода (наряду с Филиппом Тотю) стал одним из ближайших помощников Раковского в организации и обучении

Белградского отряда⁵¹. Однако, по свидетельству известного болгарского либерально-буржуазного деятеля Ивана Касабова, вскоре между Раковским и воеводой Илю возникли трения. Вследствие этого, после кровавых столкновений между сербами и турками, вызвавших бомбардировку Белграда в июне 1862 г., сербское правительство якобы создало два болгарских отряда - один под руководством Раковского, другой - воеводы Илю, стремясь тем самым усилить их разногласия⁵². После роспуска болгарских волонтеров и вывода их из Белграда, воевода Илю остался в Сербии⁵³. Другой известный македонский гайдук из четы Илю-Христо Македонский - судя по его последующей деятельности, направился в Дунайские княжества.

Что же наблюдалось в самой Македонии, когда все Балканы готовились к сокрушению османского ига? Под влиянием внутренних и внешних факторов здесь произошло заметное оживление гайдуцкой деятельности. Общее число самостоятельных гайдуцких чет стало довольно значительным. Среди руководителей чет даже появились две женщины: Румена-воевода и Сирма-воевода (первая действовала в Восточной Македонии, вторая - в дебарско-кичевских горах). Однако в целом четы действовали разрозненно, не выходя за рамки стихийного, неорганизованного протеста.

Общее оживление деятельности гайдуков породило один не осуществившийся проект. Болгарский либерально-буржуазный деятель Н. Геров, состоявший русским консулом в Филиппополе, весной 1861 г. строил планы использования отряда Илю для начала восстания в европейской Турции. Геров намечал, что Илю со своей дружиной начнет действия в горах Восточной Македонии, выступив первоначально (для дезориентации турецких властей) лишь с требованием выполнения постановлений хатт-и-шерифа и устранения злоупотреблений. В случае успеха этот демарш поднимает дух христианского населения, и тогда восстание легко распространится по всей Турции⁵⁴. Н. Геров предполагал лично встретиться с Илю Малешевским и обсудить все детали. Однако, в апреле 1861 г. МИД России высказался отрицательно по поводу запроса русского посла в Константинополе о возможности свидания Н. Герова "с известным капитаном Илию". Герову было предписано воздержаться от сношений с ним "впредь до дальнейших указаний"⁵⁵.

Недовольство и возбуждение царило среди остального населения Македонии. Его не смогли сдержать репрессии, которые вызывала инспекционная поездка великого визиря летом 1860 г. в Македонию (вслед за Болгарией и Старой Сербией), предпринятая в целях укрепления авторитета центральной власти и устранения, путем террора, опасности всеобщего восстания христиан в европейской Турции, чего панически боялось турецкое правительство. Арест и смерть в тюрьме Д. Миладинова, арест и ссылка в Малую Азию Джинота и других, не-

справедливая казнь македонского юноши, убившего при самообороне напавшего на него турка, и другие полицейские меры только лишний раз продемонстрировали всю жестокость и неприглядность турецкой власти. Русский консул в Битоли М. Хитрово, совершивший в апреле 1862 г. поездку из Битоля в Салоники, писал о всеобщем недовольстве населения существовавшими порядками, напряженном ожидании христиан решительного изменения их участи под влиянием внешних событий. При этом он отмечал, что недовольство христиан в Салоникском санджаке было несравненно сильнее, чем в Битоли⁵⁶.

Росту общественной активности и общественного сознания среди македонцев, наряду с развитием культурно-просветительной и церковной борьбы, шедшей в непосредственном контакте с ведущими болгарскими деятелями через прессу и по другим каналам, чрезвычайно содействовало также усиление с начала 60-х годов, как и повсюду на Балканах, влияния Сербии и Черногории. Сообщения, поступавшие весной 1862 г. о неудачах турок в Герцеговине и Черногории и об успехах христианского оружия, составляли, в частности в Битольском санджаке, предмет горячих толков и всеобщих разговоров не только в городах, но даже в самых отдаленных селах. Имена князя Николая и Луки Вукаловича сделались известны каждому крестьянину, в то время как прежние войны черногорцев, как и вообще дела всего севера не производили здесь никакого впечатления. Волнения на греческой границе скорее находили отклик среди здешнего населения. Теперь в Битоли значительно возросло число получаемых газет, они читались с жадностью и быстро передавались из рук в руки. В Велесе и его окрестностях, где, по словам Хитрово, «славянское народонаселение» было гораздо более развито, чем битольское, события в Герцеговине и вести о черногорской войне «произвели еще несравненно сильнейшее впечатление»⁵⁷. Из окрестностей Велеса довольно много молодежи ушло к Луке Вукаловичу и в Сербию⁵⁸. В черногорской войне участвовало много дебрян, еще большее число их тайно ушло в Сербию при первых известиях о белградских событиях, с которыми турецкие христиане повсеместно связывали большие надежды⁵⁹.

М. Хитрово находился в Велесе, когда там (в июле 1862 г.) были получены первые сведения о событиях в Белграде. Вот что он писал о реакции велешан: «Известия эти породили между христианами сильные надежды. Со всех сторон меня осыпали вопросами о сербских событиях, везде я слышал выражение душевной надежды, что сербо-турецкое недоразумение не кончится примирением и что будет война, которая освободит всех христиан Турции. Простой народ наивно спрашивает: скоро ли нас серб завоюет? Черногорские дела так же сильно занимают велешских христиан. Всякий день распространяются между ними различные слухи о ходе событий на театре войны»⁶⁰. В это же время Хитрово получил сведения о готовности

значительного числа сел в окрестностях Велеса взяться за оружие при первых слухах о войне в Сербии⁶¹.

Большие надежды на Сербию в 1862 г. возлагало и население Салоникского санджака. Русский консул в Салониках А.Ф. Лаговский писал, что на Сербии сосредоточены ожидания славянского населения в будущем, отмечая при этом увеличивающееся охлаждение славянского населения к греческому воздействию⁶².

Черногорская война, сербо-турецкий конфликт, оставшиеся без ожидаемых результатов, хотя и произвели в Македонии грустное впечатление на христианское население, тем не менее были восприняты лишь как временная отсрочка событий, которые, рано или поздно, неминуемо произойдут⁶³.

В отчете МИДа России за 1863 г. указывалось, что влияние Сербии на славян Османской империи постоянно усиливалось. При этом подчеркивалось, что особенно жители Македонии поддерживают связь с сербским правительством и ждут от него указаний, в то время как в Придунайской Болгарии значительно влияние болгарских купцов, проживающих в Валахии⁶⁴.

Надежды на восстание в Болгарии, следствием которых была неудавшаяся попытка в Тырново и Габрово летом 1862 г. подняться против турок, а также слухи о гайдучестве в Балканах получили отзвук и в Македонии⁶⁵. Последней вспышкой первой половины 60-х годов был рейд в 1864 г. четы Христо Македонского, выполнявшего, как и Хаджи Димитр направившейся в Болгарию, задание Раковского⁶⁶. Чета Хр. Македонского прошла почти в меридианальном направлении от Колофата (Румыния) до района Салоник⁶⁷, затронув в общем только самый край Восточной Македонии.

Подводя итог, можно сказать, что события в Сербии, Черногории и Болгарии имели большой резонанс в Македонии. Они способствовали усилению ее межбалканских контактов, повышению общественной активности в городах и селах, ускорили процесс высвобождения из-под греческого влияния. “Недавние события в Сербии, Черногории и Болгарии..., - писал в январе 1864 г. Хитрово, - возвратили народонаселение Македонии... славянскому миру, возбудив в нем давно забытые чувства национальности и законные народные стремления”⁶⁸.

Вместе с тем, несмотря на “чрезвычайное настроение умов между христианами”, все ограничилось одним ропотом недовольства. Не было сделано никаких серьезных попыток к организации и подготовке народных масс к решительной борьбе, не выявилось авторитетных политических деятелей, хотя пробуждение политических стремлений было уже вполне очевидным⁶⁹.

Однако, содержание общественно-политической жизни Македонии в первой половине 60-х годов не ограничилось воздействием, идущим из Сербии, Черногории, Болгарии. В юго-западных, южных и юго-восточных районах

Македонии, преимущественно в городах, по-прежнему преобладало влияние греческой общественно-политической мысли, питаемое живыми связями с соседними Эпиром и Фессалией, бывшими местом постоянной активности греческих патриотических организаций - этерий, находившихся в тесном контакте с греческими политическими деятелями и национальными обществами в Королевстве, на Ионических островах, в Италии. Греческая пропаганда, опиравшаяся на четко сформулированную национальную программу, помимо греческого населения находила отклик у местных эллинизированных валахов, грекоманствующей части славянской буржуазии. Греческое национально-освободительное движение на территории Македонии в первой половине 60-х годов имело четко выраженную политическую окраску.

С начала 60-х годов XIX в. в Греции вынашивались планы восстания, первоначально под влиянием событий в Италии, а затем в ожидании сербoturецкого военного столкновения. Агитация в пользу будущего греческого восстания не ограничивалась Эпиром и Фессалией, но захватывала и Македонию. В сообщениях русскому послу в Константинополе Лобанову-Ростовскому Битолю называли центром, куда шли все предварительные распоряжения⁷⁰.

В начале 1860 г. в Битоле была сделана попытка создать род политического клуба, названного устроителями "казино". Руководил им учитель Мина Бишта, валах по происхождению. Члены казино (по данным Лаговского их было около 50 человек⁷¹ преследовали, как сообщил позднее Хитрово, известные политические цели и находились в связи с тайными обществами и даже некоторыми государственными деятелями Греции⁷². Освобождение из-под турецкого ига мыслилось ими только "при условии полного преобладания греческих стремлений"⁷³, т.е. посредством присоединения Македонии к Греции. Идеи казинистов не нашли большого сочувствия у окрестного сельского славянского населения, но у городского населения Битоля, особенно среди буржуазной молодежи, пропаганда казинистов пустила глубокие корни⁷⁴. Политическая сущность казино тщательно маскировалась: официально оно функционировало как читальня. Сюда собирались якобы для просмотра различных газет - греческих, немецких, французских и др. (всего их выписывалось около 15-ти)⁷⁵. Казинисты не сумели сделать ничего серьезного, так как уже летом 1860 г., во время посещения Битоля великим визирем, казино было закрыто по доносу греческого митрополита Венедикта⁷⁶. 9 человек из членов казино, в том числе М. Бишту, были арестованы и сосланы в Малую Азию. В Константинополе сочли, что в Битоли был открыт очаг греческого заговора⁷⁷.

Несмотря на провал, оставшиеся члены клуба, разбившись на мелкие кружки, не прекратили своей деятельности. Не имея средств, они обратились

в 1861 г. к Хитрово за материальной поддержкой⁷⁸. Следы кружковцев снова обнаружались в 1862 г. Если верить данным одного доноса турецким властям, то битольское тайное общество (этерия) насчитывало до 40 человек и готовило восстание⁷⁹.

Подобное казино, тайно функционировало в 1864-1866 гг. в Салониках. В декабре 1866 г. оно было закрыто турецкими властями⁸⁰.

В конце декабря 1860 г. известный уже нам Тсами Каратассо прислал в Салоники 2-х своих доверенных лиц, снабдив их рекомендательным письмом к русскому консулу Мустаксиди, греку по национальности. Каратассо намеревался сделать Салоники, столицу Македонии, как он подчеркивал, центром операции по освобождению христиан Турции. Но для успеха дела он считал необходимым заручиться покровительством России. Консул дал понять уполномоченным Каратассо всю необдуманность этого проекта и советовал эмиссарам Каратассо покинуть город⁸¹. Однако в январе 1861 г. уполномоченный Каратассо Атанасио Драмис, проживавший в Италии, снова посетил Мустаксиди. Он заявил, что нашел в Македонии массу людей, одушевленных идеей освобождения, но не увидел средств для ее осуществления. Он не переставал повторять, что ничего нельзя сделать без России. Из Салоник Драмис направился в Афины, а оттуда в Италию, надеясь по пути получить дальнейшие инструкции от Каратассо⁸².

В конце 1860 г. турецкие власти были взволнованы слухами о посещении Битоля эмиссаром Гарибальди неким Ланге, который, якобы, вербовал волонтеров среди чайковцев⁸³. В декабре 1861 г. снова распространились слухи, что в Битоли, по пути в Боснию, остановился какой-то гарибальдийский офицер. Он имел будто бы тайные свидания с офицерами местных полков, предлагал им вступить в сношения с тайным обществом в Греции, имеющим широкую сеть агентов по всей европейской Турции. Гарибальдиец встретился как будто и с представителями славянского населения⁸⁴. Есть основание предположить, что эти слухи имели реальную базу, ибо хорошо известно о деятельности гарибальдийских эмиссаров в Албании и Боснии. По-видимому, заглядывали они и в Македонию, где имя Гарибальди, или как называли его турки - Кара-балта (Черная секира), пользовалось огромной популярностью⁸⁵.

Особенное возбуждение в районах Македонии, находившихся под греческим влиянием, наблюдалось в 1862 г. в связи с черногорской войной и бомбардировкой Белграда. Большинство христиан готовилось принять участие в борьбе против Турции. Они ожидали выступления Эпира и Фессалии, где греческие этерии должны были поднять восстание, как только Сербия возьмется за оружие⁸⁶. Русский консул в Янине сообщал, что "христиане (и даже не одни христиане) санджаков Битоли и Салоник все свое внимание обращают на Эпир и Фессалию и будут соображать свои поступки с поступками

этих провинций”⁸⁷. Такого же мнения был и Хитрово, считавший, что как только двинутся греческие капитаны, к ним, без сомнения, присоединится все население Южной Македонии, давно подготовленное эпиротскими деятелями к будущим событиям⁸⁸. При благоприятных условиях восстание в Эпире и Фессалии встретило бы, по мнению Ионина, поддержку со стороны македонского славянского населения и многих местных мусульман⁸⁹.

Поскольку ожидание затягивалось, янинская этерия в начале августа 1862 г. предложила свой план восстания, который тоже охватывал Македонию. Излагая его в письме к тогдашнему греческому военному министру Спиросу Милио, эпироты подчеркивали важность того, чтобы в дальнейшем инициатива восстания исходила бы от Греции, а не от Сербии. Тогда греки, овладев положением, смогли бы располагать Македонией “без дележа” (“sans partage”)⁹⁰.

Эта фраза указывает, что этеристам в Греции и Эпире было известно содержание тайных сербо-греческих переговоров 1860-1861 годов о разделе Македонии на сферы влияния и что в планах совместных действий сербов и греков против Турции этот вопрос решался в том же аспекте, хотя для греков было предпочтительнее получить всю Македонию.

В сентябре 1862 г. установили связь с Яниной представители Каваллы (Сересский санджак). Получив инструкции от местного комитета, кавальцы отправились в Салоники, а потом в Болгарию, в Большой Балкан, где они, по их словам, имели много друзей, особенно в Габрово⁹¹.

Деятельность греческих эмиссаров в европейских провинциях Турции, в том числе и в Македонии, продолжалась, хотя не с прежней интенсивностью, и в 1863 г.⁹².

Отряды греческих кифтов, действовавших в Эпире и Фессалии в 1864 г., проникали и в южные районы Македонии⁹³.

Приведенный материал говорит о неизменном внимании греческих политических кругов к Македонии, а также о том, что греческое население Македонии обуславливало открытую борьбу с Турцией надежной поддержкой извне, прежде всего успешным восстанием в Эпире и Фессалии.

В 60-е годы XIX в. недовольство политикой турецкого правительства нарастало и среди мусульман. На северо-западе Македонии - в районах Скопье, Дебара (Дибры), Тетово, Охрида, где было много албанцев-гегов и исламизированного местного населения, ширилось, как и в соседней Албании, сопротивление правительственным чиновникам⁹⁴. Мусульманские беи южных районов Македонии (в основном албанцы - тоски и потурченцы) выражали и более решительные намерения. Давние связи с греческим населением Эпира, Фессалии и Македонии способствовали готовности многих из них примкнуть к восстанию христиан, если оно примет размеры, дающие неко-

торые гарантии на успех⁹⁵. Например, некий Сулейман-ага, богатый бей из Караджова близ Битоля (“мусульманин и славянин-македонец”) вступил в 1862 г. в прямые контакты с греческими патриотическими кругами Эпира, предложив конкретный план совместных действий против Турции, обещая при этом поднять в условленное время население Караджова и даже попытаться овладеть Салониками⁹⁶. А.Ф.Лаговский в своих донесениях за 1866 г. так, например, характеризовал положение в подведомственной ему области: “Отовсюду все те же жалобы на постоянно увеличивающиеся налоги, везде нищета, отчаяние и смутное ожидание чего-то, долженствующего вывести страну из настоящего положения”⁹⁷. Впечатления консула в Битоле были аналогичны: “Эти правительственные распоряжения и меры, употребляемые чиновниками при сборе налогов, возбуждают общее недовольство и доводят до отчаяния местное население”⁹⁸. Реорганизация местных органов власти, изменение административных границ, насаждение многочисленных чиновников, жаждущих обогащения и другие мероприятия, проводившиеся в европейской Турции в 1864-68 гг. усиливали анархию в управлении, вели к росту злоупотреблений, еще большему угнетению населения⁹⁹. Тяжесть турецкой феодально-бюрократической системы, становившейся все невыносимее, способствовала живой реакции македонского населения на всякое движение, враждебное турецкому правительству. По свидетельству русских консулов в Македонии сочувствовали “всякому волнению, где бы оно ни произошло, и всякому выражению недовольства, кем бы оно ни было заявлено против правительства”¹⁰⁰.

В связи с новым обострением обстановки на Балканах турецкие власти усилили политический нажим на христианское население. Местной полиции был отдан приказ неусыпно следить за всеми христианами, особенно в округах, пограничных с мятежными провинциями. Производились аресты, обыски¹⁰¹. Турецкие чиновники всячески стремились пресечь распространение в македонских санджаках информации о событиях на Крите. Так, в Битоль и его окрестности стали нерегулярно поступать греческие газеты, адресатам не выдавали телеграмм, если в них упоминалось что-либо о Крите¹⁰². Но, несмотря на принимаемые меры, нежелательная для властей информация быстро распространялась среди населения, с большим вниманием следившего за борьбой критян.

Известия об успехах критян на первых этапах восстания вызывали всеобщее воодушевление среди всех христиан, рождали у них уверенность, что наступает конец турецкого владычества, а местных феодалов заставляли сомневаться в прочности Османской империи и опасаться за судьбу своих земельных владений¹⁰³. Самая непосредственная реакция на Критское восстание была в южных районах Македонии, продолжавших поддерживать

связь с этеристами Эпира и комитатами в Греции¹⁰⁴, которые в свою очередь не теряли интереса к Македонии.

Еще летом 1865 г. Афинский комитет, уже занятый подготовкой восстания на Крите, послал в Македонию известного борца против турецкой тирании - Петко-воеводу для выяснения возможности восстания македонского населения одновременно с восстанием критян¹⁰⁵. Осенью того же года Петко вернулся в Афины, не обнаружив в Македонии людей, воодушевленных идеей восстания¹⁰⁶. Основой для такого вывода послужили различные факторы. Прежде всего это нежелание славянского населения, составлявшего в Македонии значительный процент, содействовать планам присоединения Македонии к Греции. Борьба против Константинопольской патриархии, принявшая в Македонии во второй половине 60-х годов острые формы, отдаляла славянское население от греческого, мешала объединению сил для совместных действий против Турции. Кроме того, как показали события первой половины 60-х годов, и греческое и славянское население Македонии были готовы взяться за оружие лишь тогда, когда в сопредельных провинциях обозначится успех восстания или в борьбу вступят свободные балканские государства - Сербия и Греция.

Тем не менее, в начале мая 1866 г. молодой политический деятель Леонид Булгарис, высадившись в Кассандре с горсткой смельчаков, направился в Македонию¹⁰⁷. Однако смелый рейд окончился безрезультатно. Вскоре после высадки отряд Булгариса наткнулся на турецких жандармов. Члены отряда дрались с возгласом: "За свободу Македонии". В стычке было ранено 8 человек, остальные, видя невозможность сопротивляться, рассеялись, направляясь на север¹⁰⁸. Не встретив поддержки местного сельского населения, греческие волонтеры вынуждены были сдаться. 15 человек сложили оружие у Нигриты, Л. Булгарис сдался близ монастыря св. Георгия, в горах по направлению к Серу¹⁰⁹.

Вместе с другими арестованными (26 чел.) Булгарис был доставлен в Салоники, а оттуда в Константинополь. Среди бумаг Булгариса, изъятых при аресте, было обнаружено письмо Гарibaldi, в котором выражалось сочувствие итальянцев предприятию Булгариса и готовность помогать ему¹¹⁰.

На допросах Булгарис показал, что он принадлежит к обществу, цель которого - расширение границ Греции. Вместе с тем он утверждал также, что он намеревался пробраться в центральную Болгарию и даже далее в Дунайские княжества. Предполагая найти сочувствие в жителях Македонии, он собирался увеличить ими свой отряд и таким образом действовать "для освобождения болгар" или, по крайней мере, стараться заставить турецкое правительство точно исполнять хатти-хумаюн¹¹¹.

Надо заметить, что если с Булгарисом и его сподвижниками турецкие власти обращались весьма милостиво, то с местным населением разговор был другой. Хватали и сажали в тюрьму всех, кто только виделся с Булгарисом и говорил с ним или с его товарищами¹¹².

С весны 1866 г. в Салониках и Сера действовали местные этерии, причем самой деятельной из них была сереская этерия¹¹³. В других городах как Костур, Кожани, Сатиста и пр. наблюдалась активность греческих эмиссаров. Многие из этих городов неоднократно посещались греческим консулом в Битоле, с которым поддерживали связь салоникийские этеристы¹¹⁴. Так, по видимому, осуществлялась координация действий, взаимная информация о состоянии дел. В Битоле проявляли активность бывшие казинисты¹¹⁵.

Усилия местных этеристов и греческих эмиссаров были направлены к подготовке населения к поддержке ожидаемого в Эпире и Фессалии восстания.

При этом македонские этеристы (салоникийские и в особенности сереские) не скрывали своих великогреческих идеалов, тем самым еще более раздражая идеологов славянского большинства населения, ни в коем случае не хотевших допустить, чтобы Македония досталась грекам¹¹⁶.

Стремление посылить помощь борцам против общего врага проявилось во многих местах Македонии. В декабре 1866 г. в Битольском и Салоникийском санджаках проводилась подписка в пользу критян и для нужд ожидаемого восстания в Эпире и Фессалии. В Битоле и его окрестностях сбор средств происходил под видом пожертвований на постройку православной церкви в Афинах¹¹⁷. В других местах подписка велась секретно. В Сера, богатом торговом и ремесленно-промышленном центре, было собрано более десяти тысяч ливров¹¹⁸. В то же время на Крит из Салоник, Сера и Битоля отправилось, по словам русского консула, "довольно значительное количество молодых людей"¹¹⁹. Возможно среди них был и битольчанин Спиро Джеров, прославившийся на Крите своей храбростью.

Приготовления греков в Салониках и Сера были, как говорят документы, "более чем когда-либо энергичны". Все с нетерпением ожидали восстания в Фессалии и Эпире¹²⁰. В городах и местечках Битольского вилайета, например, в Магарове, Тырнове, Маловиште, Костуре и др. население деятельно приобретало оружие и порох¹²¹.

Ограниченность вспыхнувшего в декабре 1866 г. восстания в Эпире (всего в 3-х округах - Аграфе, Аспропотамо и Радовице), быстрое его прекращение (через месяц), делали нереальными какие-либо противоправительственные выступления в Македонии. Однако местные этерии продолжали свою деятельность, рассчитывая, что в феврале или марте 1867 г. произойдет общее восстание в Эпире и Фессалии, одновременно с которым будет сдела-

на попытка послать в Македонию сильный отряд, долженствующий пробраться к Серу и утвердиться там как в центре, наиболее удобном для действия¹²².

Активизация действий повстанцев на Крите привела в марте 1867 г. к возобновлению вооруженной борьбы в Аграфе. Однако силы и размах этой борьбы опять-таки не давали уверенности в возможность решительной победы над турецкими войсками. Но только в этом случае в можно было реально рассчитывать на нарушение “наружного спокойствия” в македонских вилайетах, на открытые выступления против правительства. Слишком слабы и распылены были внутренние силы, слишком мощен занесенный над ними кулак, чтобы без надежной и эффективной помощи извне можно было отважиться на решительную борьбу, хотя и с дряхлеющим, но еще сильным врагом.

Поэтому неудивительно, что македонским этериям отводилась подчиненная, вспомогательная роль, они не были полностью в курсе планов Главного комитета в Афинах, часто действуя в силу этого обстоятельства вяло и ошупью¹²³. По свидетельству русского консула малейший слух был в состоянии заставить их приостановить свою деятельность или возбудить излишние восторги - и то и другое мешало делу¹²⁴.

Под воздействием Афинского комитета местные этерии стали проявлять в 1867 г. известное стремление к сближению с теми кругами македонской буржуазии и интеллигенции, которые проявляли сочувствие к повстанцам Крита, Эпира, Фессалии и обнаруживали горячее желание сбросить турецкое ярмо. Однако последние недоверчиво отнеслись к греческой инициативе. Обе стороны понимали громадность пользы от соединения сил и общности действий¹²⁵, тем не менее решительных успехов в этом направлении достигнуто не было, так как слишком многое разделяло эти два лагеря; разные взгляды на национальный облик Македонии, конечные цели национально освободительного движения, церковная борьба и т.д.

По всей вероятности в 1868 г. происходит спад активности македонских этерий, ибо мы не находим больше сведений о них в консульских донесениях. Вместе с тем турецкое правительство не без оснований продолжало подзрывать местных христиан в готовности восстать при первом удобном случае¹²⁶. Поэтому в декабре 1868 г., ввиду возможности войны с Грецией, из Константинополя был получен приказ о немедленном сборе всех 16-ти редифных батальонов III армейского корпуса, расквартированного в Битоле. Часть из них должна была остаться в этом городе, другие направлялись в Кожани, Сатисту и Сельфиджи, остальные в Фессалию и Эпир. Это мероприятие имело двойную цель: в случае войны помешать греческим отрядам

перебраться через горы, а до этого держать в повиновении местных христиан¹²⁷.

Критское восстание и его эхо на Балканах вызвали среди всех христиан Македонии напряженный интерес к тому, какую позицию в разворачивающихся событиях займут Сербия, Черногория и Греция¹²⁸. В 1866-1867 гг. здесь упорно циркулировали слухи о скором выступлении Сербии и Черногории. "Глаза всех обращены на Сербию и Черногорию", - писал русский консул¹²⁹. Подвиги критян, восстания в Эпире и Фессалии рассматривались как предвестники вмешательства в борьбу названных государств и желанного сокрушения власти султанской Турции на Балканах¹³⁰.

Подъем освободительной борьбы на Балканском полуострове сербское правительство по-прежнему стремилось использовать в своих интересах. Наряду с активной деятельностью по созданию Балканского союза сербские политики уделяли большое внимание подготовке реализации планов общеполитического восстания. С этой целью сербские агенты рассылались по всему Балканскому полуострову. Продолжали действовать они и в Македонии. Помимо различных политических агентов сюда из Сербии тайно направлялись офицеры для изучения македонской территории и составления плана возможных военных действий в случае общеполитического или южнославянского восстания¹³¹. Весной 1867 г. по заданию сербского правительства в Македонию и Албанию выехал Стоян Везенков, известный также под конспиративным именем Зека Бисова. Он посетил Салоники, южные районы, Битоль, Прилеп, Крушево, Демирхисар, Кичево, Дебарский округ, оттуда направился в Албанию, а затем в Сербию. Всюду на своем пути он агитировал за восстание и раздавал оружие для борьбы против Турции¹³².

Сербское правительство засылало для агитации в Македонию ее уроженцев, приходивших в Сербское княжество на заработки. Согласно сведениям, получаемым из македонских земель, подготовка к восстанию лучше всего была организована в Битольском и Прилепском округах, и очень слабо в Гостиварском, Тетовском и Скопском¹³³. В связи со сказанным понятно, почему каждое известие о вероятности открытого вмешательства Сербии в борьбу встречалось в Македонии с воодушевлением, в то время как сведения об урегулировании вопроса о выводе турецких гарнизонов из сербских крепостей и другие свидетельства о мирных отношениях между Сербией и Портой вызывали всеобщее разочарование¹³⁴.

Брожение в Албании, где активно действовали сербские эмиссары, затрагивало и северо-западные районы Македонии. Так, албанцы г. Дебара изгнали турецкого каймакама и отказались принять нового, заявив, что не нуждаются в турецких чиновниках. Турецкое правительство пошло на уступки, согласившись перенести место пребывания каймакама в Охрид¹³⁵. Увеличилось число недо-

вольных среди мусульманских беев южной Македонии, таковые были в целом ряде македонских городов - Сересе, Дrame, Тиквеше, Бере, Енидже, Водене, Владово¹³⁶. Интересно, что в первых рядах недовольных были беи-владельцы чифликов. Они считали действующую систему управления разорительной, ведущей к уничтожению "всех средств к существованию, как их самих, так и их вассалов". Недовольство мусульман центральным правительством проявлялось и в чрезвычайной медленности набора башибузуков. Например, в 1867 г. даже самый влиятельный из беев Дrame, который прежде отличался большой быстротой реакции в подобных ситуациях, медлил отозваться на призыв правительства. Тем более не было энтузиазма у простых мусульман, общая бедность среди которых отмечалась консулами¹³⁷.

Забывая о своем политическом влиянии в Македонии, Сербия все еще действовала лояльно по отношению к болгарам, так как сербское правительство не могло, в разгар создания Балканского союза пойти на открытое ухудшение сербо-болгарского сотрудничества. Но оно отнеслось в целом сдержанно к программе болгаро-сербских политических отношений, разработанной в январе 1867 г. "Добродетельной дружиной", органом консервативных кругов болгарской буржуазной эмиграции в Румынии и принятой в апреле того же года на съезде болгарских представителей в Бухаресте. Подготовленный договор предусматривал объединение Болгарии и Сербии в единое южнославянское государство под главенством сербской династии. В составе нового государства Болгария (с Фракией и Македонией) должна была сохранить автономию¹³⁸. Однако сербское правительство не торопилось подписывать договор, ограничившись общими заявлениями Гарашанина. Подготовка второго болгарского отряда Раковского, проводимая в Белграде в 1867-68 годах в предвидении скорого военного выступления против Турции, также была сведена на нет. В апреле 1868 г. отряд был расформирован по распоряжению сербского правительства¹³⁹.

После смерти князя Михаила внешняя политика Сербии заметно меняется: происходит отказ от общевосточного сотрудничества, берется курс на изменение сербо-болгарских отношений. В августе 1868 г. Регентство создает специальный "Комитет помощи сербскому просвещению в областях, входящих в состав Османского государства"¹⁴⁰. Он состоял из следующих лиц: председателя Никифора Дучича и членов: проф. Панта Сречковича, Милоша С. Милоевича, Стояна Новаковича, работавшего в данном комитете до своего назначения министром просвещения в декабре 1872 г.¹⁴¹. Комитет развил активную деятельность по расширению сети сербских школ за границей, а также по привлечению славянской молодежи европейских провинций Турции для обучения в самой Сербии. М. Милоевич поддерживал тесные связи с многими

македонцами, пришедшими в княжество на заработки¹⁴². Меняется отношение официальной Сербии к болгарскому церковному вопросу. Вместо прежней поддержки болгарских требований о церковной автономии, Сербия теперь сопротивляется этому, выдвигая свои контртребования на ряд округов. Создание болгарского экзархата в феврале 1870 г. положило начало открытой борьбы между Сербией и Болгарией за северо-западные македонские епархии¹⁴³.

Помимо интереса к движению на Крите, в Эпире и Фессалии, к событиям в Сербии и Черногории, христианское население Македонии и прежде всего его славянская часть проявляло напряженное внимание к действиям болгарской стороны в создавшихся условиях. С жадностью воспринималась любая информация. В декабре 1866 г. распространились, например, слухи, что капитан Илю с 2000 волонтеров находится в Балканских горах¹⁴⁴. Известия, полученные летом 1867 г. о переходе весной из Румынии в Северную Болгарию болгарских революционных чет (П. Хитова и Ф. Тотю) пробудили надежду на то, что “Болгарский комитет в Молдовалахии” примет участие в ожидаемом в Турции всеобщем восстании¹⁴⁵. В 1867 г. в Македонии упорно поддерживались слухи об усиливающемся будто бы восстании в Болгарии¹⁴⁶. Известие о стычке болгарских четников с турецкими войсками близ Рушука летом 1868 г. (чет Хаджи Димитра и Стефана Караджи) и о том, что одному отряду удалось пройти в Балканские горы, обрадовало жителей Македонии. Все с восторгом говорили о храбрости своих собратьев и полагали, что им удастся сильно потревожить турецкое правительство, особенно, если Критское восстание будет продолжаться¹⁴⁷. Уроженцы Македонии, а также представители македонской эмиграции в Румынии, Сербии и южной России участвовали в четах П. Хитова, Ф. Тотю, Х. Димитра и Ст. Караджи¹⁴⁸. Например, в чете Ф. Тотю было 10 человек охридчан¹⁴⁹. В дружине Х. Димитра имелось 8 человек из Македонии¹⁵⁰. Среди них были герой критского восстания Спиро Джеров, известный воевода Христо Македонский. С. Джеров погиб в июле 1868 г. на Бузулудже вместе с Х. Димитром и другими четниками в последнем бою четы с турецкими войсками¹⁵¹.

Появление болгарских чет в Дунайском вилайете вызвало передвижение турецких войск¹⁵². Местные власти тревожила также деятельность болгарской эмиграции в Румынии. Принимались меры, чтобы не допустить распространения ее влияния на Македонию. Так, летом 1867 г. был отдан приказ об аресте учителя народного училища в Охриде Василия Диамандиева, только что вернувшегося из Румынии. Он был заподозрен в связях с “болгарским комитетом” в Бухаресте. Кем-то предупрежденный, В. Диамандиев успел скрыться¹⁵³. В ноябре-декабре 1868 г. в Охриде были арестованы Георги Прличев и его племянник Пармак, а в Битоле родственники Спиро Джерова. Поводом послужило письмо, найденное турецкими властями г. Свиштова у одного охридчанина,

возвращавшегося из Валахии. Письмо было от проживавшего в Румынии брата Пармака, в котором тот сообщал о последних действиях болгарских дружин против турок и о своем личном участии в нападениях под предводительством капитана Спирос Джерова¹⁵⁴. Родственники С. Джерова после допроса были освобождены, а Г. Прличева и его племянника еще держали некоторое время в цепях в дебарской тюрьме, куда они были доставлены из Охрида.

Восстания и брожение среди христианского населения европейских провинций Турции вызвали взрыв фанатизма среди определенных слоев мусульманского населения. Особенно это касалось западной Македонии. Население Охридского округа, например, в прошении, поданном в сентябре 1868 г. просило у султана “защиты и справедливости”, указывая, что их невыразимые страдания “достигли крайности”, страх и ужас владеют всеми, никто не смеет выйти в поле на работы спокойно, на самом рынке нет никакой безопасности”¹⁵⁵. С просьбой о защите македонское население обращалось также к местным властям, в иностранные консульства, в том числе и русское¹⁵⁶. О безвыходном положении македонского населения, особенно в селах, публиковались корреспонденции с мест в константинопольских газетах “Цариградски вестник”, “Македония” и др.

Более решительные акции македонских славян не вышли за рамки гайдуцкой деятельности. Где-то в 1867 г., в промежуток после возвращения с Крита и ухода в чету Х. Димитра, С. Джеров действовал с вооруженными отрядами в юго-западной Македонии - в районах Битоля, Лерина, Костура, Водена, Охрида - нападая на села, которые служили пристанищем турецким разбойничьим бандам¹⁵⁷. Авторы используемых книг называют эту деятельность “восстанием”. Вряд ли можно с ними согласиться, ибо приведенный материал говорит об обычных выступлениях гайдуков, ограничивающихся только защитой от прямых турецких насилий. Возможно, конечно, что Джеров, только что вернувшийся с Крита, и вел какую-то политическую пропаганду, но данных об этом никаких не приводится. Авторы ограничиваются лишь констатацией, что “революционное движение” было выдано греческим епископом Битоля¹⁵⁸.

При всей незначительности внешних проявлений, общественное развитие македонских славян продолжало прогрессировать. В донесениях русских консулов второй половины 60-х годов уже имеются сообщения о наличии немногочисленных, но влиятельных “вождей” среди славянского населения¹⁵⁹ (к сожалению, фамилии не указываются), о появлении среди городской ремесленно-торговой буржуазии (“среднего класса”) и интеллигенции отдельных кружков, где обсуждались события на Балканах и связанные с ними надежды¹⁶⁰. В целом, по сравнению с 50-ти годами, прогресс был вполне очевиден. Небольшие, но выразительные симптомы подтверждают это. Так в период

Крымской войны жители, чтобы узнать газетные новости, собирались вокруг учителя; в первой половине 60-х годов газеты уже переходили из рук в руки, а во второй половине 60-х годов появились первые признаки попыток определенной организации национальных сил среди буржуазных кругов и интеллигенции. Одновременно нельзя не отметить усилившегося влияния болгарской политической мысли как следствие возросших связей в ходе церковной и культурно-просветительной борьбы против греческой гегемонии. Во всяком случае свидетельство русского консула о том, что трудно ожидать “общее движение в Македонии без сигнала из центра Болгарии”¹⁶¹ следует признать объективным. Из-за неполноты сохранившихся данных трудно сказать, были ли у “македонистов”, появившихся в 60-х годах XIX в., какие-либо особые требования в политическом плане. Зыбкость их взглядов в национальном отношении заставляет сомневаться в этом, во всяком случае для данного периода.

Наряду со всем сказанным надо отметить, что политические деятели Болгарии по-прежнему не предпринимали серьезных шагов к активной деятельности на территории Македонии. Все внимание, как и прежде, направлялось на Болгарию и Фракию. Они были в центре планов Раковского, здесь началась и протекала деятельность Василия Левского, ознаменовавшая новый, более высокий этап в болгарском революционном движении в идейном и организационном отношении. Очередной провал планов достижения свободы Болгарии при поддержке Сербии заставил В. Левского искать новых путей борьбы с многовековым врагом. 1868-1869 годы были периодом широкой агитационно-организационной деятельности В. Левского в Болгарии, временем, когда окончательно созрела новая революционная тактика В. Левского, в основе которой лежала вера в свой народ и его силы, убеждение, что только тщательно подготовленное внутренними комитетами всеобщее вооруженное восстание может принести долгожданную свободу¹⁶². Как хорошо известно, в декабре 1868 г. Левский совершил свою первую поездку по Балканам. Из Константинополя он направился во “Фракию и Болгарию”, посетив Пловдив, Карлово, Сопот, Казанлык, Сливен, Тырново, Ловеч, Плевен, Никополь. В феврале 1869 г. Левский вернулся в Румынию¹⁶³. В мае 1869 г. Левский снова направился в Придунайскую и Забалканскую Болгарию, посетил Плевен, Ловеч, Карлово, Калофер, Казанлык, Пловдив, с. Перуштицу, Пазарджик, Сопот, Чириан, Старую Загору, Сливен, Трявну, Габрово, Лясковац, Севлиево, Тырново, некоторые села в окрестностях последнего и в июле 1869 г. через Ловеч, Плевен, Никополь вернулся в Румынию¹⁶⁴.

И в дальнейшем деятельность Левского и его соратников практически ограничивалась территорией севера и юга Болгарии, хотя для Левского Ма-

кедония, безусловно, являлась органической частью болгарской нации (см. его корреспонденцию в газету “Свобода”¹⁶⁵), и он имел в виду распространить и здесь идейное и организационное влияние комитетов¹⁶⁶. Мнение Левского соответствовало взглядам всей организации. Об этом говорит решение общего собрания, состоявшегося в Бухаресте в апреле 1872 г., на котором представители комитетов в Болгарии, Валахии и Бессарабии (Болград) подтвердили, что Левский является “главным апостолом всей Болгарии, Фракии и Македонии”¹⁶⁷.

Посмотрим, что происходило в Македонии. Первые данные сохранившихся источников относятся к 1870 г. Они говорят об известной пропагандистской и агитационной работе, проводимой в Македонии как местными силами, так и специально направленными сюда людьми. Уроженец Македонии Михаил Костенцев, открывший в 1870 г. в Штипе книжную лавку, во время одного из своих первых посещений Пловдива с целью приобретения книг, был представлен Хр. Дановым В. Левскому и получил от последнего 12 прокламаций с призывом к восстанию. При этом Левский сказал Костенцеву: “Раздашь их в каждом городе, выбрав самого умного и хорошего учителя, он прочтет прокламацию другим учителям, а они распространят весть среди населения”¹⁶⁸. М. Костенцев роздал прокламации учителям в Криво-Паланке (Георгию Христову), Штипе (Михаилу А. Ковачеву), Струмице (В. Стоянову), Сересе (Салганджиеву), Мелнике (кому-то из с. Гайтаново), Тиквеше, Прилепе, Охриде, Струге (учителю из Дебара)¹⁶⁹.

Весной 1870 г. в Неврокопский район под видом торговцев прибыло 10 человек с иностранными паспортами - русскими, итальянскими и немецкими. Они ничего не покупали, а ходили из села в село. Ст. Веркович писал, что, по словам одного “надежного человека,” это были “тайные эмиссары болгарского комитета в Валахии”, прибывшие взбунтовать к весне край, со своей стороны то же самое сделают греки в Эпире¹⁷⁰.

Известно, что по предложению В. Левского македонские учительницы - Неделя Караиванова (баба Неделя) и ее дочь Станислава, отличные к тому же мастерицы по шитью шелком, работавшие тогда в Велесе, вышили для Центрального комитета великолепное национальное знамя¹⁷¹. Они участвовали и в вечерних беседах велесской молодежи, собиравшейся в доме Георгия Капиданова, где, по словам учительниц, они читали “Корреспонденции Центрального комитета”, пели хором народные песни, что порождало у присутствующих “сильное желание восстания”. Капиданов даже направился в Битоля к русскому консулу Якубовскому, у которого просил материальной помощи для посылки “нескольких юношей в Балканы”¹⁷².

В 1871 г. Арсений Костенцев, брат М. Костенцева, бросив учительство, отправился разносить книги по македонским городам. Вот что он вспоминал

позднее об этом: “Обошел Кавадарци, Неготино, Куманово, Паланку, Кратово, Кочани, Виници, Царево-Село, Бобошево, Дупницу и Джумаю; в этих местах начал проповедовать данную мне дедом Славейковым идею, чтобы учителя, священники и молодежь готовились, как и население, к восстанию. Уверял, что во Фракии и Болгарии все готово, что Россия обещала, как только мы подыдемся и она начнет войну и освободит нас, как освободила Румынию, Сербию, Черногорию и Грецию; внушал повсюду, что мы - учителя, священники и молодежь - должны вдохнуть нечто в простой народ, ибо стыд для нас еще оставаться рабами турок”¹⁷³.

А что делалось в организационном отношении? Практически, по-видимому, ничего серьезного. В своем письме от 20 июля 1871 г. группе деятелей в Валахии В. Левский, в связи с подготовкой общего собрания представителей всех комитетов, сообщал, что “большинство мест в Болгарии и Фракии готово к первому созыву”, что было указано приготовиться и Македонии, но затем решили здесь повременить и тронуться в дорогу оттуда, где прежде будут собраны деньги¹⁷⁴. В марте 1872 г. в Серес специально для того, чтобы встретиться и познакомиться со Ст. Верковичем, прибыл некий Димитрий Петров, софийский торговец, отрекомендовавшийся представителем Болгарского тайного комитета. Он уверил Верковича, что комитет имеет широкие контакты по обе стороны Балкан (“отсам и оттатък Балкана”), но что касается Македонии, то до настоящего момента Комитет не имел возможности найти кандидата, которому мог бы доверить там свою работу, хотя такой человек крайне необходим. После долгих обсуждений пришли к выводу, что нет кандидатуры надежнее Ст. Верковича¹⁷⁵. Однако, несмотря на согласие Верковича принять на себя эту трудную, но почетную миссию, Комитет не искал больше контактов с ним. Как выяснил Веркович, это произошло в силу распространившихся слухов о защите, якобы, Верковичем сербских интересов в Македонии¹⁷⁶.

Т. Пеев в июле 1872 г. сообщил В. Левскому о своем желании отправиться “пропагандировать среди нашего народа народное дело и собирать материальные средства... в Радомире, Кюстендиле и дальше в Македонии”, подчеркивая, что эти места “остаются заброшенными” (“остават занемарени”)¹⁷⁷. В июле 1872 г., затрагивая вопрос о созыве общего собрания (“скупщины”) и находя невозможным сделать это в Болгарии, так как турки были начеку, Т. Пеев предлагал следующее: “если распространим дело на Македонию (подчеркнуто мною - К.С.), то можем в этих районах, где еще не догадались, как здесь, провести собрание”¹⁷⁸. В августе 1872 г. Т. Пеев снова обращался к В. Левскому с просьбой о полномочиях для работы в Македонии¹⁷⁹. Из письма В. Левского от 25 августа 1872 г. узнаем, что полномочия в Македонию хотел получить и Д. Обшти, сам уроженец Македонии¹⁸⁰, но Левский воспротивился этому из-за

неподготовленности Обшти к серьезной революционной работе¹⁸¹. Интересен и такой факт. В переговоры, которые Левский настойчиво вел со старыми гайдуцкими воеводами П. Хитовым и Ф. Тотю, не был почему-то вовлечен Илю Малешевский.

Таким образом, как показывает анализ источников, серьезной работы в Македонии не велось, людей, нужных для ее организации, не нашлось ни на месте, ни среди деятелей Болгарии и Фракии. Правда, попытки создания отдельных заговорщических групп и подобию комитетов имели место в Прилепе, Велесе, Охриде, Кукуше, Штипе, Горной Джумае, Криво-Паланке, Водене, Крушево. Однако, эти разрозненные группы, возникавшие только в городах, были организационно не оформлены, не имели связи между собой, чаще появлялись в результате косвенного, а не прямого воздействия комитетов Левского. Можно с полным основанием сказать, что как в Кукуше¹⁸², так и в других местах, эти опыты были детскими, наивными и не имели серьезного значения. Как правильно отмечал в свое время Т. Влахов, революционная сеть не распространилась на Македонию¹⁸³. Ив. Унджиев, свыше 40 лет¹⁸⁴ исследующий деятельность В. Левского, вынужден отметить известную локальную ограниченность действий Левского по созданию внутренней организации и указать на отрывочность и недостоверность сведений о работе в Македонии¹⁸⁵.

Об удельном весе Македонии во всей деятельности В. Левского мы можем судить хотя бы по такому косвенному показателю: из 357 страниц последнего издания книги Унджиева о Левском (София, 1967) едва ли наберется 2 страницы о Македонии! То, что Македония не была охвачена комитетами Левского, Унджиев объясняет преждевременной смертью последнего. Нам представляется, что дело было сложнее, хотя Левский, бесспорно, серьезнее всех своих предшественников думал о вовлечении Македонии в общую борьбу. Думается, что Левский должен был хорошо представлять ситуацию в Македонии, об этом говорит все его поведение. Он не мог не понимать, что в Македонии из-за общественной отсталости населения, ряда внутренних, а отчасти и внешних факторов, на данном этапе трудно было думать о серьезной революционной деятельности.

Нельзя забывать, что разрыв между Македонией с одной стороны и Болгарией и Фракией с другой в общественно-политическом отношении продолжал оставаться значительным, несмотря на все успехи культурно-просветительной и церковной борьбы. В рассматриваемый период в Болгарии совершался массовый переход к новым формам борьбы против турецкого ига, обусловленный преодолением буржуазно-либерального влияния на национально-революционное движение. Для большинства ее населения свержение политической власти Турции революционным путем становилось

главной, первоочередной задачей дня, для выполнения которой имелись не только опытные руководители, но и народные массы были готовы к идеологической и организационной работе Левского и его сподвижников, что с полной убедительностью подтвердилось всем развитием событий в конце 60 - начале 70-х гг. XIX в. Целеустремленность и самоотверженность руководителей, общий энтузиазм и решимость идти до конца, прекрасно отразившиеся в гордом лозунге “Свобода или смерть”, территориальная широта организационной сети, значительный численный состав комитетов, охват сельского населения - ничего подобного не было в Македонии.

Как видно из приводившегося выше материала, в Македонии не было еще идеологически зрелого ядра интеллигенции, готового к распространению революционных идей, способного организовать и подготовить народ к всеобщему восстанию. Немногочисленная местная интеллигенция, среди которой наряду с учителями большую роль играло низшее духовенство, не ощущала особого различия между идеологией В. Левского и П.Р. Славейкова, продолжала больше надеяться на внешнюю помощь, чем на внутренние силы, оставаясь сама инертной и нерешительной. Характер агитации и работы среди населения был гораздо ближе к уровню деятельности групп “Тайного общества” Раковского, чем комитетов Левского. Общественно-политическая активность выразилась больше в усилении петиционной кампании. Жалобы на невыносимые условия существования, непрекращавшиеся злоупотребления, насилия и притеснения всякого рода, сопровождавшиеся просьбами о защите, направлялись местным властям, самому султану, представителям великих держав.

Все это объяснялось не только слабостью македонской буржуазии, террором мусульман, но и целым рядом обстоятельств, расплывавших силы. Вспомним, что в Македонии продолжало сохраняться церковно-культурное и политическое соперничество с греками. Ни константинопольская патриархия не отказалась от своих притязаний на македонские епархии, ни греческие политические круги от своих надежд включить когда-нибудь Македонию в границы Греческого королевства. Со второй половины 60-х гг. XIX в. в борьбу за Македонию открыто включились Сербия и Румыния. Последняя претендовала на защиту прав валашского населения Македонии, число которого она всячески стремилась преувеличить за счет других национальностей. Весь этот прочно завязавшийся клубок противоречий, хотя еще оставался внутренним делом Турции, уже привлек внимание Европы. Так, весной 1869 г. газета “Македония”, основываясь на извлечениях из венской “Der Ost”, в статье “Греки, болгары, сербы” писала, что Македония является яблоком раздора не только между греками и болгарами, но и сербами, и даже румынами. В статье с иронией отмечалось, что “греки, болгары, сербы, румыны делят между собой зайца, который еще бежит из леса”¹⁸⁶.

Обстановка осложнялась и известными центробежными тенденциями, появившимися в 60-х гг. XIX в. в славянской среде по отношению к Болгарии. Речь идет о “македонистах”, заявлявших, что македонцы и болгары отнюдь не равнозначные понятия, в связи с чем в начале 1871 г. с призывом к единству выступил на страницах своей газеты П.Р. Славейков, впервые употребивший термин “македонский вопрос”¹⁸⁷.

Политическая пропаганда соседних балканских государств, этническая пестрота населения, различие национальных платформ и национальных интересов, несмотря на отдельные попытки к взаимному сближению, чрезвычайно осложняли общественно-политическую жизнь Македонии, отрицательно сказываясь на политической зрелости македонского населения.

В середине 70-х гг. XIX в. разразился самый глубокий Восточный кризис XIX века. В отличие от всех предшествующих, он был вызван не вмешательством России, а открытым выступлением угнетенных балканских народов¹⁸⁸. Кризис был проявлением острых национальных и социальных противоречий, углубленных соперничеством великих держав. Началом кризиса послужило восстание в Боснии и Герцеговине, вспыхнувшее летом 1875 г. В итоге в Европейской Турции не осталось ни одного района, не затронутого в той или иной мере подъемом национально-освободительного движения. Революционно-демократические силы на Балканах стремились к созданию единого фронта борьбы против общего поработителя. Возросли контакты между революционными деятелями Сербии и Болгарии. Эхо общего энтузиазма отозвалось и в Македонии, хотя события здесь имели свою специфику. стихийное недовольство народных масс, в первую очередь крестьянства и городской бедноты - мелких ремесленников, торговцев, поденщиков - стремительно нарастало. Этому способствовали также неурожаи 1874 и 1875 гг., вызвавшие во многих местах голод, застой торговли и т.п.

По некоторым данным в 1875 г., одновременно с Боснией и Герцеговиной, произошло восстание в северной Македонии¹⁸⁹.

События в Боснии и Герцеговине оживили деятельность БРЦК, переживавшего кризис после гибели В. Левского. Среди болгарских революционеров выдвинулась яркая личность Хр. Ботева. Началась деятельная подготовка к всеобщему восстанию. Неудача Старо-Загорского восстания 1875 г. не повлияла на решимость сбросить ненавистное иго. “В бой, жители Мизии, Фракии и Македонии!” - звала одна из листовок 1876 года¹⁹⁰.

Однако, в силу отмеченных выше причин, Македония, как и прежде, оставалась в целом вне рамок активной комитетской деятельности. Как показывают последние исследования болгарских ученых, между восстанием в селе Разловци в северо-восточной Македонии, происшедшим весной 1876 г. и Апрельским восстанием в Болгарии не было организационной связи¹⁹¹, хотя несомненно, что

вслед за Боснией и Герцеговиной события в Болгарии также оказали воздействие на общественную жизнь в Македонии.

Руководителем восстания был Димитрий Поп-Георгиев, по прозвищу Беровский. Он родился в с. Берово, в Восточной Македонии. Здесь получил начальное образование, в конце 50-х гг. уехал для продолжения учебы в Одессу, откуда в 1861 г. перебрался в Белград, где принял участие в событиях 1862 г. Затем Д. Поп-Георгиев вернулся в родное село и стал работать учителем, принимая активное участие в церковной борьбе и других общественных делах¹⁹². В 1874 г. он организовал выступления против греческого митрополита Струмицы, в результате чего был обвинен как бунтовщик против турецкой власти и арестован вместе со своими двумя братьями. Через некоторое время они были освобождены под большой залог и перебрались в Салоники. Здесь Д. Беровский начал разрабатывать план восстания¹⁹³. Из представителей интеллигенции, торговцев и ремесленников он организовал в конце 1875 г. кружок единомышленников, куда кроме него вошли его три брата: Константин, поп Иван и Алекса, а также Стоян Цоцов, Гоге Ширтов, поп Петр Солунский, два брата Евровы, солунские учительницы баба Неделя и Станислава Караиванова¹⁹⁴. К деятельности кружка Д. Беровский привлек и своего тестя попа Стояна из с. Разловци, который стал активнейшим участником подготовки восстания, превратив Разловци в центр подготовительной, а затем повстанческой деятельности¹⁹⁵.

Пиянец и Малешево, горные районы северо-восточной Македонии, где началось восстание, издавна славились своим свободолюбием и непокорностью. Здесь не было дома, из которого кто-нибудь из мужчин не ушел в гайдучкине четы. Этот край дал самых знаменитых македонских воевод - Илю Малешевского, Румену-воеводу и других.

С момента основания кружка Д. Беровский занялся организацией закупки оружия, пороха, пуль. Где-то в это время или несколько позднее бабе Неделе и Станиславе было поручено изготовить знамя. По свидетельству А.М. Селищева, который во время своего путешествия в 1914 г. посетил сына Д. Беровского и видел хранящуюся у него реликвию, это было "великолепное красное шелковое знамя". В желтом прямоугольнике был вышит темно-красный лев, перед его изображением подпись: "Македония". На знамени помета: "На Осмии маја 1876" (намечавшаяся дата восстания). На двух больших лентах, закрепленных верхними концами на знамени и свободно ниспадавших перед эмблемой льва, было вышито: на одной: - "Встаньте" ("Станете"), на другой - "Чтобы я вас освободил" ("да ви освободя"). Станислава написала и стихотворение, призывавшее малешевцев к восстанию¹⁹⁶.

В разгар подготовки к восстанию в Салоники прибыл некий поп Геннадий из Софии¹⁹⁷. Вот что писал позднее об этом посещении сын попа Стоя-

на: "Наступил 1876 год. Мы ничего не знали здесь о революционном движении, которое кипело в северной и южной Болгарии в этот знаменитый год. В марте месяце явился в Солунь известный в Софийском районе отец Геннадий, который обошел всю Болгарию, был в Сербии, Смирне, Константинополе и др. Поп Петр Солунский посвятил его в приготовления, которые велись в Солуни, и настоял, чтобы он непременно увиделся и поговорил с единомышленниками. В этих разговорах отец Геннадий им открыл, что вся Болгария и Фракия готовы и в мае поднимут сильные восстания"¹⁹⁸. Вместе с Петром Солунским отец Геннадий проехал до Велеса, но они не смогли ничего предпринять из-за слежки турецких властей. Софийский гость уехал из Македонии, а заговорщики ускорили свои приготовления, так как близилась весна 1876 г.¹⁹⁹

Д. Беровский и поп Стоян Разловский замыслили не простой местный бунт, а более широкое движение, которое должно было охватить большую часть Восточной Македонии. В конце апреля - начале мая (по старому стилю) 1876 г. в околии Пиянец было проведено два совещания, на которых был обсужден план действий. Согласно принятому решению, Д. Беровский с небольшой четой должен был предварительно обойти околии Пиянец, Малешево, Радовишт, Струмицу, Петрич, Мелник, чтобы призвать мужчин быть готовыми взяться за оружие, а детей, женщин и стариков подготовить к отправке в горы. Восстание было решено начать в околии Пиянец, с ее административного центра Царево Село, затем распространить на Малешево и другие намеченные районы²⁰⁰.

Со своей организационно-агитационной четой Д. Беровский направился сначала в малешевские села. До 7 мая он обошел почти весь район, но результаты его не очень радовали, так как население не везде соглашалось принять участие в восстании. Вернувшись в с. Разловци, он готовился перейти в Осоговские горы для агитации в селах Пиянца. По-видимому, начало восстания, по сравнению с более ранними планами, хотели несколько отодвинуть из-за плохой подготовленности населения. Но неожиданно в Разловци пришли полевые сторожа и заптии, что-то, очевидно, подозревавшие. Их угрозы, арест 10 крестьян, намерение обратиться в ислам 2-х местных девушек ускорил решение выступить. Знак к восстанию был дан в ночь с 7 на 8 мая (по новому стилю с 19 на 20). Было собрано около 60 человек, способных к борьбе. Их разделили на две четы: первая должна была отвести население в горы, другая обеспечить защиту с. Разловци от турецких отрядов и башибузуков. В Разловци восставшие крестьяне убили пришедших полевых сторожей и заптиев, сожгли налоговые списки, долговые документы и т.п. С отрядом в 30-40 человек Д. Беровский с развевающимся впереди знаменем двинулся поднимать другие села. По дороге они имели несколько мелких

стычек с местными турецкими отрядами. В этих столкновениях Беровский был тяжело ранен в голову. Ранение Беровского, неожиданное ухудшение погоды, быстрое вмешательство турецких властей и башибузуков помешали распространению восстания вширь. Восставшее село Разловци турецкие власти и башибузуки разграбили, а потом подожгли. Турецкие репрессии затронули другие близкие села и некоторые города. Большое число крестьян и горожан было арестовано, подвергнуто истязаниям и осуждено.

Поп Стоян, чтобы не попасть в руки турецких властей, покончил с собой. Отряду Д. Беровского удалось пробиться в горы Малешево и перезимовать в с. Сажданик. Весной 1877 г. чета начала действовать в Осоговских горах²⁰¹.

Несмотря на слабую подготовку, нечеткую программу, восстание в с. Разловци было первой в Македонии попыткой поднять народ на организованную вооруженную борьбу с турецким режимом. Вместе с тем в нем было гораздо больше черт стихийного крестьянского антифеодального бунта, четнической тактики, чем сознательного политического движения. Характерно, что именно в таком плане оно было воспринято современниками и сохранилось в народной традиции. Софийская учительница Иорданка Филиппова в письме русскому консулу в Пловдиве Н. Герову 22 сентября 1876 г. характеризовала восстание в с. Разловци как простую гайдуцкую акцию, вызванную бесчинствами и насилиями полевых сторожей. Она писала под впечатлением рассказов македонских крестьян, привезенных из Струмицы в Софию и после длительного следствия выпущенных здесь на свободу²⁰². В народной песне, посвященной восстанию, которая до сих пор поется в восточной Македонии, причиной восстания также называются своеволия полевых сторожей и насилия над девушками и женщинами. Первое место в руководстве восстанием отводится попу Стояну, с которым население сталкивалось непосредственнее, чем с Д. Беровским²⁰³.

Рассматриваемые события снова обнаружили ту большую роль, которую играло патриотически настроенное духовенство в общественно-политической жизни Македонии. Вспомним об иеромонахе Нафанаиле, высказываниях А. Костенцева. Эта черта, присущая Македонии, проявится и в дальнейшем, свидетельствуя об отсталости общественных отношений в этой части Балканского полуострова.

Отголоски старой тактики времен Раковского (агитационно-организационный поход Д. Беровского с четой в преддверии восстания), символика знамени повстанцев, лишней раз говорят об отсутствии организационной связи между Апрельским восстанием и событиями в восточной Македонии. Обращает на себя внимание различие лозунгов, а оно, по всей вероятности, не случайное, ибо учительницам, вышивавшим знамя и для

Левского, были известны лозунги революционеров в Болгарии. По-видимому, руководители кружка считали, что выбранные ими призывы будут понятнее и ближе населению, и призывали они повстанцев под знамя, на котором реяла надпись "Македония", а не "юго-западная Болгария" или что-то в этом роде. На наш взгляд этот факт указывал на глубокие корни местного патриотизма.

В 1876 г. было беспокойно и в других районах восточной Македонии. Весной названного года велась подготовка к восстанию в Горно-Джумайском районе. Турецкие власти сумели ее обнаружить и арестовали трех жителей Горной Джумаи - Георгия Мицова, учителя Димитрия Маркова и Георгия Чапръпшыкова. Д. Марков был осужден на смерть и повешен²⁰⁴.

Непосредственная организационная связь с Болгарией обнаруживается в Банско-Разложском районе. Д. Дойнов указывает, что почти весь этот район был включен в революционную сеть IV Панагорского округа. Он считает, что здесь проводилась широкая подготовка к восстанию, как в составной части IV революционного округа. В с. Долно Драгалиште был создан главный комитет Разложского района. Как делегат Разложского района в Обориште был направлен учитель Георгий Чалаков из с. Долно Драгалиште²⁰⁵. После Апрельского восстания в Разложском районе было арестовано более 30 человек - учителя, священники, представители торгово-ремесленной буржуазии. Однако летом 1876 г. все они были освобождены²⁰⁶.

Отдельные лица из Банско-Разложского района участвовали в боевых действиях в Панагюриште, Брацигово, Батаке и др. местах²⁰⁷. Известно, что в чете Христо Ботева было несколько человек из Македонии²⁰⁸.

После балканских восстаний 1875 и 1876 гг. летом 1876 г. вспыхнула сербо-турецкая война. В борьбе приняли участие интернациональные добровольческие отряды, формирование которых началось еще до открытия военных действий. Среди них были также четы из Македонии: Илю Малешевский (Марков) собрал 100 человек Христо Македонский - 180 (в его чете находились и румынский капитан Леонид Роман и чехи: Андреси Вирга, Бени Хига, Бобе Януш, Хокем Моро, Роберт Коспер, Григор Восрих)²⁰⁹. Причиной добровольческого движения в канун и в период сербо-турецкой войны был политический и социальный гнет на Балканах, сопровождавшийся жестоким насилием над поработенными южными славянами, которые вели борьбу за свою свободу.

Как известно, Македония принадлежала к наиболее угнетаемым районам Европейской Турции. После убийства в Салониках французского и германского консулов в мае 1876 г. толпой фанатичной мусульманской черни, православное население жило в постоянном страхе, опасаясь всеобщей резни христиан. Частые переброски через территорию Македонии в Боснию и

Герцеговину к границам Сербии и Черногории регулярных войск и отрядов башибузуков, чрезвычайные налоги и подати военного времени, возросшая безнаказанность местных властей и феодалов делали нестерпимым положение христианского населения Македонии.

Готовясь к войне с Турцией, Россия с весны 1877 г. тоже начала формировать на румынской границе вспомогательные отряды. Сюда устремились массы добровольцев из Сербии. Несколько позднее Болгарского ополчения были созданы так называемые вольные части. Они предназначались для охранительной и сторожевой службы на флангах и впереди русской армии. Организацией чет занимался бывший русский консул в Битоли М. Хитрово, его помощником был Стоян Везенков из Крушева. Четы были сформированы из македонских добровольцев (около 400 чел.), многие из которых принимали участие в сербо-турецкой войне. Во главе чет (их было всего пять) были поставлены уроженцы Македонии, уже завоевавшие себе авторитет предшествовавшей деятельностью: Илю Малешевский, Георгий Пулевский, Георгий Антонов и др.²¹⁰ Четы действовали то вместе, то отдельно. Сформированные позднее болгарского ополчения, четы смогли принять участие лишь в зимнем походе через Балканы и в последующих военных действиях. Они постоянно находились на флангах и впереди русских колонн, имея частые стычки с башибузуками и даже регулярными войсками, доставляя сведения о численности, движении и намерениях неприятеля²¹¹.

С переходом русских войск за Балканы четы под начальством Илю Малешевского вместе с отрядом подполковника Задарновского двинулись к Кюстендилу. Этот город был взят с хода, причем четы охраняли окрестные селения от башибузуков. Пройдя Кюстендилскую область, дед Илю с отрядом в 150 человек проник на северо-восточную Македонию в районе Пиянца и связался с четой Д. Беровского, действовавшей в этих местах с весны 1877 года²¹².

Целые два месяца отряды деда Илю и Д. Беровского контролировали весь Малешевско-Пиянецкий район, разоружив местные власти и создав новые полицейско-административные органы во главе со старейшинами. После заключения Сан-Стефанского мира турецкие власти получили приказ очистить мятежные районы от повстанцев. Преодолевая упорное сопротивление, турки сумели к 12 апреля 1878 г. восстановить здесь свою власть²¹³.

Почти одновременно с действиями Илю Малешевского и Д. Беровского в Кумановской, Кривопаланской и отчасти Кратовской казах под влиянием македонских добровольцев, находившихся в сербских войсках в районе г. Враня и перешедших в Македонию, в начале 1878 г. произошло массовое выступление населения, в основном крестьянства. Его мотивы были больше социальные, чем политические. Жители этих мест прежде всего хотели отомстить

мусульманам за все притеснения, а также за грабежи башибузуков и турецких войск при отступлении. Число повстанцев в этом районе достигло 3-4 тыс. человек. Их силы группировались в 2-х пунктах - в монастыре Забел и монастыре Карпини. С просьбой об оружии повстанцы обратились к сербским пограничным властям и к князю Милану. Им было обещано 2000 ружей и другая помощь. Повстанцы продержались до лета 1878 г. 4 июня турецкие власти заняли город Криво-Паланку и продвинулись до демаркационной линии. Вместе с повстанцами за сербскую границу ушло много местного населения, осевшего в районе Враня на постоянное жительство. Часть повстанцев осталась в горах Козьяк и Герман, продолжая оттуда тревожить турок²¹⁴.

Помимо отмеченных очагов борьбы, по Македонии бродило много мелких чет. Большинство их возникало стихийно, без ясно выраженного политического характера и продолжало старую гайдуцкую традицию. В Серском, Неврокопском и Мелникском районах действовала чета Тодора Паласкаря, в которой был и будущий воевода Кресненского восстания Стоян Карастоилов. Здесь же действовали еще две четы Кочо Лютого и Стойко Цепаревца. В Прилепском районе действовала группа Диме Шикева, а в горах Бабабуны - Нико Бендера. Отдельные мелкие четы появились в районах Салоник, Охрида, Костура, Битоля²¹⁵.

Помимо стихийных выступлений народных масс, являвшихся прежде всего выражением антифеодального и социального протеста, в кругах городской буржуазии и интеллигенции появлялись и определенные политические стремления. В силу предшествовавшей церковной борьбы и создания независимой болгарской экзархии большинство интеллигенции Македонии ориентировалось на Болгарию, хотя политические идеалы оставались еще достаточно туманными. Приветствовались любые изменения, которые принесли бы облегчение существования славянского населения и ослабление турецкого давления. В Македонии были бы рады и осуществлению предложений Константинопольской конференции 1876 г., которая, по словам представителей Прилепской общины, даровала "нам, бедным македонцам, местную автономию" и породила неосуществившиеся надежды на улучшение²¹⁶. Слухи о предполагаемой войне России с Турцией вызвали первоначально в некоторых местах Македонии, в частности в Битоли, больше страха перед возможными мусульманскими неистовствами, чем размышлений о давно желанном освобождении. Однако, и здесь стали высказываться надежды, что битольский санджак войдет "в границы болгарской автономии". Русский консул в Битоли добавлял, что такой вариант с удовольствием приняли бы и местные валахи²¹⁷.

Объявление войны было встречено большинством населения Македонии с нескрываемой радостью, энергично приветствовалось и подписание Сан-

Стефанского мира. Русские войска ждали повсюду - в Сересе, Велесе, Прилепе, Охриде, Битоле, Ресене и т.д. В Охриде известный македонский учитель Гр. Причев сложил песню в честь освобождения, которую пели в каждом доме. Однако, за исключением Горно-Джумайского района, занятого еще до перемирия, русские власти не приступили к занятию Македонии, хотя, как известно, определенные планы на этот счет существовали. Причиной их невыполнения было ухудшавшееся внешнеполитическое положение России, главным образом из-за угрозы возможной войны с Англией и Австро-Венгрией, а также из-за возникших осложнения в Родопах²¹⁸. Вопреки настояниям Н.П. Игнатьева и ряда других дипломатических и военных лиц, командование русской действующей армии и особенно главнокомандующий, проявляли колебания. В Македонию не были направлены ни намечавшийся ранее для этого 4-й корпус, ни кавалерийские отряды, которые в сотрудничестве с местными вооруженными четами могли бы занять македонскую территорию²¹⁹.

Как известно, Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор вызвал не только восторженные отклики. В сущности этого следовало ожидать и, по видимому, к подобной реакции русская дипломатия в общем-то готовилась. О том, что договор в Сан-Стефано с самого начала был мертворожденным, говорит хотя бы его название - "прелиминарный", т.е. "предварительный", что указывало на неизбежность переговоров заинтересованных держав, помимо воевавших сторон, для выработки окончательного мирного договора России с Турцией. Действительно, разве можно было ожидать согласия Австро-Венгрии на подобный вариант после Рейхштадского и других соглашений, специально оговаривавших недопустимость создания на Балканах крупного славянского государства? А Англии? Д. Благоев не без основания назвал Сан-Стефанский договор "достаточно хитрой дипломатической игрой со стороны России", хотя не совсем верно раскрыл ее побудительные мотивы, считая, что разделение северной и южной Болгарии было в интересах царской дипломатии, так как помимо достижения других целей, поддерживало у поработенных народов представление об "освободительной миссии" русского царизма на Балканском полуострове²²⁰.

Сан-Стефанский договор был "большим запросом", манипулируя которым русское правительство хотело добиться от европейской дипломатии максимума уступок в пользу создаваемого национального болгарского государства.

Включение Македонии в границы Болгарского княжества вызвало со стороны Греции и Сербии многочисленные протесты и представления.

Константинопольская патриархия, как орудие греческого правительства, через своих митрополитов и силогосы, организовала посылку писем и теле-

грамм великим державам с протестом против включения Македонии в состав проектируемой Сан-Стефанской Болгарии. Когда Россия вынуждена была согласиться на созыв Берлинского конгресса, усилилась посылка апелляций этому международному форуму. В посланиях выдвигалось требование включить Македонию в греческое государство, а если это невозможно, то оставить и дальше под властью Турции.

В Сербии еще в 1877 г., после окончания первой сербо-турецкой войны, из эмигрантов Старой Сербии и Македонии был создан специальный Комитет во главе с дечанским архимандритом Саввой, в замен прекратившего в 1876 г. свою деятельность Комитета сербского просвещения в областях Османской империи. Активность нового Комитета особенно возросла в связи с Сан-Стефанским миром. Комитет направлял протесты европейским государствам и русскому царю, ратуя за объединение Старой Сербии и Македонии с Сербским княжеством. Подобные документы, настаивавшие на защите сербских интересов, как представлял их себе Комитет, направлялись и сербскому правительству. Активность Комитета достигла своего апогея во время Берлинского конгресса, архимандрит Савва прибыл в Берлин, чтобы, как уполномоченный Старой Сербии и Македонии, отстаивать перед великими державами требования Комитета²²¹.

Политическая активность сербского правительства и Комитета накануне Берлинского конгресса не ограничилась только протестами перед великими державами. Попутно начался сбор исторического, этнографического и лингвистического материала, долженствующего доказать, что Македония принадлежит Сербии. На страницах газеты "Српске Новине" в мае-июне 1878 г. были напечатаны две большие статьи. Первая называлась "Какой славянской ветви принадлежат славяне в Верхней Албании и Македонии". Ее автором был Деспот Баджович, родом из Крушево²²². Вторая - "Старые сербы" - принадлежала перу Димитрия Алексиевича из окрестностей Дебара²²³.

Не хотела смириться с Сан-Стефанским договором, а затем решениями Берлинского конгресса и Турция. Турецкое правительство, поддерживаемое Англией, а в некоторых случаях и Австрией, разжигало турецко-мусульманское сопротивление в районах, которые должны были отойти другим государствам, а также в тех местах, которым угрожали болгарские притязания. Одним из центров турецкого движения стала Албания и северо-западные районы Македонии. Турецкие агенты обходили эти провинции, поощряя мусульманское население, собирая с помощью местных властей насильственным путем подписи под различными петициями и т. п.²²⁴ После шумной подготовки 10 июня 1878 г. в Призрене было торжественно провозглашено создание Албанской лиги²²⁵. Целью Лиги объявлялась защита прав султана на земли Османской империи. От имени мусульманского, право-

славного и католического населения “провинции Монастыря”²²⁶, Албании, Боснии и Янины” заявлялось о непризнании иной власти, кроме власти султана, и готовности “до последней капли крови” защищать целостность Османской империи. Меморандумы такого рода были посланы турецкому правительству и представителям европейских держав в Константинополе²²⁷.

Обстановка в Македонии особенно накалилась после Берлинского конгресса, когда сюда устремились целые караваны турецких и албанских беженцев из освобожденных территорий Болгарии и Сербии и оккупированных Австро-Венгрией территорий Боснии и Герцеговины. Озлобленные потерей своего положения и имущества, во многих случаях оставшиеся без средств к существованию, мусульманские беженцы (мухаджиры) вымещали свои беды на православном населении Македонии. Имелись случаи массового сожжения христианских сел, грабежей, убийств, особенно в пограничных районах. Нападению подвергались не только села, но и небольшие городки и местечки как Крушево, Охрид, Ресен, Струга. Шайки башибузуков нередко насчитывали от 200 до 500 человек. Деятельность Албанской лиги, мусульманские восстания в Боснии и Родопах еще более разжигали фанатизм турок и албанцев. Однако все это рождало в свою очередь отпор местного населения, имевший чаще всего форму простейшей самообороны и выражавшийся в активизации четнической деятельности, в большинстве случаев сохранявшей черты старого гайдучества. Одновременно представители македонской интеллигенции и зажиточных кругов организовали петиционную кампанию, направляя в адрес русского командования мольбы о помощи и покровительстве; депутации македонцев являлись к Дондукову-Корсакову в Пловдиве, а затем в Софии, прося не отделять их от Фракии и Мизии, а также защитить от неистовств башибузуков и других насилий²²⁸.

Стихийные антифеодальные выступления крестьян, четническое движение, охватившее к лету 1878 г. всю Македонию, наличие в Кюстендильском и Горно-Джумайском районах значительного числа бывших ополченцев, надежды на определенную помощь русских оккупационных властей в Болгарии и другие факторы способствовали появлению идеи об организации на македонской территории вооруженного восстания как одного из звеньев общего протеста против решений Берлинского конгресса. Она была сформулирована духовенством и буржуазными кругами Македонии и Болгарии. Большую роль в организационной подготовке восстания сыграл бывший охридский митрополит Нафанаил и комитеты “Единства”, созданные в августе 1878 г. по всей Болгарии для борьбы за “единство всех болгар и улучшение их политического положения”²²⁹.

Внешними базами подготовки восстания были избраны Кюстендил и Джумая в силу их территориального положения. Для установления связи с македон-

скими воеводами в Кюстендил прибыл Натанаил Охридский. Попутно он организовал благотворительные комитеты в пограничной полосе - в Кюстендиле, Дупнице, Горной Джумае и др. местах. 8/20 сентября Натанаил встретился в Рильском монастыре с Ило воеводой и Д. Поп-Георгиевым (Беровским). Началось постепенное стягивание чет к демаркационной линии между русскими и турецкими войсками у Горной Джумаи²³⁰.

На совещании воевод четнических отрядов и руководителей восстания было решено первый удар направить на Кресну. Общее руководство четами было поручено известному македонскому воеводе Стояну Карастоилову²³¹. Восстание началось 5/17 октября 1878 г. нападением на турецкую воинскую часть в Кресне. Бой длился 18 часов. Объединенные усилия македонских чет, восставших крестьян из окрестных сел, добровольцев, присланных из Болгарии, увенчались успехом. 6 октября турецкий гарнизон, потеряв 20 человек убитыми и ранеными, в количестве 121 человека (119 солдат и 2 офицера) сдался в плен²³². По этому первому освобожденному местечку восстание получило название "Кресненского", хотя во всех официальных документах повстанцев оно называлось "македонское восстание", такое же название стояло на печати начальника штаба²³³.

Восстание быстро распространилось на окрестные села по обе стороны реки Струмы, в результате чего было освобождено 36 сел. Героем этих дней был Стоян-воевода, которого его соотечественники в Македонии считали душой восстания²³⁴.

Успешное развитие восстания ставило перед руководством серьезные задачи: надо было организовать на освобожденной территории новые административные органы, централизовать руководство восстанием, обеспечить доставку оружия и боеприпасов; приток пополнений. Числа 10-11 октября 1878 г. на общем собрании атаманом повстанцев был избран Адам Калмыков, ставленник Софийского комитета, начальником штаба - Д. Поп-Георгиев.

Успехи повстанцев вынудили турецкие военные власти г. Мелника вступить в ними в переговоры с тем, чтобы оттянуть время до подхода подкреплений. Одновременно турецкое правительство через дипломатические каналы обвинило русское правительство в инспирировании восстания. В силу этого русские власти запретили своим пограничным войскам всякое вмешательство в действия повстанцев и формирование чет на территории, где находились русские войска.

С развитием восстания появились первые разногласия среди руководства относительно конечных целей восстания, дальнейшей стратегии и тактики. Ставленники комитетов "Единство" А. Калмыков и Луи Войткевич стремились подменить массовое народное восстание действиями отдельных раз-

розненных чет на возможно большей территории, с тем чтобы вызвать вмешательство европейской дипломатии в пользу ревизии Берлинского трактата. Д. Поп-Георгиев и другие македонские воеводы были противниками преждевременного расширения восстания на соседние районы, считали необходимым прежде всего закрепиться на занятых позициях, обеспечить войско восставших оружием и обмундированием, пополнить свои ряды новыми, свежими силами и лишь тогда предпринимать наступление.

Эти две совершенно различные позиции очень четко проявились в вопросе о вооружении - самой острой проблеме для восставших. Штаб восстания непрерывно требовал оружия и патронов. Комитеты "Единства", несмотря на успехи восстания, не оказывали ему никакой помощи. Софийский комитет фактически оставил без оружия уже вполне определившийся центр восстания - Мелникский округ - и направлял все оружие и добровольцев в Кюстендил, где находились Войткевич и "дед" Натанаил²³⁵.

18 октября, не без санкции Софийского комитета, Войткевич прибыл из Кюстендила в с. Влахи, где находился штаб восстания. С приездом Войткевича, между ним и Калмыковым началась борьба за власть. Угроза междоусобной войны нависла над восставшими. Перед лицом этой грозной опасности воеводы отстранили обоих претендентов на командование - Войткевича и Калмыкова. Во главе восставших стал Д. Поп-Георгиев совместно с македонскими воеводами, среди которых выделялся Стоян Карастоилов. Восставшие провозгласили свою полную самостоятельность от комитетов "Единства". "Мы полагаем, - писали они Джумаюскому комитету, - что ваша обязанность помогать нам средствами, а что касается военной стороны, то вы должны быть просто зрителями"²³⁶. Комитеты встретили письмо в штыки и приняли решение любой ценой сломить неповиновение повстанческих отрядов и восстановить свое господствующее положение. 30 октября 1878 г. Софийский комитет сообщил в Джумаю, что им принято решение арестовать Д. Поп-Георгиева, образовать временную комиссию представляющую Центральный комитет, в составе трех человек: Димитра Г. Стотелова, Пандо Урумова, Андрея И. Георгова. В начале ноября комиссия прибыла в Джумаю и начала свою деятельность. Она немедленно отстранила от руководства восставшими Д. Поп-Георгиева и восстановила в должности Калмыкова. Снова появился Войткевич. Был создан так называемый "военный совет", куда вошли оба претендента на командование - Калмыков и Войткевич. Первый был оставлен в Мелникском районе, второй послан в Разложский район, где только что вспыхнуло восстание²³⁷.

Сигналом к восстанию крестьян Разложского района послужило появление 5 ноября на его территории отряда Братана Маринова. Отрядами под ру-

ководством Маринова и подоспевшего Войткевича 8 ноября было занято большое село Банско под Разлогом. Образовался новый район восстания.

Между тем турецкое командование закончило концентрацию войск и приступило к подавлению восстания. Свой главный удар турки направили против главного очага восстания Кресна-Влахи. Потерпев вначале неудачу, турецкие силы нанесли затем повстанцам решающее поражение, выбив их из Кресны и Влахи. Софийский комитет по-прежнему оставался инертным, рассчитывая, что зверства турок вызовут негодование европейской общественности, приведя в дальнейшем к вмешательству иностранных государств. Для беспрепятственного проведения своей пораженческой тактики Софийский комитет решил устранить воеводу Стояна. Между 24 и 27 ноября 1878 г. Стоян Карастоилов был предательски убит комитетской комиссией²³⁸. «Со смертью Стояна-воеводы, - писал позднее А. Костенцев, - умерло и Кресненское дело»²³⁹. Так завершилась первая фаза восстания, когда были достигнуты крупные успехи благодаря героизму македонских четников и восставших крестьян.

Вторая фаза восстания проходила при усилившемся влиянии из Болгарии. Софийский комитет уполномочил Натанаила руководить всеми административными и финансовыми делами Кресненского восстания. К Натанаилу подключился деятельный член Тырновского комитета Стефан Стамболов и делегат Русе Николай Обретенов. Из добровольцев, размещенных северо-западнее Кюстендила, было сформировано 12 чет, каждая из которых состояла из 50-80 чел. Начальником штаба этих добровольцев, чей центр был в Босилеграде, был назначен словенец Мирослав Хубмайер. Кроме штаба был создан военный совет - Военное управление - в который входили все руководители чет. С начала 1879 г. все руководство восстанием перешло в руки Натанаила. К этому времени положение восставших, державшихся еще на правом берегу Струмы в районе Киршиака, стало критическим. Деморализованные силы повстанцев не смогли долго выдержать натиска регулярных турецких войск, начавших наступление весной 1879 г. В конце мая 1879 г. Натанаил отдал распоряжение распустить четы. С уходом русских войск из Горной Джумаи и вступлением в этот городок турецких частей в июне 1879 г. прекратились все действия, связанные с Кресненским восстанием. Масса людей хлынула из восточной Македонии в Болгарию. Эмигрировало от 25 до 30 тыс. человек.

Одной из характерных черт Кресненского восстания было массовое участие в нем крестьян, стремившихся освободиться от феодальной эксплуатации и гнета. На это указывают все исследователи²⁴⁰. Кресненское восстание впервые обнаружило глубокие расхождения между внутренними и внешними силами относительно методов борьбы за освобождение Македонии²⁴¹. Кресненское восстание подтвердило тот факт, что на территории Македонии

в 70-е гг. XIX в. не велось серьезной агитационно-организационной работы. Практически восстание возникло на базе на стихийного спорадического этнического движения с сильными гайдуцкими традициями, которые не были преодолены и в ходе восстания²⁴².

Обращает на себя внимание еще одна любопытная деталь. Несмотря на имевшее место вполне осязаемое стремление в самой Македонии включиться в общий с Болгарией фронт национально-освободительной борьбы, основные усилия в этом направлении предпринимались все же из Болгарии. На это обратил в свое время внимание Дондуков-Корсаков. В своем письме военному министру от 16 октября 1878 г. в связи с событиями в Македонии он, касаясь деятельности комитетов “Единства”, писал следующее: “Достоинно замечания, что в то время, когда почти каждый город Северной Болгарии завел у себя такой комитет, в Македонии, имеющей около 40 городов, пока еще нет ни одного такого комитета. Как бы то ни было, но северные болгары, по-видимому, делают все, чтобы побудить к действию македонцев”²⁴³. Дондуков-Корсаков разделял мнение “людей, близко знающих Македонию” и считавших, что “в ней самой пока нет никаких серьезных задатков для достижения самостоятельности своими собственными средствами” в силу угнетенности и забитости народных масс и своекорыстия зажиточных городских кругов²⁴⁴.

В период Кресненского восстания обнаружилось и другое явление - привязанность населения Македонии к своей территориальной терминологии. Не случайно с самого начала восстания во всех документах фигурировало название “Македонское восстание”. Только раз появилось воззвание к населению с грифом “Временное болгарское управление в Македонии” (ноябрь 1878 г.)²⁴⁵. С 1879 г., когда после убийства популярного воеводы Стояна Карастоилова особенно важно было удержать влияние руководства повстанческого войска среди населения, новый штаб в Босилеграде пользовался только штампом “Временное управление Македонии”, военные силы повстанцев назывались “македонским войском”²⁴⁶. Митрополит Натанаил подписывает одно из своих писем “один народолюбивый македончанин”²⁴⁷, термин “македонец” очень часто встречается в письмах, направлявшихся в комитеты “Единства”²⁴⁸. Так, между прочим, называли себя и македонские эмигранты в Румынии, собравшие небольшие средства для Кресненского восстания и сообщавшие об этом в январе 1879 г. митрополитам Натанаилу и Кириллу и “всем македонцам, которые находятся на ратном поле”²⁴⁹. Кузман Боцович, учитель из Враня, говорил не только о македонцах, но и о македонском народе²⁵⁰. В обращении повстанцев Малешевского округа к английскому консулу 24 ноября 1878 г. с просьбой о помощи в освобожде-

нии Македонии встречаемся только с выражениями: “нам македонцам”, “наша македонская кровь”, “святое имя Македония” и т.п.²⁵¹.

После подавления Кресненско-Разложского восстания в Македонии долгое время в ряде районов продолжалась борьба за освобождение в форме четнического движения. Не только во второй половине 1879 года, но и в 1880-1881 годах в Македонии действовали многочисленные вооруженные отряды.

Подводя итог изложенному, мы можем отметить, что вооруженные выступления против турецкого владычества на территории Македонии в 50-70-е годы XIX в. в целом не переросли в организованное революционное движение. И в этом отношении в Македонии обнаружилось отставание от Болгарии и Фракии.

Примечания

- ¹ Конобеев В.Д. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1853-1854 гг. // УЗИС. Т. XXIX. 1965.
- ² Записка Николая Палаузова “О нынешнем положении болгар в Европейской Турции” (Представлена 20 июля 1853 г. кн. Горчакову; 9 февраля 1854 г. послана митрополиту Филарету, кн. Меншикову, кн. Паскевичу, графу Блудову, Г.А. Лидерсу, Г.Л. Липранди). См.: Барсов Н. Тридцатилетие деятельности Одесского Болгарского настоятельства (1854-1884) и материалы для истории освобождения Болгарии. Одесса, 1895. С. 30, 37. См. также “Копия с прошения проживающих в Константинополе болгар на имя его светлости князя Меншикова 1 мая 1853 г. (АВПРИ. Ф. ГА. I-9. 1853-1856. Д. 11. Л.232-241); прошение болгар на имя русского императора от 14 февраля 1856 г. (там же, л. 251 об.) и др.
- ³ Конобеев В.Д. Указ. соч.
- ⁴ Конобеев В.Д. Указ. соч. С. 138. *Пловдивски Кирил*. Натанаил, митрополит Охридски и Пловдивски (1820-1906). София, 1952. С. 173-174.
- ⁵ Конобеев В.Д. Указ. соч. С. 164-165.
- ⁶ Там же. С.165.
- ⁷ Там же. С. 166.
- ⁸ Там же. С. 140-152.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Пловдивски Кирил*. Указ. соч. С. 201-203. Конобеев В.Д. Указ. соч. С. 151.
- ¹¹ *Пловдивски Кирил*. Указ. соч. С. 203.
- ¹² См. в частности АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1853 г. Д. 164. Л. 231.
- ¹³ Конобеев В.Д. Указ. соч. С. 138-139, 145-146.
- ¹⁴ Историја на македонскиот народ. Кн. втора. Скопје, 1969. С. 34.
- ¹⁵ “Болгарские дружины в Балканах” // “Москва”. 1967, 6 окт. *Страшимиров А.* Македонски войводи (Етюди на българските геройства в Македония). София, 1900. С. 5-6. Архив на Н.Геров. Ч. 1 (1857-1870). Документи за българската история. Т. I. София, 1931.

- С. 236-238, 332; *Lane B.* Одбрани текстови за историјата на македонскиот народ. Второ дополнето и проширено издание. II дел. Скопје, 1965. С. 64-69.
- ¹⁶ Архив на Н. Геров. Ч. I. С. 236-238.
- ¹⁷ Еще в 1830 г. подполковник Менд, посланный в Македонию русским командованием, сообщал о надеждах христиан Румелии и Македонии на покровительство России, об "отменном уважении", которым пользовались в Македонии русские, о том огромном интересе, который вызывало здесь "в каждом городе и каждом селе" появление русского офицера ("Записка о некоторых сведениях, собранных подполковником Мендом в Македонии". АВПРИ. Ф. ГА, 1-9, 1815-1873 гг. Д. 22; *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос.). В 1846 г. переводчик австрийского посольства в Константинополе граф Филипп Кавриани в одном из рапортов о своем путешествии по Албании и Македонии писал о больших симпатиях к России райи в Салоникском санджаке (*Ников П.* Австрийски консули в Турция за българите в Македония. // Македонски преглед. Кн. 5-6. 1925; Български патриарх Кирил. Съпротивата срещу Берлинския договор - Кресненското въстание. София, 1955. С. 13).
- ¹⁸ Письмо одного из учащихя в Москве болгар к редактору (по прочтении № 1 газеты "День") "День", Москва, 1861, 28 октября, № 3.; *Митрев Д.* По трагите на подвигот на брата Миладинови. Книга за Миладиновци (1862-1962). Скопје, 1962.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. ГА, 1-9, 1853-1856 гг. Д. 11. Л. 320 об.
- ²⁰ *Улууня А.А.* Из истории национально-освободительного движения в Болгарии 60-70-х годов XIX в. (По донесениям русских дипломатов). // Известия на института за история. Том 20. София, 1968.
- ²¹ Письмо Н. Палаузова от 26 марта 1834 г. к Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому. См.: *Барсов Н.* Указ. соч. С. 48.
- ²² См., например, дело: "Прошения славянских общин на Высочайшее имя и частные ходатайства болгар". - АВПРИ. Ф. ГА, 1-9, 1853-1862 гг. Д. 3.
- ²³ Там же. Л. 33-35.
- ²⁴ Там же. Л. 32.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. ГА, 1-9, 1853-1856. Д. 11. Л. 466-466 об.
- ²⁶ *Шонов А.* Материали за българското възраждане в Македония. // Периодическо списание. Кн. XVIII. Средец, 1885. С. 443. То же происходило в Болгарии и Фракии (см. там же).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Помимо репрессий всякого рода, город лишен был прав внутренней автономии, которыми он пользовался до восстания 1822 г.
- ²⁹ *Шонов А.* Указ. соч.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. ГА 1-9, 1853-1854. Д. 2. Л. 2-13.
- ³¹ Там же. Л. 10 об. *Djordjević D.* Revolutions nationaux des peuples balkaniques. 1804-1914. Beograd, 1965. P. 68.
- ³² Копия письма кн. Панайота Суцо из Афин кн. Константину Георгию Суцо в Бухаресте от 29 янв./10 февр. 1854 г. АВПР. Ф. ГА 1-9, 1853-54. Д. 2. Л. 62-62 об. П. Суцо отмечал между прочим, что греческое правительство находилось перед альтернативой: или внутренняя революция или закрыть глаза на происходящие события (л. 64).
- ³³ АВПРИ. Ф. ГА 1-9, 1853-1854 Д. 2. Л. 68-68 об.
- ³⁴ *Djordjević D.* Op.cit. P. 87-88.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Кирил патриарх български. Граф Игнатъев и българският църковен въпрос. Изследование и документи. София, 1958. С. 12.

- ³⁷ Djordjević D. Op.cit.
- ³⁸ Кирил патриарх български. Указ. соч. С. 11-12; Историја на македонскиот народ. Кн. втора. С. 33-34.
- ³⁹ Архив на Г.С. Раковски. Том 1. София, 1952. С. 359-361.
- ⁴⁰ Там же. С. 361.
- ⁴¹ Ибо восточный вопрос уже не заключался больше в вековом антагонизме между христианами и мусульманами. Со времени Парижского трактата религиозное чувство, составляющее главную основу связи между всеми христианами Балканского полуострова стало уступать национальному чувству.
- ⁴² Никитин С.А. Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50-70-е годы XIX в. // История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963.
- ⁴³ Никитин С.А. Указ. соч.
- ⁴⁴ Арнаудов М. Г.С. Раковски. Живот - дело - идеи. Второ изд. София, 1942. С. 70.
- ⁴⁵ Напомним, что в 1860-1862 гг. Раковский находился в Белграде.
- ⁴⁶ "План за освобождението на България". Белград, 1861. Архив на Г.С. Раковски. Т. 1. София, 1952. С. 377.
- ⁴⁷ Там же. С. 378.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С. 379.
- ⁵⁰ "Зимой в Белград вернулся известный дед Илю-македонец со своей четой... Раковский поместил его на квартиру в своем доме" (Касабов И. Моите спомени на възраждане-то на България с революционни идеи. София, 1905. С. 27).
- ⁵¹ Гацов Н.Г. С. Раковски - военен теоретик и организатор. // Сб. статей - Г.С. Раковски. Възгледи, дейност и живот. Том 1. София, 1964. С. 69.
- ⁵² Касабов И. Указ. соч. С. 31, 33. Интересно, что в сохранившихся "Списках некоторых участников легии Раковского" (список № 37 - 20 чел., список № 38 - 85 чел.) нет имен македонских четников. См. Архив на Г.С.Раковски. Том 1. С. 395-397.
- ⁵³ Ему, как и П. Хитову, было назначено сербским правительством постоянное пособие.
- ⁵⁴ Архив на Н.Герев. Ч. 1. С. 236-238.
- ⁵⁵ АВПРИ. Ф. ГА, 1-1, 1861. Д. 37. Л. 36.
- ⁵⁶ АВПРИ. Ф. ГА, V A₂. Д. 1184. Ч. 1. Л. 304. Районы Западной Македонии, граничавшие с Албанией и имевшие значительную мусульманскую прослойку, отличались особенным произволом и беззаконием, что было естественной преградой на пути выражения какого-либо протеста со стороны христианского населения Македонии, и прежде всего его славянской части.
- ⁵⁷ Донесение М.А. Хитрово Н.П. Игнатьеву, 10 мая 1862 г. АВПРИ. Ф. ГА, V A₂. Д. 1184. Ч. 1. Л. 323-324 об.; Сенкевич И.Г. Новые материалы из истории южных славян. // Славянский архив. М., 1963. С. 242-243.
- ⁵⁸ Там же. См. также АВПРИ. Ф. ГА IV-2, 1860-1871. Д. 11. Л. 254 об.
- ⁵⁹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 4323, Лл. 29-31; Сенкевич И.Г. Указ. соч.
- ⁶⁰ АВПРИ. Ф. ГА, VA₂. Д. 1184. Ч. 1. Л. 403-403 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 384.
- ⁶² АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2260. Л. 218 об. - 219 об.
- ⁶³ АВПРИ. Ф. ГА UA₂. Д. 1184. Ч. 1. Л. 444.
- ⁶⁴ АВПРИ. Ф. Отчет МИДа за 1863 г. Лл. 157, 162 об.-163.

- ⁶⁵ АВПРИ. Ф. ГА VA₂. Д. 1184. Ч. I. Л. 384. Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1418. Л. 1-2; *Сенкевич И.Г.* Указ. соч. С. 244. *Христов Х.* Аграрные отношения в Македония през XIX в. София, 1964.
- ⁶⁶ *Арнаутов М.* Указ. соч. С. 78 (Последнее изд. этой книги. София, 1969. С. 77).
- ⁶⁷ История на България. Т. I. София, 1953. Карта 1853-1874.
- ⁶⁸ АВПРИ. Ф. ГА. VA₂. Д. 1184. Ч. II. Л. 615.
- ⁶⁹ АВПРИ. Ф. ГА. IV-2. 1860-1871 гг. Д. 11. Л. 193 об.; Архив на Н. Геров. Ч. I. С. 334.
- ⁷⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863. Д. 43. Л. 172.
- ⁷¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2259. Л. 254-254 об.
- ⁷² АВПРИ. Ф. ГА. VA₂. Д. 1184. Ч. I. Л. 385-385 об.
- ⁷³ Там же. Л. 386-386 об.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2258. Л. 254.
- ⁷⁶ Вспомним, что по его же проискам был арестован Д. Миладинов. Греческое фанариотское духовенство, чье процветание было тесно связано с турецкой политической системой, выступало противником любого демократического движения, независимо от того, из какой национальной среды оно исходило.
- ⁷⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863. Д. 42. Л. 766-767.
- ⁷⁸ АВПРИ. Ф. ГА VA₂. Д. 1184. Ч. I. Л. 386 об., 387, 389 об.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2264. Л. 240 об.-241.
- ⁸¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 35. Л. 169-170 об.
- ⁸² АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2259. Л. 3-4 об.
- ⁸³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 35. Л. 36-37; В Битоли были расквартированы казачий и драгунский полки генерала Чайковского (Садык-паша), солдаты которых в большинстве своем были набраны из Среды славянского и греческого населения Македонии (АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1861-1869. Д. 820. Л. 211-212 об.; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 43. Л. 172).
- ⁸⁴ АВПРИ. Ф. ГА VA₂. Д. 1184. Ч. I. Л. 203-204.
- ⁸⁵ Там же. Л. 210 об.
- ⁸⁶ АВПРИ. Ф. ГА, 1-9. Д. 1. Л. 163 об. В одном из своих донесений этого периода Ионин отмечал, что греческие турецкие провинции покрыты, как сетью, этериями и заключают в себе более средств для борьбы, чем славянские земли Турции (там же. Л. 838 об.).
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ АВПРИ. Ф. ГА VA₂. Д. 1184. Ч. I. Л. 325 об.
- ⁸⁹ АВПРИ. Ф. ГА, IV-2, 1857-70. Д. 13. Ч. II. Л. 245.
- ⁹⁰ АВПРИ. Ф. ГА, VA₂. Д. 1100. Л. 99.
- ⁹¹ АВПРИ. Ф. ГА, IV-2, 1857-70. Д. 13. Ч. II. Л. 275-275 об.
- ⁹² Там же. Л. 359.
- ⁹³ АВПРИ. Ф. ГА VA₂. Д. 1184. Ч. II. Л. 740.
- ⁹⁴ АВПРИ. Ф. ГА, 1-9, 1815-1873. Д. 1. Л. 763-764.
- ⁹⁵ Там же. Л. 771.
- ⁹⁶ АВПРИ. Ф. ГА, VA₂. Д. 1100. Л. 40-42. *Сенкевич И.Г.* Албанское освободительное движение в годы Критского восстания 1866-1869 гг. // Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации. Москва, 1966.
- ⁹⁷ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2264. Л. 211.
- ⁹⁸ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1422. Л. 37.

- ⁹⁹ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2265. Л.181-184 об.; Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2266. Л. 61-61 об., 154-154 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1420. Л. 85. *Струкова К.Л.* К истории национально-освободительной борьбы балканских народов против турецкого владычества во второй половине 60-х годов XIX в. // Советское славяноведение (материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 31 января - 3 февраля 1968 г.). Минск, 1969 г.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1420. Л. 36-36 об., 17-17 об.
- ¹⁰² Там же. Л. 32-32 об.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же. АВПРИ. Ф. IV-2. Д. 11. Л. 224-224 об., 226-226 об., 263 об.-264.
- ¹⁰⁵ *Зойдис Г.И.* Историческите връзки и общите борби на гръцкия и българския народ. София, 1959.
- ¹⁰⁶ Там же. См. также *Шишков Ст.Н.* Беломорска Тракия в освободителната война през 1877-78 гг. Пловдив, 1929.
- ¹⁰⁷ *Djordjević D.* Op.cit.; *Јакшић Гр. Вучковић. В.* Указ. соч. С. 250.
- ¹⁰⁸ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 264. Л. 53-57.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 58-59 об.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же. Лл. 68-68 об., 74-74 об. Булгарису удалось в Константинополе бежать из тюрьмы. Через Одессу он выехал в Европу. В 1867 г. он находился в Афинах.
- ¹¹³ Там же. Л. 238.
- ¹¹⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1421, Л. 52-52 об.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 20 об.
- ¹¹⁶ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2264. Л. 249-250.
- ¹¹⁷ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1420. Л. 97 об.-98.
- ¹¹⁸ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2264. Л. 238 об.
- ¹¹⁹ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Л. 238 об.-239.
- ¹²⁰ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Л. 238.
- ¹²¹ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Л. 238-241.
- ¹²² Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2265. Лл. 20 об.-21.
- ¹²³ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2265. Лл. 108 об.; Ф. IV-2. Д. 11. Л. 242 об.-248.
- ¹²⁴ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2265. Л. 108 об.
- ¹²⁵ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2265. Л. 56-58.
- ¹²⁶ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1423. Л. 4 об.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ АВПРИ. Ф. ГА, VA₂. Д. 1185. Л. 44.
- ¹²⁹ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1420. Л. 85 об., 102; Д. 2265. Л. 124-127.
- ¹³⁰ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1421. Л. 7 об.-8; Д. 1420. Л. 102-102 об.
- ¹³¹ *Цамбазовски К.* Културно-општествените врски на македоните со Србија во текот на XIX век. Скопје, 1960. С. 70.
- ¹³² *Цамбазовски К.* Novi prilozii istoriji kulturno-političkih odnosa makedonskog i srpskog naroda u XIX veku. // Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd, 1964. № 1. *Сенкевич И.Г.* Албания в период восточного кризиса (1875-1881 гг.). М., 1965. С. 57.
- ¹³³ *Цамбазовски К.* Указ. соч. С. 63. Последнее объяснялось наличием в названных округах значительного количества албанцев-гегов.

- ¹³⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1421. Л. 32 об.-33; ГА, VA₂. Д. 1185. Л. 174-174 об.
- ¹³⁵ Сенкевич И.Г. Указ. соч.
- ¹³⁶ АВПРИ. Ф. ГА, IV-2. Д. 11. Л. 224 об.-226 об., 236 об.-264; Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2265. Л. 18, 35 об., 36, 124 об.-126 об.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Вукичевич М. Сербия и болгары в борьбе за свободу и культуру. СПб., 1913. С. 185-191. Попова А.А. Национально-освободительная борьба болгарского народа в 60-х годах XIX в. // Вопросы истории. 1953. № 10.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Цамбазовски К. Указ. соч. С. 92-94. Еще в 1866 г. тот же Милоевич обращался к И.Гарашанину с требованием, чтобы министерство иностранных дел оказало содействие защите сербских интересов за пределами Сербии. В качестве первого шага он предлагал послать в Старую Сербию и Македонию около 50-ти учителей, которые явились бы опорой сербскому влиянию (Там же).
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ Теплов В. Греко-болгарский церковный спор по неизданным источникам. СПб, 1889.
- ¹⁴⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1420. Л. 101-104.
- ¹⁴⁵ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1421. Л. 64-64 об., 75 об.-76.
- ¹⁴⁶ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1421. Л. 75-76 об. Скорее всего их источником была болгарская эмигрантская печать. Известно, что газета "Народност" в июле и августе 1867 г. печатала статьи, где умышленно преувеличивались действия четы Хаджи Димитра, говорилось о начале большого восстания в Болгарии и т. п. См.: Косев Д. Към историята на революционното движение в България през 1867-1871. София, 1958. С. 20-21.
- ¹⁴⁷ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1422. Лл. 85-85 об. См. также Христов Х. Указ. соч. С. 154.
- ¹⁴⁸ Христов Х. Указ. соч. С. 153.
- ¹⁴⁹ Снегаров И. Град Охрид. Исторически очерк. // Македонски преглед. София. 1928. № 2. С. 91.
- ¹⁵⁰ Бобчев И.С. Хаджи Димитр, Стефан Караджи и техните другари. София, 1930.
- ¹⁵¹ Егејска Македонија во нашата национална историја. Скопје, 1951. С. 90.
- ¹⁵² АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1422. Л. 85.
- ¹⁵³ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1421. Л. 64-65 об.
- ¹⁵⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1422. Л. 109 об.-110 об.
- ¹⁵⁵ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1422. Л. 102-104.
- ¹⁵⁶ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1430. Л. 9-10, 94 об.
- ¹⁵⁷ "Егејска Македонија во нашата национална историја". С. 90; Djordjević D. Op. cit. С. 111.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2265. Л. 56-58.
- ¹⁶⁰ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1420. Л. 82-85 об.
- ¹⁶¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2265. Л. 23-23 об.
- ¹⁶² Унджиев Ив. Васил Левски. София, 1967. С. 118, 120-121; Косев Д. Указ. соч. С. 34-57.
- ¹⁶³ Унджиев Ив. Указ. соч.; История на България. Т. 1. София, 1954. С. 421-422.
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ Страшимиров Д.Т. Васил Левски. Живот, дело, извори. Т. 1. Извори. София, 1929. С. 210.
- ¹⁶⁶ Там же, стр. 60.

- ¹⁶⁷ Унджиев Ив. Указ. соч. С. 257-258.
- ¹⁶⁸ Костенцев Х. Михаил Г. Към историята на нашето духовно възбуждане. Спомени от моето книжарство. // Списание на БАН. Кн. XXVI. Клон историко-филологичен. 14. София, 1923. С. 167.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 167-168.
- ¹⁷⁰ Письмо Ст. Верковича от 3 март 1870 г. См.: Райкова Ана. Документи за национално-освободителното движение в Македония през 70-е години на XIX в. // Исторически преглед. 1968. № 1. С. 128-129.
- ¹⁷¹ Селищев А.М. Из биографии Станиславы Балкановой. // Македонски преглед. 1933. № 4. С. 25; Дойнов Д. Националноосвободителните борби в югозападна България в навечерието на Кресненско-Разложкото въстание. // Кресненско-Разложкото въстание 1878. Доклади от научната сесия и тържествено чествуване на 90-годишнината от Кресненско-Разложкото въстание в Благоевград, документи и други материали. София, 1970. С. 32.
- ¹⁷² Записки Недели Петковой и Славки Караивановой, рукопись. См.: Дойнов Д. Указ. соч. С. 32.
- ¹⁷³ Спомени на А. Костенцев. // Сборник на БАН. Клон историко-филологичен. 4. София, 1916. С. 39.
- ¹⁷⁴ Страшимиров Д.Т. Указ. соч. С. 60.
- ¹⁷⁵ Райкова А. Указ. соч. С. 129-135.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Страшимиров Д.Т. Указ. соч. С. 362.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 366.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 368.
- ¹⁸⁰ Унджиев Ив. Указ. соч. С. 224.
- ¹⁸¹ Страшимиров Д.Т. Указ. соч. Т. 1. С. 153.
- ¹⁸² Влахов Т. Кукуш и неговата историческо минало. София, 1963. С. 125-126.
- ¹⁸³ Там же.
- ¹⁸⁴ Д.Т. Страшимиров в 1929 г. изразявал благодарност "молодому нашему ученому г. Ив. Унджиеву" за помощ в подготовката на печатането на първия том на своята работа "Левском". См.: Страшимиров Д.Т. Т. 1. С. 23.
- ¹⁸⁵ Унджиев Ив. Указ. соч. С. 175, 268.
- ¹⁸⁶ "Македония". 1869. 2 мая.
- ¹⁸⁷ "Македония". 1871. 18 янв.
- ¹⁸⁸ Карасев В.Г. и Конобеев В.Д. О связях русских, сербских и болгарских революционеров в 60-70-х гг. XIX в. // Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации. Москва, 1966.
- ¹⁸⁹ Влахов Т. Указ. соч.
- ¹⁹⁰ Минева Д. Въззвание на революционния комитет през 1876 г. // Известия на Българското историческо дружество. Кн. XXII-XXIV. София, 1948. С. 431.
- ¹⁹¹ Дойнов Д. Указ. соч. С. 35.
- ¹⁹² Лане Љ. Разловечкото въстание во 1876 година. // Годишен зборник на филозофскиот факултет на универзитетот во Скопје. Историко-филошки оддел. Кн. 3. № 4. Скопје, 1950. С. 15.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 16-17.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 17-18.
- ¹⁹⁶ Селищев А.М. Из биографии Станиславы Балкановой. // Македонски преглед. 1933. № 4. С. 25-26; Лане Љ. Указ. соч. С. 19. Изображение знамени имае во книгата: Лане Љ.

- Одбрани текстови за историјата на македонскиот народ. II дел., Скопје, 1965. С. 117, а
 также в ряде альбомов, в разное время изданных в Софии.
- ¹⁹⁷ Учасник првото болгарско отряда в Белграде, близки соратник и товарищ
 В. Левскогo и Иљо Маркова, член Софийскогo револуционнoгo комитета. См.: *Дойно-
 нов Д.* Указ. соч. С. 35.
- ¹⁹⁸ *Стојанов К.П.* Тридесет години назад. Исторически записки по првото македонско
 встанье. Кюстендил, 1903. С. 14. Цитирую по указ. статье *Д. Дойнова*, стр. 35.
- ¹⁹⁹ *Лане Љ.* Указ. соч. С. 19.
- ²⁰⁰ Там же. С. 20-21.
- ²⁰¹ *Лане Љ.* Указ. соч. С. 21-28; *Дойнов Д.* Указ. соч. С. 34.
- ²⁰² Из архивата на Н. Геров. Т. II. Софиа, 1914. С. 647; *Лане Љ.* Указ. соч. С. 27.
- ²⁰³ *Лане Љ.* Указ. соч. С. 4.
- ²⁰⁴ Спомени на А. Костенцев. С. 45; *Дойнов Д.* Указ. соч. С. 36.
- ²⁰⁵ *Дойнов Д.* Указ. соч. С. 36.
- ²⁰⁶ Там же.
- ²⁰⁷ Там же.
- ²⁰⁸ *Стојанова Р.* Социален произход и брой на Ботевите четници. // Сб. Априлското встанье.
 1876-1966. Софиа, 1966. С. 67-85.
- ²⁰⁹ *Генов Ц.* Добровольческо движение на Балканах во время сербо-турецкой войны
 1876 г.
- ²¹⁰ *Овсяный Н.Р.* Болгарское ополчение и земское войско. СПб., 1904. С. 56-57.
- ²¹¹ Там же. С. 57. *Дойнов Д.* Указ. соч. С. 40.
- ²¹² *Овсяный Н.Р.* Указ. соч. С. 58.
- ²¹³ *Караманов В.А.* Пиянец. Двумесечно царство през 1878 г. // Сп. Родина. 1939. Кн. 6.
 С. 143-161. См.: *Дойнов Д.* Указ. соч. С. 40. Историја на македонскиот народ. Кн. II. С. 88.
- ²¹⁴ *Хаджи-Василевић Йов.* Устанак срба у Кумановској и Паланечкој кази у 1878 години.
 // Сп. Братство. Књ. XI. Београд, 1906. С. 152-196. См.: *Дойнов Д.* Указ. соч. С. 41; И-
 сторија на македонскиот народ. Кн. Втора. С. 88-89.
- ²¹⁵ *Дойнов Д.* Указ. соч. С. 40.
- ²¹⁶ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2275. Л. 12.
- ²¹⁷ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1430. Л. 109-109 об. (Данные от ноября
 1876 г.).
- ²¹⁸ *Тодоров Г.Д.* Временното руско управление в България през 1877-1879. Софиа, 1958.
 С. 407-408.
- ²¹⁹ *Христов Хр.* Освобождението на България и политиката. С. 182-185. *Дойнов Д.* Указ.
 соч. С. 42.
- ²²⁰ *Благовое Д.* Принос към историята на социализма в България. Софиа, 1956. С. 60-63.
- ²²¹ *Цамбазовски Кл.* Културно-општествените врски на македонците со Србија во текот на
 XIX век. Скопје, 1960. С. 140-141.
- ²²² "Српске Новине". 1878. 5-7 мая; *Цамбазовски Кл.* Указ. соч. С. 141.
- ²²³ "Српске Новине". 1878. 30 мая - 1 июня; *Цамбазовски Кл.* Указ. соч. С. 141.
- ²²⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2491. Л. 34-35.
- ²²⁵ В дальнейшем заседания Лиги происходили то в Призрене, то в Дебаре.
- ²²⁶ Битольский вилайет.
- ²²⁷ *Селищев А.М.* Славянское население в Албании. Софиа, 1931. С. 114 и др.; Български
 патриарх Кирил. Съпротивата срещу Берлинския договор. Кресненското встанье.
 Софиа, 1955. С. 32-33; *Сенкевич И.Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875-
 1881 гг.). Москва, 1965. С. 104-105.

- ²²⁸ *Овсяный Н.Р.* Русское гражданское управление в Болгарии. Т. 2. СПб., 1906. С. 49-51. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877-78-79 гг. Вып. 5. СПб., 1906. С. 120, 189.
- ²²⁹ Български патриарх Кирил. Указ. соч. С. 26-28, 35.
- ²³⁰ Там же.
- ²³¹ Български патриарх Кирил. Указ. соч. С. 83; *Дойнов Д.* Указ. соч. С. 55.
- ²³² *Левинтов Н.* Кресненское восстание. // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 78.
- ²³³ См. Български патриарх Кирил. Указ. соч.. Ч. II. Документи. С. 115-300. Историја на македонскиот народ. Кн. Втора. Фотография печати между 96 и 97 страницами.
- ²³⁴ *Костенцев А.* Указ. соч. С. 51.
- ²³⁵ *Левинтов Н.* Указ. соч. С. 80-82.
- ²³⁶ Там же. С. 82-83.
- ²³⁷ *Левинтов Н.* Указ. соч. С. 83.
- ²³⁸ Там же. С. 84.
- ²³⁹ *Костенцев А.* Указ. соч. С. 51-52.
- ²⁴⁰ *Левинтов Н.* Указ. соч.; Български патриарх Кирил. С. 310-311. *Дойнов Д.* Указ. соч.
- ²⁴¹ Все это, только в больших масштабах и с большими жертвами повторится при подготовке и проведении Илинденского восстания 1903 г.
- ²⁴² *Бужашки Е.* При изворите на народната съпротива. Записки за Кресненското въстание. На Иван П. Георгиев, писар в четати на Стоян Карастоилов. // Известия на Българското историческо дружество. Кн. XXVI. София, 1968. С. 337-338.
- ²⁴³ Сборник материалов. Вып. 5. С. 61.
- ²⁴⁴ Там же. С. 63.
- ²⁴⁵ Български патриарх Кирил. Документи. С. 121-122.
- ²⁴⁶ Български патриарх Кирил. Документи. С. 136-137, 142-144, 152-155 и др.
- ²⁴⁷ Там же. С. 119-120.
- ²⁴⁸ Там же. С. 126.
- ²⁴⁹ Там же. С. 158-160.
- ²⁵⁰ Там же. С. 124-125.
- ²⁵¹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. III, Москва, 1967. С. 325.

Заключение

Совокупность всего материала, приведенного в работе, позволяет высказать некоторые суждения. Прежде всего, на наш взгляд, можно с полной определенностью сказать, что процесс формирования болгарской нации в его подлинной конкретике изучен совершенно недостаточно. Нельзя одними и теми же красками, как это обычно делается, рисовать картину развития во всех трех исторически сложившихся областях - Мизии, Фракии и Македонии. В каждой из этих областей была масса местных особенностей в экономической и общественной жизни, быте, языке, фольклоре, народных преданиях, обусловленных известным различием исторических судеб, географического положения, этнического субстрата и др., что не могло не наложить своего отпечатка на характер исторического процесса в каждой из названных областей.

По всей очевидности, процесс формирования болгарской нации можно считать в основном завершенным к 70-м гг. XIX в. только для географической Болгарии и южной, включавшей северную часть Фракии. На остальной территории - в Македонии и большей части Фракии процесс формирования болгарской нации в указанный период не достиг достаточной зрелости¹. Отсюда распространенность здесь в это время географическо-областнической терминологии, частое использование, применительно, например, к Македонии таких определений как "славяне", "славянское население", "македонские славяне" и т. д.².

На отсутствие полного национального слияния между Болгарией, Фракией и Македонией в третьей четверти XIX в., наличие между ними различий в истории, обычаях, антропологическом типе населения и т. п. имеется много указаний. Интересно, в частности, свидетельство Блэнт, долгое время проживавшей в европейских провинциях Турции. Она отмечала, например, что жители Фракии и Македонии "считают себя скорее фракянами и македонцами, чем болгарами"³.

Другими словами, утвердившийся в болгарской историографии тезис о том, что формирование болгарской нации на всей этнической территории завершилось к 70-м годам XIX в.⁴, требует существенных дополнений. В советской болгаристике, в свое время полностью разделявшей эту точку зрения болгарских коллег⁵, только в конце 60-х гг. XX века в самой общей форме был поставлен вопрос об отнесении времени завершения процесса формирования болгарского национального рынка на период после освобождения, когда, по словам автора,

"экономические связи окончательно окрепли и оформились, приспособившись к тем границам, какие определились в 1885 г."⁶.

Нельзя не отметить также, что название "Македония", как исторический термин, имеет такое же право на существование, как названия "Далмация", "Босния", "Герцеговина", "Эпир", "Фессалия" и другие, что его употребление для 50-70-х гг. XIX в. отнюдь не означает самостоятельного этнического содержания и не является опережением "хода исторического процесса". Как правомочно рассматривать историю выше названных балканских областей, так правомочно рассматривать и историю развития Македонии.

Как показывают самые разнообразные источники и литература, Македония в 50-70-е гг. XIX в. отличалась существенными региональными особенностями. Специфика экономического развития обусловила замедленность в македонской среде процессов социального расслоения и формирования новых классов поднимавшегося буржуазного общества. Появление обостренного интереса к элементам народной культуры: языку, фольклору, своему историческому прошлому, показало наличие заметного местного патриотизма, который получил свое выражение в различных проявлениях гордости вкладом Македонии в общеполитическую культуру (как родины Кирилла и Мефодия), в привязанности к местным преданиям, в высказывании мнений о превосходстве македонского диалекта над "фракийским и мизийским", стремлении отразить "драгоценности" своих говоров в общем болгарском литературном языке, в существовании определенной обиды на игнорирование македонских языковых требований⁷.

Однако, региональные особенности македонцев в 50-70-е годы XIX в. не имели характера особых национальных отличий, хотя слабые сепаратистские тенденции проявились уже в тот период. Четкой, позитивной, собственно македонской программы в эти годы сформулировано не было. Основная масса населения Македонии представляла собой рыхлую народную общность, в национальном отношении полностью несложившуюся, но в большинстве своем эволюционировавшую в сторону становления здесь болгарского национального самосознания. Трудно предугадать, как протекали бы процессы формирования национального самосознания славянского населения Македонии, если бы не было решений Берлинского конгресса. Возможно, эти процессы стали бы развиваться по пути полного и окончательного слияния с ведущей национальной областью, как это было в случае Далмация - Хорватия⁸, возможно, они пошли бы по пути выдвижения на более позднем этапе требований признания своей отдельной нации, как это имеет место в наше время в Черногории и Боснии. Берлинский конгресс оставил для Македонии один путь - дальнейшее углубление диалектных; этнографических и психических особенностей и постепенного перехода этих количественных факторов в качественные.

Борьба вокруг Македонии, обострившаяся после Берлинского конгресса и угрожавшая разделом македонской территории между соперниками, также способствовала укреплению в дальнейшем у македонских общественно-политических деятелей стремления к автономии Македонии.

В 50-70-е годы XIX в. македонские общественно-политические круги, несмотря на отсталость Македонии, в целом стремились к осуществлению тех же целей, что в Болгарии и Фракии: созданием независимой от Константинопольской патриархии церкви добиться размежевания с греками, покончить с греческой гегемонией и, мобилизовав национальные силы, сбросить турецкое иго. По мере развития церковного и культурно-просветительного движения в Македонии, ширилось влияние болгарской общественно-политической мысли. Однако, в отличие от Болгарии, в Македонии в 60-70-е годы XIX в. не произошло оформления революционно-демократической идеологии. До русско-турецкой войны 1877-1878 годов Македония успела пройти только первую общедемократическую стадию относительного национального единства, когда складывавшаяся буржуазная идеология объединяла все национальные социальные группы, а проходившая мобилизация культурных богатств была направлена на пробуждение и углубление патриотических чувств и национального самосознания.

Политическая программа в Македонии в рассматриваемый нами период оставалась в известной мере расплывчатой. Достижение основной цели - освобождения от турецкого деспотического режима, буржуазия и ее идеолог - интеллигенция готовы были добиваться любыми путями, кроме союза с греками. В Македонии в канун последнего военного столкновения России с Турцией, приветствовали бы любую форму внутренней автономии, ограничивающей произвол турецких властей. Повсюду в Македонии включение ее в рамки Сан-Стефанской Болгарии было встречено с радостью. Решения Берлинского конгресса, разгул турецких репрессий подняли население Македонии на массовую вооруженную борьбу, преимущественно в районах, пограничных с размещением русских и сербских войск, на помощь и защиту которых поднялись македонские повстанцы.

В заключение следует сказать, что македонская проблема никогда не выйдет из тупика, если не будет принято какого-либо обоснованного компромиссного решения. Признавая существование в настоящее время македонской нации, а в этом советская историческая наука едина, нельзя отрицать права нации на предысторию ее возникновения. По-видимому, период до начала процесса формирования собственно македонской нации следовало бы считать общим периодом болгаро-македонской истории.

Примечания

- ¹ Проводя параллель между Болгарией, Македонией и Фракией, мы выделяем основные линии исторического процесса в этих землях, опуская частности. Конечно, и в Болгарии имелись отсталые районы, не ушедшие далеко в своем развитии от Македонии, но не они определяли общее направление развития.
- ² Такой терминологией в 50-70-е гг. XIX в. пользовались самые разные лица - местная интеллигенция, Стефан Веркович, русские дипломаты и другие современники.
- ³ *Блэнт*. Указ. соч. С. 8.
- ⁴ См. указанные в работе сочинения В. Паскалевой о формировании болгарской нации, а также труды других болгарских историков, в частности книгу: Георгиев Г., Шопов Й. Илинденското въстание. София, 1969. С. 37.
- ⁵ История Болгарии. Т. 1. М., 1953.
- ⁶ *Никитин С. А.* Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. (преимущественно на южнославянском материале). // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации. М., 1968. С. 70.
- ⁷ См. например статью К. Шапкарева "Языкословие" в газете "Македония" от 3 июля 1870 г. Интересно в этой связи и замечание Н. Ф. Якубовского (в донесении от 19 мая 1868 г.) по поводу распространения в буржуазно-интеллигентских кругах Битоля брошюры Стояна Чомакова на французском языке "Болгарский вопрос". Якубовский писал, что брошюра эта, как и все вообще брошюры на французском языке, читается здесь "трудно и мало", а верят ей еще меньше, потому что "идеи и убеждения болгар основаны не на французских брошюрах, а на родовых преданиях". - АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, д. 1422, лл. 53-54. Это наблюдение тем более интересно, что западная Македония, крупнейшим городом которой был Битоля, отличалась значительной архаичностью быта и прочностью родовых традиций.
- ⁸ *Petrović R.* Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX stoljeću. (Narodna stranka i nacionalno pitanje. 1860-1880. Sarajevo, 1968.

С о д е р ж а н и е

П р е д и с л о в и е

-4-

В в е д е н и е

-7-

Г л а в а п е р в а я
Место Македонии в системе
европейских провинций Турции

-23-

Г л а в а в т о р а я
Социально-экономическое
положение Македонии
в 50-60-е годы XIX в.

-37-

Г л а в а т р е т ь я
Подъем возрождения в Македонии
в 50-70-е годы XIX в.

-84-

Г л а в а I V
Национально-освободительная борьба
против османского ига
в 50-70-е годы XIX в.

-149-

З а к л ю ч е н и е

-200-

Научное издание

Струкова К.Л.

**Общественно-политическое
развитие Македонии
в 50-70-е гг. XIX века
Монография**

Москва 2004

Монография подготовлена к изданию
В редакционно-издательском отделе
Института славяноведения РАН
Компьютерный набор *Н.А. Поляковой*
Оформление оригинал-макета и верстка *М.И. Леньшиной*

ИД № 01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 3.07.2004 г.
Тираж 500 экз. Заказ № 81

Объем 12,75 печ.л.
Цена договорная

Логос. ООО «Конти» г. Москва.

Струкова К.Л.

Общественно-политическое развитие Македонии
в 50-70-е годы XIX века